

260 Annales Universitatis
Paedagogicae Cracoviensis

ISSN 1689-9911

Studia Russologica

11 • 2018

Kolegium recenzentów

Dr hab. Anna Bolek (Kraków)
Prof. dr hab. Zofia Czapiga (Rzeszów)
Dr hab. prof. UR Ewa Dźwierzynska (Rzeszów)
Dr hab. prof. UP Janusz Henzel (Kraków)
Prof. dr hab. Krystyna Iwan (Szczecin)
Dr hab. Katarzyna Jastrzębska (Kraków)
Prof. Igor Kim (Nowosybirsk, Rosja)
Prof. dr hab. Ewa Komorowska (Szczecin)
Dr hab. prof. UŚ Jolanta Lubocha-Kruglik (Sosnowiec)
Prof. dr hab. Aleksander Naumow (Kraków, Wenecja, Włochy)
Prof. dr hab. Kazimierz Prus (Rzeszów)
Dr hab. prof. nadzw. Anna Stankiewicz (Daugavpils, Łotwa)
Prof. dr hab. Wasilij Szczukin (Kraków)
Prof. dr hab. Wiesław Witkowski (Kraków)
Dr hab. prof. UG Katarzyna Wojan (Gdańsk)
Prof. dr hab. Władysław Woźniewicz (Poznań)
Dr hab. Włodzimierz Wysoczański (Wrocław)

Komitet redakcyjny

Dr hab. prof. UP Bogumił Ostrowski – redaktor naczelny
Dr hab. prof. UP Halina Chodurska – redaktor działów Językoznawstwo i Glottodydaktyka
Dr hab. prof. UP Barbara Stawarz – redaktor działu Literaturoznawstwo
Prof. zw. dr hab. Tadeusz Szczerbowski – redaktor działu Przekładoznawstwo
Dr Gabriela Sitkiewicz – sekretarz

Rada Naukowa

Prof. dr hab. Yelena Berezovich (Jekaterynburg, Moskwa, Rosja)
Dr Marta Bjelečić (Belgrad, Serbia)
Dr hab. prof. UJ Andrzej Dudek (Kraków)
Dr hab. Lyubov Kurkina (Moskwa, Rosja)
Prof. dr hab. Natalia Kuzniecova (Tiumeń, Rosja)
Doc. Jevgenij Stiepanov (Odessa, Ukraina)
Dr hab. prof. nadzw. Anna Stankiewicz (Daugavpils, Łotwa)
Prof. dr hab. Olga Trofimova (Tiumeń, Rosja)

© Copyright Wydawnictwo Naukowe UP, Kraków 2019

ISSN 1689-9911

DOI 10.24917/16899911.11

Wydawnictwo Naukowe UP
Redakcja/Dział Promocji
30-084 Kraków, ul. Podchorążych 2
tel./fax (12) 662-63-83, tel. (12) 662-67-56
e-mail: wydawnictwo@up.krakow.pl

Zapraszamy na stronę internetową: <http://www.wydawnictwoup.pl>

druk i oprawa: Zespół Poligraficzny WN UP

Od redaktorów

Oddajemy w ręce Czytelników jedenasty tom prac wydawanych w ramach „Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Russologica”. Niniejszy tom zawiera prace z zakresu literaturoznawstwa, językoznawstwa, glottodydaktyki i przekładoznawstwa.

W tym numerze Redaktorzy z przyczyn natury obiektywnej zdecydowali się połączyć działy „Językoznawstwo” i „Glottodydaktyka”. Nadesłano do nich cztery artykuły. Dwa z nich koncentrują się na zagadnieniach szeroko pojmowanego nauczania języka rosyjskiego (w jednym zaprezentowano szereg ćwiczeń zapobiegających interferencji przeznaczonych do realizacji na I roku studiów filologicznych, w drugim zaś omówiono rolę wiedzy i umiejętności z zakresu gramatyki w procesie przyswajania reguł punktuacji), pozostałe dwa mają charakter *stricte* lingwistyczny (pierwszy ukazuje blaski i cienie metody analizy korpusowej, drugi natomiast w sposób niestandardowy analizuje frazeologizmy z rosyjskich gwar rejonu Odessy).

W dziale „Literaturoznawstwo” zaprezentowano sześć artykułów rusycystów-literaturoznawców penetrujących badawczo spuściznę twórców znanych, ale nadal godnych zainteresowania ze strony interpretatorów literatury (L. Szestow, I. Erenburg, B. Okudźawa) lub przez polską krytykę literacką dotychczas pomijanych (Z. Krzyżanowski, A. Szyriajew). W pracach tych poruszane są kwestie natury filozoficzno-religijnej (koncept apokatastazy w liryce S. Gorodieckiego) lub odnoszą się one do sfery szeroko pojętej poetyki jak: istota i rola paradoksu w pracach krytycznoliterackich Lwa Szestowa, zagadnienie recepcji powieści Ilji Erenburga *Burzliwe życie Lejzorka Rojsztwańca*, specyfika ironii w liryce Bułata Okudźawy, znaczenie motywu fletu w poetyckim świecie Andrieja Szyriajewa czy obraz wojny w utworach prozatorskich Zygmunta Krzyżanowskiego.

W dziale „Przekładoznawstwo” Marcin Dziwisz na podstawie polskich wersji rosyjskich anegdot bada rzeczywistość radziecką i rosyjską w przekładzie. Równie interesujący jest artykuł Gustawa Michała Akartela o słownictwie substandardowym motywowanym nazwami własnymi. Oba teksty dotyczą w istocie przekraczania granic nieprzekładalnego.

Halina Chodurska
Barbara Stawarz
Tadeusz Szczerbowski

Halina Zajęc-Knapik

Ćwiczenia zapobiegające interferencji w nauczaniu języka rosyjskiego na I roku filologii rosyjskiej

Celem niniejszego artykułu jest zaprezentowanie opracowanych przez nas interfe-rencyjnych ćwiczeń gramatycznych zastosowanych na zajęciach z praktycznej nauki języka rosyjskiego na I roku filologii rosyjskiej. Skuteczność ćwiczeń została potwierdzona przeprowadzonymi przez nas badaniami eksperymentalnymi. Podstawą ich były opracowania glottodydaktyczne z tego zakresu oraz nasze doświadczenia w pracy ze studentami i aktualnie obowiązujące programy nauczania na zajęciach z praktycznej nauki języka rosyjskiego. Opracowane przez nas ćwiczenia służą zapobieganiu interferencji językowej, uzupełnieniu form pracy i zróżnicowaniu ćwiczeń stosowanych na zajęciach z praktycznej nauki języka rosyjskiego. W ćwiczeniach, głównie translacyjnych, uwzględnione zostały zjawiska gramatyczne z zakresu form czasownikowych, przyimków, przymiotników, liczebników i uży-cia partykuły „ли”.

Warto zaznaczyć, iż w nauczaniu języka obcego gramatyka odzyskała właściwą jej pozycję, „ale już nie jako cel sam w sobie, lecz jako narzędzie przyswajania języka, osiągnięcia kompetencji komunikacyjnej, zwłaszcza u młodzieży i dorosłych”¹. Zdaniem M. Pawlaka,

Obecnie zdecydowana większość teoretyków, badaczy i metodyków jest zgodnych, że nauczanie gramatyki ma pozytywny wpływ na proces przyswajania języka, a kwestie sporne dotyczą przede wszystkim wyboru struktur gramatycznych, stosowanych technik i procedur, czasu i intensywności interwencji, sposobu organizacji lekcji oraz rodzaju wykorzystywanego programu nauczania².

1. Zjawisko interferencji w nauczaniu języka rosyjskiego. Błędne opanowanie języka rosyjskiego jest spowodowane nieuwzględnianiem jego właściwości strukturalnych, różnic w funkcjonowaniu zjawisk polskich i rosyjskich. Na uwagę zasługuje wyodrębnienie błędów powstałych w wyniku polsko-rosyjskich kontrastów strukturalnych. Słaba znajomość języka rosyjskiego wpływa na powstawanie błędów

¹ I. Janowska, *Refleksyjne nauczanie gramatyki*, „Języki Obce w Szkole” 2004, nr 6, s. 41.

² M. Pawlak, *Nowoczesne technologie a uczenie się i nauczanie gramatyki*, [w:] *Wykorzystanie nowoczesnych technologii w dydaktyce języków obcych*, red. M. Pawlak, B. Wolski, Poznań–Kalisz–Konin 2011, s. 10.

interferencyjnych. Są to błędy, które są popełniane pod wpływem języka ojczystego, gdyż interferencji sprzyjają podobieństwa fonetyczno-gramatyczne i kontrasty między językiem ojczystym a obcym. Istnieją także błędy niezajomości wynikające z braku informacji na temat zakresu użycia formy, szyku i sposobu jej łączenia z innymi formami językowymi. Zwrócić należy uwagę, iż źródło błędów językowych tkwi w psychojęzykowej osobowości ucznia i myśleniu refleksyjnym³.

Do czynników utrudniających opanowanie języka rosyjskiego zaliczyć można: a) różnice między językami polskim i rosyjskim, b) predyspozycje i zdolności ucznia, czyli stopień nasilenia myślenia refleksyjnego. Są to przyczyny obiektywne i subiektywne, językowe i pozajęzykowe, które tworzą czynniki negatywne występujące w procesie nauczania każdego języka⁴.

Interferencja międzyjęzykowa jest źródłem znacznej liczby błędów. Im większe spokrewnienie języka wyjściowego i docelowego ze sobą, tym więcej subsystemów języka ulega interferencji. W odniesieniu do prognozowania błędów językowych A. Szulc pisze:

im bardziej zamknięty jest dany podsystem języka docelowego, tym większy jest zasięg zawartych w nim reguł, a co za tym idzie, tym mniejsze prawdopodobieństwo utworzenia formy niezgodnej z regułą⁵.

Na różnych etapach nauczania występują różnego typu błędy. A. Szulc prezentuje językoznawczą klasyfikację błędów językowych według poszczególnych podsystemów języka w planie ekspresji i w planie semantycznym. Wśród błędów w planie ekspresji wyróżnia: 1) foniczne, do których zalicza fonologiczne, allofoniczne, morfonologiczne, akcentuacyjne, intonacyjne; 2) graficzne: wewnątrzsystemowe (interferencja wewnątrzsystemowa), pozasystemowe (interferencja innego systemu graficznego). Do błędów w planie semantycznym zalicza: 1) morfologiczne (wewnątrzsystemowe, pozasystemowe), 2) syntaktyczne, 3) derywacyjne (wewnątrzsystemowe, pozasystemowe)⁶.

Błędy spowodowane interferencją języka ojczystego zależą od etapu nauki języka. Jak pisze H. Komorowska,

Stwierdzono mianowicie, iż najwięcej błędów wynikłych ze szkodliwego wpływu języka ojczystego występuje w początkowym etapie nauki języka [...] etapy bardziej zaawansowane bynajmniej nie charakteryzują się występowaniem tego rodzaju odchyłeń od normy. Dominują wówczas błędy wynikające z nadmiernej generalizacji praw rządzących językiem obcym, są to zatem błędy interferencji wewnątrzjęzykowej języka obcego⁷.

³ Zob. T. Wójcik, *Na marginesie zjawiska interferencji w nauczaniu języka rosyjskiego*, „Język Rosyjski” 1973, nr 1, s. 12.

⁴ Zob. T. Wójcik, *Językoznawcze aspekty metodyki nauczania języka rosyjskiego*, Wydawnictwo UAM, Poznań 1973, s. 102–103.

⁵ A. Szulc, *Błąd językowy a dydaktyka języka obcego*, „Języki Obce w Szkole” 1982, nr 5, s. 262.

⁶ Zob. tamże, s. 263–264.

⁷ H. Komorowska, *Metody badań empirycznych w glottodydaktyce*, PWN, Warszawa 1982, s. 66.

H. Komorowska uważa, że badania eksperymentalne nad interferencją

pozwołyły stwierdzić, że prawdopodobieństwo i wielkość błędu językowego nie są wprost proporcjonalne do różnicy między strukturami języka ojczystego i języka obcego. Im większa różnica, tym łatwiejsza jej percepcja, zatem rzadszy błąd. Im mniejsza różnica, ale konieczna do zachowania, tym trudniej ją zauważyć, zatem tym częstszy i poważniejszy błąd językowy⁸.

Istniejące w opracowaniach dane dotyczące ilości błędów interferencyjnych popełnianych przez uczących się są podobne. Badania prowadzone przez H.V. George'a wykazały, że stanowią one jedną trzecią błędów popełnianych przez uczących się języka obcego⁹. W. Figarski w swoich badaniach wykazał, iż połowa błędów popełnianych przez uczniów klas szkoły podstawowej to błędy interferencji¹⁰.

Z. Kozłowska za główną przyczynę błędów językowych (w tłumaczeniach z języka rosyjskiego) uważa interferencję, która przejawia się na wszystkich poziomach (graficznym, morfologicznym, składniowym, leksykalnym i słowotwórczym). Według niej,

Błędy językowe (leksykalne, a zwłaszcza frazeologiczne) wynikają z braku znajomości (i nawyków zastępowania) par odpowiedników przekładowych [...], co jest niezwykle istotne i wymaga wprowadzenia do procesu nauczania tłumaczenia¹¹.

A. Michońska-Stadnik, zwraca uwagę na istnienie błędów interferencyjnych i rozwojowych:

Te pierwsze są rezultatem negatywnego wpływu języka ojczystego na język drugi i stanowią około połowy wszystkich błędów pojawiających się w języku ucznia (niektórzy wcześniejsi badacze uważali, że jest ich znacznie mniej). Te drugie zaś są rezultatem naturalnego rozwoju języka i są identyczne z tymi, które popełniają dzieci przyswajające dany język jako ojczysty¹².

W. Figarski za podstawę przeprowadzonych przez siebie badań przyjął podział błędów na dwie kategorie: błędy nieznajomości (nieznajomość faktu leksykalno-gramatycznego), czyli „nieznajomości konkretnego”, oraz błędy wynikające z nieznajomości właściwości syntaktyczno-semantycznych danego faktu (zakres użycia formy, szyk, sposób łączenia się z innymi formami), czyli „nieznajomość abstraktu”¹³. Jest

⁸ Tamże.

⁹ H.V. George, *Common Errors in Language Learning*, Newbury House Publishers, Rowley 1972, s. 97.

¹⁰ W. Figarski, *Wyznaczniki powodzenia w szkolnej nauce języka rosyjskiego*, WSiP, Warszawa 1984, s. 103.

¹¹ Z. Kozłowska, *O błędach językowych w tekstach polskich przekładów*, [w:] *Język rodzi my a język obcy. Komunikacja, przekład, dydaktyka*, red. A. Kopczyński, U. Zaliwska-Okrutna, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2002, s. 143.

¹² A. Michońska-Stadnik, *Teoretyczne i praktyczne podstawy weryfikacji wybranych teorii subiektywnych w kształceniu nauczycieli języków obcych*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 2013, s. 52.

¹³ W. Figarski, dz. cyt., s. 97.

to kryterium związane z błędami interferencji, które powstają pod silnym wpływem języka polskiego. W. Figarski stwierdza, iż żaden z podsystemów języka rosyjskiego „nie jest w stanie uchronić się przed działaniem interferencji języka polskiego”¹⁴.

Na podstawie wyników badań W. Figarski podkreśla trwałość i uporczywość błędów interferencji u uczniów szkoły podstawowej i średniej. Według tego autora, „system nauczania języka rosyjskiego w polskich szkołach nie jest w stanie skutecznie walczyć z niesłuchaniem silnym działaniem zjawiska interferencji”¹⁵. Jego zdaniem, wyniki badań wskazują na istnienie zależności między częstotliwością popełniania błędów pod wpływem języka ojczystego i niektórymi czynnikami związanymi z osobą ucznia. Do czynników tych zalicza:

1. Chęć dalszej nauki języka rosyjskiego. 2. Przeświadczenie o przydatności języka rosyjskiego jako obcego. 3. Zdolność do zapamiętywania i różnicowania jednostek leksykalnych. 4. Aktywność własna uczącego się w pracy nad opanowaniem języka. 5. Nagromadzenie zaległości w przyswajaniu materiału językowego¹⁶.

Celem zapobiegania zjawisku interferencji W. Figarski proponuje pobudzanie motywacji do nauki języka obcego oraz rozwijanie zdolności zapamiętywania obcojęzycznego tekstu.

M. Karolczuk rozważa zjawisko interferencji gramatycznej w aspekcie lingwistycznym, psychologicznym, i psycholingwistycznym w oparciu o opracowania rosyjskojęzyczne. Omawia ona potencjalne pole interferencji gramatycznej w zakresie rodzaju, liczby i przypadku rzeczowników między językiem polskim i rosyjskim, odwołując się do konkretnych przykładów. Na podstawie testów przeprowadzonych wśród studentów filologii rosyjskiej na roku I, II, III i IV M. Karolczuk wyróżniła błędy wywołane interferencją międzyjęzykową, wewnątrzjęzykową oraz błędy spowodowane innymi, bliżej nieokreślonymi przyczynami. Interferencyjne błędy gramatyczne w dziedzinie rzeczowników M. Karolczuk podzieliła na dwie grupy. Są to: 1) błędy morfologiczne spowodowane nieprawidłowym tworzeniem form gramatycznych, 2) błędy morfologiczno-syntaktyczne związane z naruszeniem związków składniowych w zakresie związku zgody i rzędu. M. Karolczuk przedstawia opracowany przez siebie zestaw ćwiczeń w zakresie zapobiegania i przezwyciężania interferencji gramatycznej w mowie polskich studentów uczących się języka rosyjskiego. Jej zdaniem,

Określenie potencjalnego oraz faktycznego pola interferencji pozwala zbadać przyczyny interferencji i prognozować błędy językowe w mowie polskich studentów, co z kolei sprzyja racjonalnej selekcji i gradacji treści nauczania¹⁷.

Zdaniem E. Dźwierzynskiej, błędy interferencyjne świadczą o dosłownym tłumaczeniu przez studentów w myślach zdań z języka polskiego na rosyjski. Ćwiczenia

¹⁴ Tamże, s. 99.

¹⁵ Tamże, s. 101.

¹⁶ Tamże, s. 103.

¹⁷ Zob. M. Карольчук (M. Karolczuk), *Грамматическая интерференция в процессе обучения русской речи польских студентов-филологов*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok 2006, s. 168.

kontrastywne powinny służyć przewyżczeniu tych błędów. Konieczne jest uświadamianie studentom różnic między językiem ojczystym i obcym. E. Dźwierżyńska na podstawie analizy wyników badań eksperymentalnych przeprowadzonych wśród studentów stwierdza, iż popełniają oni błędy nie tylko tam, gdzie są różnice, ale również tam, gdzie różnic nie ma. Istotne jest tutaj stosowanie ćwiczeń translacyjnych. Na podstawie badań eksperymentalnych wyróżnia ona kilka grup błędów i określa przyczyny ich powstawania. Są to błędy w rekcji czasowników spowodowane interferencją języka ojczystego oraz błędy wynikające z dosłownego tłumaczenia z języka polskiego¹⁸.

W *Europejskim Systemie Opisu Kształcenia Językowego* podaje się różne interpretacje błędów popełnianych przez uczących się:

- a) błędy stanowią dowód niedouczenia,
- b) błędy stanowią dowód nieskutecznego nauczania,
- c) błędy stanowią efekt dążenia do komunikacji bez względu na ryzyko,
- d) błędy są nieodłącznym, tymczasowym efektem związanym z rozwijającym się interjęzykiem uczącego się,
- e) błędy mogą się zdarzać we wszystkich przypadkach użycia języka. Bywają także popełniane przez jego rodzimych użytkowników¹⁹.

2. Pisemne ćwiczenia językowe zapobiegające interferencji. Celem określenia stopnia i zakresu działania interferencji wśród studentów zastosowaliśmy testowanie pisemne. Testy pisemne wykorzystywały następujące techniki: 1) technika luk częściowych, 2) technika pytań z użyciem podanej instrukcji; 3) technika tłumaczenia z języka ojczystego na język obcy²⁰. Technika luk częściowych została zastosowana na roku I w odniesieniu do niektórych czasowników, fleksji przymiotnikowej i rzeczownikowej, połączeń liczebników i tworzenia form imiesłowowych. Technika ta polegała na wstawianiu w miejsca wykropkowane odpowiednich czasowników, użyciu związków wyrazowych (przymiotnik + rzeczownik) według podanych w nawiasach nazw przypadków, wstawianiu w odpowiedniej formie wyrazów podanych w nawiasach.

Technika pytań została zastosowana w odniesieniu do użycia liczebników i polegała na udzielaniu przeczących odpowiedzi na pytania według podanego wzoru.

Technika tłumaczenia została zastosowana dla zbadania znajomości rekcji bezprzyimkowej, rekcji przyimkowo-przypadkowej czasowników, rekcji przyimkowej. Technika ta polegała na tłumaczeniu całych zdań bądź określonych konstrukcji wyszczególnionych w nawiasach.

¹⁸ Zob. E. Dźwierżyńska, *Sposoby optymalizacji przyswajania materiału leksykalnego w procesie nauczania języka obcego*, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego, Rzeszów 2012, s. 220–221.

¹⁹ Rada Europy: *Europejski System Opisu Kształcenia Językowego: uczenie się, nauczanie, ocenianie*, Wydawnictwa Centralnego Ośrodka Doskonalenia Nauczycieli, Warszawa 2001, s. 134.

²⁰ H. Komorowska, *Sprawdzanie umiejętności w nauce języka obcego. Kontrola – Ocena – Testowanie*, Wyd. „Fraszka Edukacyjna”, Warszawa 2004, s. 83–90.

Dla przeprowadzonych testów gramatycznych zastosowano zalecaną najczęściej punktację 0-1 (0 punktów za błędną odpowiedź, 1 punkt za odpowiedź poprawną)²¹.

W odniesieniu do zagadnień gramatycznych opracowanych dla I roku filologii rosyjskiej, przedstawionych w formie kwantów informacji lingwistycznej, prezentujemy przykładowe ćwiczenia w mówieniu i pisaniu celem zastosowania na zajęciach z praktycznej nauki języka rosyjskiego, łącznie z ćwiczeniami zamieszczonymi po kwantach informacji lingwistycznej. Kwanty te zostały opracowane przez nas w oparciu o koncepcję J. Henzla²². Zostały w nich uwzględnione zjawiska gramatyczne, które, naszym zdaniem, sprawiają studentom trudności ze względu na interferencję języka polskiego. Oto przykłady zastosowania kwantów informacji lingwistycznej:

Tabela 1.
Kwant abstrakcyjno-symboliczny

siedzieć <i>ndk.</i>	$\left\{ \begin{array}{l} + w + \text{Msc.} \\ + \text{przy} + \text{Msc.} \\ + \text{nad} + \text{Narz.} \\ + \text{za} + \text{Narz.} \\ + \text{na} + \text{Msc.} \end{array} \right.$	сидеть <i>несов.</i>	$\left\{ \begin{array}{l} + \text{за} + \text{Твор.} \\ + \text{за} + \text{Твор.} \\ + \text{у} + \text{Род.} \\ + \text{за} + \text{Твор.} \\ + \text{на} + \text{Предл.} \end{array} \right.$
----------------------	---	----------------------	--

Kwant interrogatywny

siedzieć <i>ndk.</i>	$\left\{ \begin{array}{l} w \text{ (czym?)} \\ \text{przy (czym?)} \\ \text{nad (czym?)} \\ \text{za (czym?)} \\ \text{na (czym?)} \end{array} \right.$	сидеть <i>несов.</i>	$\left\{ \begin{array}{l} \text{за чем?} \\ \text{за чем?} \\ \text{у чего?} \\ \text{за чем?} \\ \text{на чём?} \end{array} \right.$
----------------------	---	----------------------	---

²¹ H. Komorowska, *Metody badań empirycznych w glottodydaktyce*, PWN, Warszawa 1982, s. 64.

²² Zob. Я. Генцель (J. Henzel), *Квантование лингвистической информации и его применение в лингводидактических материалах по русскому языку*, [в:] *Вопросы лингвистики и лингводидактики*. Материалы конференции МАПРЯЛ, red. Т. Жеберек, Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków 1996, s. 214–221. Zob. artykuły: H. Zając-Knapik, *Rola języka ojczystego w nauczaniu gramatyki języka rosyjskiego na studiach rusycystycznych i proponowane rozwiązania dydaktyczne*, „Linguodidactica” t. XIX, red. M. Karolczuk, Białystok 2015, s. 265–281; H. Zając-Knapik, *Sposoby przewyższania interferencyjnych błędów gramatycznych w procesie praktycznego nauczania języka rosyjskiego na III roku studiów rusycystycznych*, „Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Russologica VIII” 2015, s. 168–178; H. Zając-Knapik, *Interferencyjne błędy gramatyczne studentów II roku filologii rosyjskiej i sposoby ich przewyższania*, [w:] *Tradycja i nowoczesność. Język i literatura Słowian Wschodnich*, red. H. Chodurska, A. Kotkiewicz, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, Kraków 2016, s. 362–376.

Kwant egzemplifikacyjny

siedzieć	- w ławce (szkolnej) - przy stole, za stołem - przy pracy - przy obiedzie - przy oknie - przy wejściu - nad książką - za kierownicą - na krześle - na ławce w parku - na fotelu	сидеть	- за партией - за столом - за работой - за обедом - у окна - у входа - за книгой - за рулём - на стуле - на скамейке - в кресле
----------	---	--------	---

Źródło: opracowanie własne.

Ćwiczenie. Przetłumacz na język rosyjski:

1. Siedzieliśmy na ławce w parku.
2. Anna siedzi w fotelu.
3. Nasza babcia lubi siedzieć przy oknie.
4. Rodzina Smirnowów siedziała przy obiedzie.
5. Andrzej siedział przy pracy.
6. Sonia siedziała w klasie w pierwszej ławce.
7. Andrzej siedział w domu przy stole.

Tabela 2.

Kwant abstrakcyjno-symboliczny

siadać <i>ndk.</i> siaść <i>dk.</i>	+ w+Msc. + przy+Msc. + nad + Narz. + za + narz. + na + Msc.	садиться <i>несов.</i> сесть <i>сов.</i>	+ за+Вин. + за + Вин. + у + Род. + за + Вин. + на + Предл.
--	---	---	--

Kwant interrogatywny

siadać <i>ndk.</i> siaść <i>dk.</i>	- w (czym?) - przy (czym?) - над (czym?) - у (czego?) - на (czym?)	садиться <i>несов.</i> сесть <i>сов.</i>	- за что? - за что? - у чего? - за что? - на что?
--	--	---	---

Kwant egzemplifikacyjny

siadać siaść usiąść	{ w ławce (szkolnej) przy stole, za stołem przy pracy przy obiedzie przy oknie przy wejściu nad książką za kierownicą na ławce (w parku) na krześle w fotelu	садиться сесть	{ за парту за стол за работу за обед у окна у входа за книгу за руль на скамейку на стул в кресло
---------------------------	---	-------------------	--

Źródło: opracowanie własne.

Ćwiczenie. Przetłumacz na język rosyjski:

1. Paweł usiadł za kierownicą.
2. Codziennie wieczorem siadam nad książką.
3. Nasz pies siada przy wejściu.
4. Często siadamy przy stole i gramy w szachy.
5. O szóstej usiedliśmy przy kolacji.
6. Sonia usiadła przy stole.
7. Wadim usiadł na krześle.
8. Dziadek usiadł na fotelu.
9. Usiedliśmy na ławce w parku.

3. Ustne ćwiczenia interferencyjne. Na roku I proponujemy zastosowanie ćwiczeń w mówieniu w korelacji z zagadnieniami gramatycznymi:

- 1) **Ułóż zdania z użyciem konstrukcji:** сидеть за работой, сидеть за обедом, сидеть за партой, сидеть у окна, сидеть у входа, садиться за работу, сесть за обед, сесть в кресло, повесить платье в шкаф, класть книгу на стол, ложиться в постель. **Sformułuj zdania pytające, używając tych konstrukcji.**
- 2) **Ułóż zdania z użyciem konstrukcji:** изучать иностранные языки, учиться чтению, учить иностранный язык, адресовать письмо, ждать сестру, звонить родителям, пользоваться словарём, слушать музыку. **Sformułuj zdania pytające, używając tych konstrukcji.**
- 3) **Ułóż zdania z użyciem konstrukcji:** готовиться к уроку, подойти к дому, жениться на Наташе, влюбиться в Нину, заходить в магазин, ездить на автомашине, ехать на автобусе, поздравить сестру с днём рождения.
- 4) **Odpowiedz na pytania, używając przymiotników podanych w nawiasach we właściwej formie.**
 1. Где остановилась автомашина? (большой городской дом)
 2. Где ты живёшь уже два года? (новый микрорайон)

3. С кем ты меня познакомишь? (новый сосед)
4. О ком заботится Оля? (младший брат)
5. С кем не мог договориться врач? (глухой мужчина)
6. О каком платье мечтает Таня? (летнее платье)
7. О чём мечтают ребята? (солнечный зимний день)
8. Где Настя чувствует себя плохо? (чужой дом)
9. Где работает Вадим? (передовое предприятие)
10. Где вы договорились встретиться? (студенческое общежитие)

5) Zadaj pytania w języku rosyjskim i udziel na nie odpowiedzi.

1. Zapytaj kolegę (koleżankę), o której godzinie wstaje?
2. Zapytaj kolegę (koleżankę), o której godzinie rozpoczynają się zajęcia?
3. Zapytaj go (ją), o której godzinie je obiad?
4. Zapytaj go (ją), o której godzinie wychodzi z psem na spacer?
5. Zapytaj go (ją), o której wraca do domu?

6) Do podanych zdań zadaj pytania i udziel na nie odpowiedzi. Wyrazy podane w nawiasach użyj we właściwej formie:

1. В моей комнате три (стул).
2. Таня изучает английский язык четыре (год).
3. Павел вчера прочитал два (рассказ).
4. У меня дома два (аквариум).
5. Мы купили пять (билет) в кино.
6. На столике в передней лежали три (журнал).
7. В нашей группе шесть (студентка) и четыре (студент).
8. Насте двадцать два (год).
9. Моему племяннику три (месяц).
10. Я буду сдавать четыре (экзамен).

7) Od podanych zdań twierdzących utwórz zdania pytające z partykułą „ли”

1. Аня поедzie z nami na wycieczkę.
2. Sonia chce z nami pójść na zakupy.
3. Jura rozwiązał zadanie z matematyki.
4. Uczniowie jutro pójdą do teatru.
5. Kola dobrze gra na pianinie.
6. Irina pójdzie z tobą na zakupy.
7. Ola wie, że Andrzej nie mówi prawdy.
8. Saszy podoba się nowa bluzka Niny.

* * *

Ćwiczenia translacyjne eksponują kontrasty między systemami językowymi, co sprzyja unikaniu wielu błędów interferencyjnych. Przewycięzanie tych trudności w zakresie interferencji jest możliwe poprzez porównanie trudnych form języka rosyjskiego z ich polskimi ekwiwalentami. Naszym zdaniem, na zajęciach z praktycznej nauki języka rosyjskiego warto stosować tłumaczenie jako jedno z wielu ćwiczeń językowych oraz jako narzędzie nauczania i sprawdzania znajomości języka obcego.

Na podstawie przeprowadzonego eksperymentu sformułowaliśmy następujące wnioski:

- 1) Zastosowanie kwantowania informacji lingwistycznej wpływa na optymalizację opanowania gramatyki języka rosyjskiego.
- 2) Kwanty informacji lingwistycznej stanowią bazę dla pisemnych ćwiczeń translacyjnych i ćwiczeń w mówieniu. Ćwiczenia w mówieniu wykazały, iż studenci potrafią posługiwać się kwantami informacji lingwistycznej spontanicznie.
- 3) Stosowanie gramatycznych ćwiczeń translacyjnych przynosi efekty w kształtowaniu kompetencji językowej i komunikacyjnej. Ćwiczenia te odnosiły się do form gramatycznych, w których interferencja występuje najczęściej. Okazało się, iż tłumaczenie zapobiega interferencji poprzez uświadomienie studentom różnic między formami gramatycznymi języka polskiego i rosyjskiego.
- 4) Ćwiczenia translacyjne służyły opanowaniu systemu gramatycznego poprzez zastosowanie kontrastu. Kontrastowanie struktur języka polskiego z analogicznymi strukturami języka rosyjskiego uświadamia studentom różnicę, jaka występuje między tymi językami, co wiąże się z przeciwdziałaniem interferencji.
- 5) Pisemne testy studentów wykazały, iż najczęściej pojawiającymi się błędami o charakterze interferencyjnym, które wynikają z przenoszenia zjawisk gramatycznych języka polskiego na system strukturalny języka rosyjskiego, są błędy z zakresu rekcji przyimkowej, rekcji bezprzyimkowej czasowników, rekcji przyimkowo-przypadkowej czasowników, fleksji przymiotnikowej, określania godzin, połączenia liczebników 2, 3, 4 i liczebników zestawionych z 2, 3 i 4 z rzeczownikami i przymiotnikami oraz stosowania partykuły „ли”.

Literatura

- Dźwierzynska E., *Sposoby optymalizacji przyswajania materiału leksykalnego w procesie nauczania języka obcego*, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego, Rzeszów 2012.
- Figarski W., *Wyznaczniki powodzenia w szkolnej nauce języka rosyjskiego*, WSiP, Warszawa 1984.
- George H.V., *Common Errors in Language Learning*, Newbury House Publishers, Rowley 1972.
- Janowska I., *Refleksyjne nauczanie gramatyki*, „Języki Obce w Szkole” 2004, nr 6, s. 40–48.
- Komorowska H., *Metody badań empirycznych w glottodydaktyce*, PWN, Warszawa 1982.
- Komorowska H., *Sprawdzanie umiejętności w nauce języka obcego. Kontrola – Ocena – Testowanie*, Wyd. „Fraszka Edukacyjna”, Warszawa 2004.
- Kozłowska Z., *O błędach językowych w tekstach polskich przekładów*, [w:] *Język rodzimy a język obcy. Komunikacja, przekład, dydaktyka*, red. A. Kopczyński, U. Zaliwska-Okrutna, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2002, s. 137–147.
- Kozłowska Z., Szczęsny A., *Tłumaczenie pisemne na język polski. Kompendium*, PWN, Warszawa 2018.
- Michońska-Stadnik A., *Teoretyczne i praktyczne podstawy weryfikacji wybranych teorii subiektywnych w kształceniu nauczycieli języków obcych*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 2013.

- Pawlak M., *Nowoczesne technologie a uczenie się i nauczanie gramatyki*, [w:] *Wykorzystanie nowoczesnych technologii w dydaktyce języków obcych*, red. M. Pawlak, B. Wolski, Poznań–Kalisz–Konin 2011, s. 9–30.
- Rada Europy: *Europejski System Opisu Kształcenia Językowego: uczenie się, nauczanie, ocenianie*, Wydawnictwa Centralnego Ośrodka Doskonalenia Nauczycieli, Warszawa 2001.
- Szułc A., *Błąd językowy a dydaktyka języka obcego*, „Języki Obce w Szkole” 1982, nr 5, s. 259–266.
- Wójcik T., *Na marginesie zjawiska interferencji w nauczaniu języka rosyjskiego*, „Język Rosyjski” 1973, nr 1, s. 8–16.
- Wójcik T., *Językoznawcze aspekty metodyki nauczania języka rosyjskiego*, Wydawnictwo UAM, Poznań 1973.
- Zajac-Knapik H., *Rola języka ojczystego w nauczaniu gramatyki języka rosyjskiego na studiach rusycystycznych i proponowane rozwiązania dydaktyczne*, „Linguodidactica”, t. XIX, red. M. Karolczuk, Białystok 2015, s. 265–281.
- Zajac-Knapik H., *Sposoby przewyższania interferencyjnych błędów gramatycznych w procesie praktycznego nauczania języka rosyjskiego na III roku studiów rusycystycznych*, „Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Russologica VIII” 2015, s. 168–178.
- Zajac-Knapik H., *Interferencyjne błędy gramatyczne studentów II roku filologii rosyjskiej i sposoby ich przewyższania*, [w:] *Tradycja i nowoczesność. Język i literatura Słowian Wschodnich*, red. H. Chodurska, A. Kotkiewicz, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, Kraków 2016, s. 362–376.
- Генцель Я. (Henzel J.), *Квантование лингвистической информации и его применение в лингводидактических материалах по русскому языку*, [в:] *Вопросы лингвистики и лингводидактики*. Материалы конференции МАПРЯЛ, red. Т. Жеберек, Wydawnictwo Naukowe WSP, Kraków 1996, s. 214–221.
- Карольчук М. (Karolczuk M.), *Грамматическая интерференция в процессе обучения русской речи польских студентов-филологов*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok 2006.

Упражнения, предупреждающие интерференцию в обучении русскому языку

на первом курсе русской филологии

Резюме

В статье обсуждаются типичные языковые трудности в обучении русскому языку поляков, а также общезыковые проблемы, связанные с этим явлением. Эмпирическая часть статьи относится к грамматическим интерференционным упражнениям в говорении и письме. Они были разработаны на основе использованной нами концепции квантования лингвистической информации и наших многолетних наблюдений в работе со студентами. Эффективность упражнений была подтверждена экспериментальными исследованиями, проведёнными нами среди студентов I курса русской филологии.

Ключевые слова: интерференционные упражнения, экспериментальные исследования, интерференционные ошибки, интерференция родного языка, обучение русскому языку, кванты лингвистической информации

**Exercises Preventing Interference
in Teaching Russian Language in the First Year
of Russian Philology Studies**

Abstract

In the article, problems connected with the phenomenon of language interference are discussed. In the theoretical part of the article, typical interference difficulties in teaching Russian language to Polish students and some general linguistics problems connected with this phenomenon are presented. The empirical part of the article concerns writing and speaking interference grammar exercises. They have been prepared by us on the basis of the implemented by us concept of quantisation of linguistic information and our long time experience in working with students. The effectiveness of the exercises has been confirmed by experimental research conducted by us among 1st year Russian philology students.

Key words: interference exercises, experimental research, interference mistakes, native language interference, teaching Russian language, quanta of linguistics information

Halina Zajęc-Knapik,
doktor nauk humanistycznych
Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie
Instytut Neofilologii (Filologia Rosyjska)

Halina Zajęc-Knapik, PhD
Pedagogical University of Cracow
Institute of Modern Languages (Russian Philology)
e-mail: halinaza@o2.pl
+48 126626740

Izabela Kozera

Метод корпусного исследования – преимущества и недостатки (на примере использования Национального корпуса русского языка)

Введение

Под *корпусом текстов* обычно подразумевается компьютерная коллекция естественных текстов, представляющих письменную или устную речь разных вариантов, функциональных стилей и типов¹. Указанный массив языковых данных во многом отличается от сборника текстов, собранного случайно («[...] a corpus is not a random collection of text»²). Главным признаком корпуса является его представительность, относящаяся к разнообразию языка, отраженного в соответствующих, естественных пропорциях. Коллекция текстов должна быть сбалансированной и иметь достаточную выборку по числу текстов и авторов, чтобы служить основой для статистически достоверных исследований лингвистических феноменов³. Сегодня корпусные исследования широко применяются в различных научных областях, таких как лексикография, преподавание иностранных языков, транслатология (так наз. параллельные корпуса), психолингвистика, социоллингвистика и др. С помощью корпусов представители *диванной лингвистики* (англ. *armchair linguistics*) получают иллюстративный материал для проверки своих гипотез. Недаром в последнее время у противников корпусной лингвистики появилось определение: *computer-aided armchair linguistics*⁴, которое явно несет отрицательный оттенок⁵. В настоящей статье предпринимается попытка осветить вопрос

¹ *Podstawy językoznawstwa korpusowego*, red. B. Lewandowska-Tomaszczyk, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź 2005, с. 11.

² G. Aston, L. Burnard, *The BNC Handbook: Exploring the British National Corpus with SARA*, Edinburgh University Press, Edinburgh 1998, с. 21.

³ С.А. Шаров, *Представительный корпус русского языка в контексте мирового опыта*, «Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы» 2003, № 6, с. 10.

⁴ C.J. Fillmore, *Corpus linguistics vs. computer-aided armchair linguistics*, [in:] *Directions in Corpus Linguistics: Proceedings from a 1991 Nobel Symposium on Corpus Linguistics*, Stockholm 1992, http://is.muni.cz/el/1421/jaro2008/FJ0B738/um/Corpus_linguistics_verze1.pdf [доступ: 2.06.2017].

⁵ Там же.

о целесообразности использования метода корпусного исследования. Для указанной цели представлены несомненные преимущества и недостатки этого подхода, проиллюстрированные на материале Национального корпуса русского языка.

1. Извлечение информации с помощью корпуса – преимущества и недостатки

1.1. Большой массив данных

Начиная с 80-тых годов «стали активно появляться корпусные проекты различных масштабов на разных языках и для разнообразных целей»⁶. По словам В.В. Мамонтовой: «В среде учёных появилось понимание того, что ряд корректных лингвистических исследований возможно провести только на большом речевом материале»⁷. Доступ к огромному количеству языковых данных несомненно стал толчком в сторону все большего использования корпуса в качестве достоверного источника языковой информации. Существенным является факт, что сторонники разных теорий и направлений имеют право проверять свои гипотезы на корпусном материале. Однако следует помнить что, пользуясь корпусами, сторонник когнитивизма, структурализма, исследователь антропологии или истории языка представляет в первую очередь свою теорию, так как лишь она, в отличие от эмпирических данных, является для него источником гипотез⁸. Итак, большая коллекция текстов в электронном виде, собранная в одном месте и упорядоченная по избранным параметрам, может послужить для получения иллюстративного материала. Корпусы позволяют проверять интуицию, показывая частотность разных языковых конструкций, а также выявляя образцы сочетаемости слов⁹. Следует заметить, что представленный метод указывает на корпус как на способ извлечения эмпирического материала, своего рода метод поиска. Несомненно, достоинство корпуса заключается в значительном упрощении и ускорении процедуры лингвистической обработки больших массивов текстов. Сторонники лингвистических корпусов обращают внимание не только на аспект поиска в большом речевом материале. Они утверждают, что благодаря корпусу

[...] исследователь получает представление об относительной значимости различных явлений. Такая значимость оценивается при помощи простого количественного коррелята – частоты. Корпусная идеология состоит в том, что языковое явление тем важнее, чем чаще оно встречается в естественном употреблении¹⁰.

⁶ О.В. Нагель, *Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении*, «Язык и культура» 2008, т. 1, № 4, с. 53–54.

⁷ В.В. Мамонтова, *Корпусная лингвистика в современной языковедческой парадигме*, «Актуальные вопросы современной науки» 2010, № 12, с. 232.

⁸ А. Pawłowski, *Lingwistyka korpusowa – perspektywy i zagrożenia*, «Polonica» 2003, т. XXII–XXIII, с. 22.

⁹ *Podstawy językoznawstwa korpusowego...*, с. 9–12.

¹⁰ *Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса*, ред. А.А. Кибрик, В.И. Подлесская, Изд. Языки славянских культур, Москва 2009, с. 27.

На указанную пользу скептики обычно приводят аргумент о сомнительной представительности корпусных данных. Лингвист, занимающийся корпусным исследованием, должен учесть факт, что его анализы соответствуют лишь тем явлениям, которые зафиксированы в корпусе. «Явления, не встретившиеся в корпусе, не получают отражения в описании»¹¹. Поэтому очень важным является критерий репрезентативности корпусных данных, которая «достигается за счет наиболее полного и сбалансированного охвата всех релевантных для конкретного исследования типов продуктов речевой деятельности»¹². Ведь «корпус часто рассматривается как некая уменьшенная модель языка или подъязыка»¹³.

Электронные корпуса позволяют не только быстрее и эффективнее решать уже давно стоящие перед наукой задачи, но и выдвигать новые, которые раньше были фактически невыполнимы из-за своей трудоемкости¹⁴.

Существует однако угроза слишком радикального эмпиризма. Корпусному исследованию подлежит только язык, зафиксированный в текстах, составляющих корпус. Тексты могут содержать различного рода ошибки. Поэтому некую опасность представляет собой изучение языка без каких-нибудь предварительных предположений о его структуре. Лингвист может заблудиться в сложном массиве данных. Поэтому некой угрозой является радикальный эмпиризм, лишенный научной рефлексии, а лишь сосредоточенный на поверхностном анализе¹⁵.

1.2. Разметка

Корпус не является лишь коллекцией текстов с системой автоматического поиска. Роль корпуса значительно растет с момента добавления разметки, так как он больше не является просто совокупностью текстов. Итак, так наз. *размеченный корпус* является источником лингвистической информации, которая внесена в результате обработки исходного текста¹⁶ и явно выражена рядом с ним. Под термином *разметка* (англ. *tagging, annotation*) подразумевается приписывание текстам и их компонентам специальных помет, иначе тегов (содержащих информацию о лексемной принадлежности), причем употребляются они в соответствии с известной для пользователя схемой. Подход к аннотированию языковых единиц является самым существенным

¹¹ Там же.

¹² А.М. Лаврентьев, *Влияние корпусных технологий на развитие диахронической лингвистики: пример Франции*, <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01071863/document> [доступ: 11.06.2017].

¹³ М.Ю. Колокольникова, *Дискурс-анализ и корпусный анализ в исследованиях в области исторической лексикологии*, «Известия Саратовского университета» 2010, Журналистика, т. 10, вып. 2, <http://www.philology.ru/linguistics1/kolokolnikova-10.htm> [доступ: 11.06.2017].

¹⁴ Там же.

¹⁵ B. Habert, A. Nazarenko, A. Salem, *Les linguistiques de corpus*, Armand Colin, Paris 1997, с. 216, цит. за: A. Pawłowski, *Lingwistyka...*, с. 21.

¹⁶ С.А. Шаров, *Представительный...*, с. 12.

вопросом, в котором выделяются две крайние точки зрения. Первый, «формально-морфологический» способ, позволяет приписать каждой словоформе некий ярлык независимо от особенностей ее употребления. Указанное может оказаться проблематическим в случае омонимичных словоформ и ввести малоопытного пользователя корпуса в заблуждение. Формально-морфологический способ применяется в случае систем автоматического аннотирования, что «позволяет разметить огромные массивы текстов без участия человека (программа-парсер приписывает информацию, руководствуясь электронными морфологическими словарями-указателями словоформ)»¹⁷. Второй подход намного сложнее, так как дает более подробную семантическую информацию о словоформе, учитывая ее употребление. Указанное невозможно без постоянного участия опытного лингвиста, поэтому не является подходящим для корпусов больших объемов.

Выделяется несколько типов разметок в зависимости от содержащейся в ней информации. Экстралингвистическая разметка (так наз. метаразметка) заключается в прибавлении сведений об авторе и тексте (заглавие, год и место издания, жанр, тематика). Структурная разметка выделяет такие метатекстовые элементы, как: главы, абзацы, предложения, словоформы. Однако наиболее ценной является так наз. лингвистическая разметка, так как она делает корпус источником информации о языковой системе с помощью лингвистической терминологии.

Лингвистическая разметка подразделяется на несколько типов. Первый из них представляет собой морфологическая разметка (иначе: *частеречная разметка*, англ. *part-of-speech tagging*, *POS-tagging*), которая обычно состоит из следующих элементов: лемма, признак части речи, признаки грамматических категорий. Каждый корпус имеет свою частеречную разметку в зависимости от использованного языка и способа формализации (см. дальше). Более сложной задачей является составление семантической разметки, так как среди лингвистов не существует общее мнение на тему того, какие семантические характеристики должны быть аннотированы.

Анализируемый признак, отличающий корпус от обычной совокупности текстов, также обладает некими недостатками. Во-первых, подготовка грамматического описания единиц, составляющих корпус, является очень сложной задачей, обусловленной типом языковой системы. Во-вторых, несмотря на факт, что «пока не существует компьютерных программ, которые были бы способны заменить человека»¹⁸, каждая разметка искажена субъективностью эксперта и требует дальнейшей проверки другим лингвистом.

1.3. Метод корпусного исследования

Метод корпусного исследования состоит из нескольких шагов. На первом этапе в корпусе делается запрос. Поиск осуществляется в зависимости от выбранных параметров. Следующим шагом является создание базы данных:

¹⁷ О.Н. Ляшевская, В.А. Плунгян, Д.В. Сичинава, *О морфологическом стандарте Национального корпуса русского языка*, [в:] *Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы*, Изд. Индрик, Москва 2005, с. 112.

¹⁸ Там же.

полученные выдачи (словоформы/леммы вместе с информацией о частоте) помещаются в таблицу (обычно для этого используется формат Excel), где подлежат дальнейшей ручной обработке. Необходимым является корректирующий этап работы по формированию базы данных: проверка их достоверности, а также устранение некоторых технических особенностей выдачи материала в данном корпусе. С помощью данных относительно частоты языковых единиц возможен количественный анализ. В свою очередь, качественный анализ является следствием самостоятельного умственного труда исследователя. Достоверность метода корпусного исследования во многом зависит от использованного корпуса и его технических особенностей поиска. В свою очередь, степень представительности корпусных данных влияет на возможность приходиться к общим выводам, не только имеющим отношение к корпусу, но и к языку в целом. Поэтому в дальнейшей части статьи приводятся примеры на материале Национального корпуса русского языка.

2. Национальный корпус русского языка (НКРЯ)

Корпусная лингвистика в России начинает свое развитие лишь в 80-тые годы. Старейшим русскоязычным корпусом стал Упсальский корпус русских текстов, который в дальнейшем был включен в Тюбингенский корпус, появившийся в Интернете в открытом доступе¹⁹. Следующие русскоязычные корпусы были созданы с учетом конкретных научных целей. В течение 2000–2002 годов был подготовлен Корпус газетных текстов (КГТ), затем Хельсинкский аннотированный корпус (ХАНКО), предназначенный прежде всего для учебных целей. Самым большим достижением корпусной лингвистики в России следует считать появление двух представительных корпусов: Национального корпуса русского языка (см. дальше) и Национального корпуса русского литературного языка, которые представляют настолько разнообразную, морфологически аннотированную коллекцию текстов, что могут стать основой многих лингвистических исследований.

НКРЯ, доступный на сайте www.ruscorpora.ru, был создан в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Корпус включает подлинные тексты с половины XVIII в. к началу XXI в. В данный момент НКРЯ состоит из 12 подкорпусов: основной, синтаксический, газетный (подкорпус СМИ 2000-х годов, региональный подкорпус), параллельные корпуса, обучающий, диалектный, поэтический, устный, акцентологический, мультимедийный, исторический, а также новейший подкорпус мультиПАРК (мультимедийный параллельный корпус)²⁰.

Преимуществом НКРЯ является очень простой интерфейс пользователя. Запрос осуществляется им автоматически путем выбора соответствующих признаков, определенных разметкой (см. дальше). Указанный способ поиска

¹⁹ М.В. Копотев, А. Мустайоки, *Современная корпусная русистика*, [в:] *Инструментарий русистики: корпусные подходы*, ред. А. Мустайоки, Л.А. Бирюлин, Е.Ю. Протасова, Helsinki University Press, Helsinki 2008, с. 13.

²⁰ Пилотный вариант мультимедийного корпуса (МультиПАРК) был открыт лишь 8 июля 2015 г. и включает в себя две театральные постановки и одну экранизацию пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор».

не требует от пользователя знаний на тему синтаксиса запроса или продвинутых информационных умений. Поиск возможен относительно точных форм, а также слов, соответствующих выбранным грамматическим параметрам. Результаты запроса, содержащие интересующие пользователя единицы, демонстрируются в виде конкорданса (в «обычном формате» и в формате KWIC с указанным словом-ключом посередине – см. Таб. 1А и Таб. 1Б).

Таблица 1А. Результаты запроса в НКРЯ – «обычный формат»

Результаты поиска в основном корпусе	перейти на страницу поиска	выбрать подкорпус	версия с ударением	настройки
Объем всего корпуса: 109 028 документов, 22 209 999 предложений, 265 401 717 слов.				
собака				
Найдено 6 933 документа, 39 537 вхождений.				
Распределение по годам Статистика				
Поискать в других корпусах: акцентологическом , газетном , диалектном , мультимедийном , обучающем , параллельном , поэтическом , синтаксическом , устном .				
Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 следующая страница				
1. Екатерина Орлова. Такой же хороший, как ты // «Даша», 2004 [омонимия сента] Все примеры (7)				
Моя подруга Тамака, детский психолог, считает, что Максимке совершенно необходима собака . [Екатерина Орлова. Такой же хороший, как ты // «Даша», 2004] [омонимия сента] ← →				
Но муж воспринял идею так, словно я собралась завести не собаку , а любовника. [Екатерина Орлова. Такой же хороший, как ты // «Даша», 2004] [омонимия сента] ← →				
Да и ты, если заведешь собаку , со своей работой вообще про дом забудешь». [Екатерина Орлова. Такой же хороший, как ты // «Даша», 2004] [омонимия сента] ← →				
"Разведусь, — подумала я. — А потом заведу сыну собаку . Ничего, переживем. [Екатерина Орлова. Такой же хороший, как ты // «Даша», 2004] [омонимия сента] ← →				
Мы вошли в дом втроем: я, сын, собака . [Екатерина Орлова. Такой же хороший, как ты // «Даша», 2004] [омонимия сента] ← →				
"Ты как хочешь, — сказала я. — а я завела собаку !" [Екатерина Орлова. Такой же хороший, как ты // «Даша», 2004] [омонимия сента] ← →				
Ма с Лексой, повзрослевший Максим, маленькая Ксюта (ей полгодика) и собака Лекс — спаситель нашей семьи. [Екатерина Орлова. Такой же хороший, как ты // «Даша», 2004] [омонимия сента] ← →				

Источник: www.ruscorpora.ru [доступ: 17.12.2017].

Таблица 1Б. Результаты запроса в НКРЯ – формат KWIC

Результаты поиска в основном корпусе	перейти на страницу поиска	выбрать подкорпус
Объем всего корпуса: 109 028 документов, 22 209 999 предложений, 265 401 717 слов.		
собака		
Найдено 39 537 вхождений.		
Распределение по годам Статистика		
Поискать в других корпусах: акцентологическом , газетном , диалектном , мультимедийном , обучающем , параллельном , поэтическом , синтаксическом , устном .		
Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 следующая страница		
считает, что Максимке совершенно необходима собака	←	→
словно я собралась завести не собаку	←	→
Да и ты, если заведешь собаку	←	→
я. — А потом заведу сыну собаку	←	→
в дом втроем: я, сын, собака	←	→
сказала я, — а я завела собаку	←	→
Ксюта (ей полгодика) и собака	←	→
Кто же с собакой	←	→
ко всему будет гулять с собакой	←	→
учат же попутая говорить, а собак	←	→
С собаками	←	→
Например, у гигиеновых собак	←	→
Как у гигиеновых собак	←	→
Читают ли гонимые собаки	←	→
А вот его любимая собака	←	→
в своей книге "Дрессировка животных" собак	←	→
, а любовника.	←	→
, со своей работой вообще про	←	→
. Ничего, переживем.	←	→
!	←	→
Лекс — спаситель нашей семьи.	←	→
теперь гулять будет?	←	→
... — приносить палку.	←	→
у представителей сильного пола возникает	←	→
, которые всегда, даже в период	←	→
, так и у землекопов её	←	→
журнал "Знание — сила"?	←	→
этим талантом обделена.	←	→
Марса и Пинка, которые произносили	←	→

Источник: www.ruscorpora.ru [доступ: 17.12.2017].

Принятый в НКРЯ подход к аннотированию представляет собой «золотую середину» среди представленных в пункте 1.2. трактовок. По мнению создателей корпуса, своего рода баланс представляет собой разметка словоформ на основе традиционной словарной грамматики русского языка, а омонимичным формам присваивается только одна характе-

ристика²¹. Однако учитывая сложность омонимии, разработчики НКРЯ решили включить в корпус два вида размеченных текстов – со снятой и неснятой омонимией, которые представляют собой два подкорпуса. Разметка подкорпуса с неснятой омонимией осуществляется автоматически, поэтому поиск в нем дает намного больше результатов, в отличие от поиска в подкорпусе со снятой омонимией²². Поскольку разметка подкорпуса со снятой омонимией требует частичного участия человека, она не лишена ошибок в такой же степени, как и автоматическая. Автоматическая морфологическая разметка осуществляется с помощью парсеров, т.е. программ со встроенными словарями (в случае НКРЯ образцовым является *Грамматический словарь русского языка* А.А. Зализняка²³). Разметка корпуса с неснятой омонимией использует программу *mystem* компании Яндекс, которая производит морфологический анализ текста на русском языке, умеет также приводить слова к начальной форме и строить их гипотетические разборы²⁴. Каждой словоформе приписывается набор грамматических признаков, инвентарь которых был разработан в 2001–2004 годов О.Н. Ляшевской, В.А. Плунгяном, Д.В. Сичинавой, Г.И. Кустовой и А.Е. Поляковой. В НКРЯ ожидаемая информация в виде отдельной таблички появляется лишь в момент нажатия на конкретную словоформу (см. Таб. 2). Такой способ полезен для пользователя корпуса, так как полученные контексты речи не перегружены избыточными сведениями. Пользователь сам решает, когда ему нужна более точная информация о грамматических признаках лексемы. Таким образом возможно быстрое извлечение лингвистической информации.

Таблица 2. Морфологическая разметка в Национальном корпусе русского языка²⁵

[Распределение по годам](#) [Статистика](#)

Поискать в других корпусах: акцентологическом, газетном, диалектном, мультимедийном, обучающем, параллельном, поэтическом, синтаксическом, устном.

Страницы: [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) [11](#) [следующая страница](#)

1. Екатерина Орлова. Такой же хороший, как ты // «Даня», 2004 [омонимия снята] [Все примеры \(3\)](#)

Моя подруга Таня, детский психолог, считает, что Максимке совершенно необходима **собака**. [Екатерина Орлова. Такой же хороший, как ты // «Даня», 2004] [омонимия снята] [Словарь](#)
 Мы вошли в дом втроём: я, сын, **собака**. [Екатерина Орлова. Такой же хороший, как ты // «Даня», 2004] [омонимия снята] [Словарь](#)
 Мы с Лехой, повзрослевший Максим, маленькая Ксюта (ей полгодика) и **собака** Лекс — сп

2. Александр Зайцев. Загадки эволюции: Краткая история глаза // «Знание — сила», 2003 [омонимия снята] [Все примеры \(1\)](#)

А вот его любимая **собака** этим талантом обделена. [Александр Зайцев. Загадки эволюции: Краткая история глаза // «Знание — сила», 2003] [омонимия снята] [Словарь](#)

3. Вадим Крейд, Георгий Иванов в Йере // «Звезда», 2003 [омонимия снята] [Все примеры \(1\)](#)

Идёт станик — ругается. Сидит **собака** — чешется. И более или менее — [Вадим Крейд, Георгий Иванов в Йере // «Звезда», 2003] [омонимия снята] [Словарь](#)

собака	
Lemma	собака (см. в словаре)
Grammar	сущ, одуш, ж, ед, им
Semantics main	r concr, t animal
Semantic shifts	der-shift, r concr, t animal
Additional properties	bdot, bmark, gendered, last, numred
Word formation	(собак: root), (а: flexion)

[Сообщить об ошибке](#)

Источник: www.ruscorpora.ru [доступ: 17.12.2017].

²¹ О.Н. Ляшевская, В.А. Плунгян, Д.В. Сичинава, *О морфологическом...*, с. 113.

²² Там же, с. 114.

²³ А.А. Зализняк, *Грамматический словарь русского языка*, Русский язык, Москва 1977 и его новое издание 2003 года.

²⁴ По содержанию официального сайта компании Яндекс: <https://tech.yandex.ru/mystem> [доступ: 2.01.2017].

²⁵ Грамматические признаки зачеркнуты автором.

Для семантической разметки НКРЯ характерно небольшое количество таксономических классов для каждой из частей речи. Указанный подход объясняется, во-первых, стремлением к быстрой выдаче результатов, во-вторых, упрощением интерфейса пользователя, которому легче разобраться в принятой классификации, если она представлена в одном окне компьютера²⁶. Семантическая разметка НКРЯ позволяет искать словоформы, отвечающие созданной семантической классификации²⁷. В ней выделяется: таксономия (тематический класс лексемы), мереология, топология, каузация, служебный статус, оценка. Следует заметить, что вышеуказанные классы лексем не имеют ярких границ. Редко лексема принадлежит лишь к одному классу, что часто приводит к разным ошибкам в полученном материале (см. дальше).

Кроме морфологической и семантической разметок, НКРЯ обладает еще метатекстовой разметкой. Метатекстовая разметка обеспечивает поиск по названию текста, его автору, полу и году рождения автора, литературному жанру (нехудожественные тексты и тексты художественной литературы), по типу текста, по месту и времени описываемых событий, сфере функционирования и по тематике.

В настоящее время перед разработчиками корпуса стоит задача повышения точности разметки и снижения уровня «шума» в результатах поиска. [...] При этом разрабатываемые методы должны быть относительно просты, не требовать ручной разметки большого массива данных²⁸.

3. Преимущества и недостатки работы с корпусом текстов на примере исследования глагола по данным НКРЯ

В настоящей подглаве представлен пример анализа материала, полученного из Основного подкорпуса НКРЯ. Указанная часть корпуса является наиболее представительной, сбалансированной с точки зрения выборки текстов и их жанрово-стилистической разнообразности. Несмотря на преимущества, вытекающие из теоретических положений создателей НКРЯ, указанный корпус обладает также некоторыми недостатками, которые возникают лишь в момент его практического использования. Для иллюстрации некоторых трудностей работы с этим корпусом послужило исследование глагола. Среди всех частей речи глагол является самым сложным классом лексем не только с точки зрения набора грамматических категорий, но и с учетом степени полисемии. Существенным оказался вопрос, насколько корпус сможет справиться с описанием глагола, учитывая формальный и семантический уровни этой части речи, а также чисто технические особенности выдачи результатов.

²⁶ Б.П. Кобрицов, О.Н. Ляшевская, С.Ю. Толдова, *Снятие семантической многозначности глаголов с использованием моделей управления, извлеченных из электронных толковых словарей*, <http://download.yandex.ru/IMAT2007/kobricov.pdf> [доступ: 11.06.2017].

²⁷ См. сайт: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-sem.html> [доступ: 11.06.2017].

²⁸ Б.П. Кобрицов, О.Н. Ляшевская, С.Ю. Толдова, *Снятие...*

3.1. Особенности поиска глагольных форм по грамматическим, семантическим и морфемным параметрам

На первом шагу вследствие автоматического запроса по глаголу пользователь получает результаты: контексты речи, леммы²⁹ и словоформы. НКРЯ демонстрирует результаты поиска в виде последующих подстраниц с указанными частотными данными найденных словоформ и лемм. Табличка с подсчетом результатов приводится отдельно для каждой подстраницы. Большим недостатком НКРЯ является возможность скачать лишь ограниченное количество результатов запроса, что сводится к формулировке «скачать несколько первых результатов выдачи в формате Excel, OpenOffice Calc, XML»³⁰. На практике придуманное ограничение позволяет пользователю собрать максимально до 5 тысяч результатов. Указанное количество не является представительной эмпирической базой для научного исследования, так как в случае поиска глаголов полная выдача составляет свыше двух миллионов результатов. Неким выходом является поиск глаголов по более узким параметрам (см. дальше) или использование специализированного скрипта (необходима тогда помощь программиста).

Поиск в НКРЯ обеспечивает выбор грамматических параметров среди всех глагольных категорий: числа, наклонения, времени, лица, залога, вида. Возможен выбор формы глагола. Учитывается категория переходности / непереходности и экспоненты именных категорий, характерные для некоторых глагольных форм (напр. выбор граммем категории рода). Способ выбора грамматических признаков является интуитивным и не представляет собой особых трудностей для стандартного пользователя (см. Таб. 3).

Проблемы могут возникнуть лишь в момент получения результатов, не совсем подходящих для нашего поиска. Итак, наиболее затруднительным для глагола является поиск видовых форм. Разработчиками корпуса принят подход, в котором категория вида глагола имеет переходный характер: от словоизменительного к словоклассифицирующему. Вопреки общепринятой грамматической трактовке, формы глагола, имеющие своего видового партнера, оформлены как слова, образованные от двух инфинитивных форм. Итак, форма *снял* воспринимается корпусом как член парадигмы от инфинитивов *снять* и *снимать*. По этой причине в случае парных глаголов предлагается задать два отдельных запроса – на глагол несовершенного вида и на глагол совершенного вида. Из каждого поиска следует вручную отобрать примеры нужного вида с целью получения наиболее представительной глагольной базы. Однако учитывая технические особенности поиска в НКРЯ, заранее известно, что больше примеров для обоих видов получается при запросе инфинитива в несовершенном виде³¹. Аналогично к интересным выводам

²⁹ «Лемма – «аналог» лексемы, результат автоматического сведения текстоформ к начальной форме», см. М.В. Копотев, Л. Янда, *Национальный корпус русского языка* (www.ruscorpora.ru), «Вопросы языкознания» 2006, № 5, с. 150.

³⁰ По содержанию сайта НКРЯ: <http://www.ruscorpora.ru> [доступ: 12.06.2017].

³¹ По содержанию http://studiorum.ruscorpora.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=73&Itemid=84 [доступ: 11.06.2017].

можно прийти на основании поиска причастий в НКРЯ. Согласно исследованию, проведенному С.А. Ковалем на корпусном материале, причастные формы большинства частотных русских глаголов практически не употребляются³².

Таблица 3. Грамматические признаки для глагола в НКРЯ

Часть речи ☐ существительное ☐ прилагательное ☐ числительное ☐ числ-прил ☒ глагол ☐ наречие ☐ предикатив ☐ вводное слово ☐ мест-сущ ☐ мест-прил ☐ мест-предикатив ☐ местоименное наречие ☐ предлог ☐ союз ☐ частица ☐ междометие	Падеж ☐ именительный ☐ звательный* ☐ родительный ☐ родительный 2 ☐ дательный ☐ винительный ☐ винительный 2* ☐ творительный ☐ предложный ☐ предложный 2 ☐ счётная форма	Наклонение / Форма ☒ изъявительное ☒ повелительное ☒ повелительное 2 ☒ инфинитив ☒ причастие ☒ деепричастие	Степень / Краткость ☐ сравнительная ☐ сравнительная 2 ☐ превосходная ☐ полная форма ☐ краткая форма
	Число ☒ единственное ☒ множественное	Время ☒ настоящее ☒ будущее ☒ прошедшее	Переходность ☒ переходный* ☒ непереходный*
Имена собственные ☐ фамилия ☐ имя ☐ отчество	Род ☒ мужской ☒ женский ☐ средний ☐ общий*	Лицо ☒ первое ☒ второе ☒ третье	Прочее ☐ цифровая запись ☐ аномальная форма* ☐ искаженная форма* ☐ инициал* ☐ сокращение* ☐ несклоняемое* ☐ топоним**
	Одушевленность ☐ одушевленное ☐ неодушевленное	Залог ☒ действительный ☒ страдательный ☒ медиальный	
		Вид ☒ совершенный ☒ несовершенный	

Источник: www.ruscorpora.ru [доступ: 17.12.2017].

Семантическая разметка НКРЯ для глагола включает характеристику в областях: таксономии, каузации, служебности этой части речи (фазовые и служебные каузативные глаголы), словообразования. Среди глагольных семантических признаков выделяются следующие: движение (в том числе изменение положения тела, части тела), помещение объекта, физическое

³² С.А. Коваль, *Роль корпуса в создании реалистичных моделей словоизменительной морфологии*, [в:] *Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2006»*, Санкт-Петербург 2006, цит. за М.В. Копотев, А. Мустайоки, *Современная...*, с. 17.

воздействие (в том числе: создание физического объекта, уничтожение), изменение состояния или признака, бытийная сфера (существование/начало существования/прекращение существования), местонахождение (в том числе положение тела в пространстве), контакт и опора, посессивная сфера, ментальная сфера, восприятие, психическая сфера (в том числе эмоция, воля), речь, поведение человека, физиологическая сфера, природное явление, звук, свет, запах. Итак, каждый глагол, у которого можно выделить разные контекстуальные значения, получает в корпусе семантические пометы, свидетельствующие о принадлежности к семантическим типам, напр. *пилить* (*бревно*) – «физическое воздействие», *пилить* (*мужа*) – «речь»; (*вьюга*) *разбушевалась* – «природное явление», (*сосед*) *разбушевался* – «поведение человека»³³. При поиске каждому слову приписываются сразу все пометы, которые были помещены в словаре корпуса. Пытаясь противостоять глагольной многозначности, создатели корпуса все время работают над семантическими фильтрами, с помощью которых корпус сможет продемонстрировать лишь те признаки, которые обнаруживаются в данных контекстуальных условиях (принцип контекстной однозначности)³⁴. К сожалению, глагольная многозначность все еще присутствует в корпусе. Причиной является не только система автоматического аннотирования, которого приводит к неправильно разделению глаголов. Недостатком являются выделенные таксономические классы, необладающие строгими границами. Итак, например семантический компонент ДВИЖЕНИЕ входит одновременно как в класс «движение», так и в класс «помещение объекта». Поиск глаголов в НКРЯ показывает, что согласно семантической разметке они могут подходить одновременно для нескольких семантических классов, напр. *вдалбливать* («физическое воздействие», «эмоция»), *взвешивать* («помещение объекта», «эмоция»), *взрывать* («физическое воздействие», «уничтожение», «прекращение существования», «эмоция»), *воссоздавать* («начало существования», «эмоция»), *вслушиваться* («восприятие», «эмоция»), *вымачивать* («изменение состояния или признака», «эмоция», «физическое воздействие») и т.п. Не все глаголы получают в корпусе однозначную семантическую характеристику – в таком случае они обладают пометой «disamb», что является сокращением для английского слова *disambiguation*. Данное определение употребляется в случае семантической неоднозначности слова, которое трудно классифицировать по выделенным признакам. Указанный факт свидетельствует о необходимости усовершенствования семантической разметки создателями НКРЯ.

С точки зрения словообразования, корпус обеспечивает поиск приставочных глаголов, семейфактивов и вторичных имперфективов (с суффиксами -ива-, -ва-, -а-). Автоматический морфемный разбор по формальным показателям нередко ведет к недостоверным результатам. Примером может послужит

³³ Г.И. Кустова, С.Ю. Толдова, *Национальный корпус русского языка: Семантические фильтры для разрешения многозначности глаголов*, [в:] *Национальный корпус русского языка: 2006—2008. Новые результаты и перспективы*, Санкт-Петербург 2009, с. 259, <http://ruscorpora.ru/sbornik2008/12.pdf> [доступ: 11.06.2017].

³⁴ Там же.

поиск вторичных имперфективов – глаголов с приставочно-суффиксальной морфематикой. Среди результатов по запросу «V d:impf d:impf» пользователь может найти простые немотивированные глаголы (напр. *жить, писать*), бесприставочные глаголы (напр. *ловить, стрелять, сматривать*), глаголы без обязательного суффикса вторичной имперфективации (напр. *встречаться*), а также ряд глаголов, которые только ошибочно могут быть признаны приставочными (напр. *продавать*).

В зависимости от выбора вышеописанных параметров, результаты поиска скачиваются в виде электронной таблицы Excel и на следующем шагу должны подлежать ручной обработке по формированию базы данных. Корректирующий этап работы является существенным для дальнейшего исследования материала: выдачи (прежде всего словоформы и леммы вместе с информацией о частоте) проверяются с точки зрения достоверности и наличия ошибок. К примеру следует привести три таблицы, иллюстрирующие вышеуказанные этапы анализа. Таб. 4А указывает на контексты в формате KWIC, полученные при поиске вторичных имперфективов (запрос «V d:impf d:impf») на сайте НКРЯ. Таб. 4Б показывает те же результаты поиска, помещенные в таблицу Excel (каждая словоформа помещается в отдельную колонну). Таб. 4В указывает на результаты работы по устранению возможных ошибок эмпирического материала.

Созданная таким образом база данных подлежит дальнейшим анализам – количественному и качественному, которые являются основными компонентами каждого корпусного исследования. В зависимости от выбранных параметров относительно поиска глагольных форм, корпус дает широкий спектр возможностей с привлечением статистически более представительного материала. Об указанном свидетельствует ряд научных работ, посвященных в частности: выделению частотных русских глаголов³⁵, исследованию глагольной сочетаемости в сравнении со словарной нормой³⁶, выявлению системных различий между языками на основании параллельных подкорпусов³⁷, стилометрическому анализу текстов известных писателей³⁸. На самом деле, указанными вопросами исследователи занимались задолго до возникновения технологий и программ автоматической обработки текста. Однако «корпусные методы позволяют сделать такие исследования более аккуратными и тонкими»³⁹.

³⁵ См. С.А. Коваль, *Роль...*

³⁶ См. X. Guo, *Modal auxiliaries in phraseology: a contrastive study of learner English and native speaker English*, [in:] *Proceedings from the Corpus Linguistics Conference Series*, 2005, www.corpus.bham.ac.uk/PCLC/CL%202005%20xiaotian%20guo.doc [доступ: 11.09.2017].

³⁷ См. М. Михайлов, *Параллельные корпуса художественных текстов*, Tampere 2003.

³⁸ См. напр. М.В. Копотев, *Из наблюдений над публицистикой Ф.М. Достоевского (человек и его дело)*, «Slavic Almanac: The South African Year Book for Slavic, Central, and East European Studies» 2003, с. 153–164.

³⁹ М.В. Копотев, А. Мустайоки, *Современная...*, с. 17.

Таблица 4А. Поиск глаголов по запросу «V d:impf d:impf» – выдача в формате KWIC

V d:impf d:impf	
Найдено 2 527 712 вхождений.	
Распределение по годам	Статистика
Поискать в других корпусах: агентологическом , газетном , диалектном , мультимедийном , обучающем , параллельном , поэтическом , синтаксическом , устном .	
Страницы: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 следующая страница	
Выведены бесконечные системы уравнений, описывающие эти конфигурации. ———	что процесс передачи возбуждения от ———
Метод термостатизации аморфных соединений даёт плёнки с наиболее стабильными по ———	и смазывая сливочным маслом. ———
жарить над раскалёнными углями, периодически переворачивая и сдвигающая водится в "Швабском ———	на том, что это вкусно ———
горчицы и клубники, да ещё настаивая на том, что это вкусно ———	под землёй, куда там омулю ———
форель, которую год, что ли, выдерживают под землёй, куда там омулю ———	варят и подают, не жалея ———
и хранящуюся в поленищах треску размачивают варят и подают, не жалея ———	наимателя подают, лососину не чаще ———
работе включали в договор пункт, обязывающий им гуся не надо. Для ———	им гуся не надо. Для ———
из гуся жир периодически собирать. Поливать с гусем. ———	с гусем. ———
Яблоки и чернослив традиционно подают красную капусту и карамелизованную картошку ———	красную капусту и карамелизованную картошку ———
К гусю также подают на умеренном огне, помешивая, до ———	на умеренном огне, помешивая, до ———
Подогревать пока она не прогреется и ———	пока она не прогреется и ———
картошку и готовить, аккуратно её переворачивая до образования на поверхности бабы ———	до образования на поверхности бабы ———
духовку со средним жаром и выпекать из Москвы генерал-лейтенант Перфильев: "Он ———	из Москвы генерал-лейтенант Перфильев: "Он ———
это время находился под наблюдением, докладывает количество написанных им книг. ———	количество написанных им книг. ———
Большом кулинарном словаре", — он дважды указывает в тарелку суп, внимателен, как ———	Официант, наливающий мир надёжной, выгодной и удобной ———
Уравнительная цивилизация, покрывающая мир надёжной, выгодной и удобной ———	Официант, наливающий мир надёжной, выгодной и удобной ———

Источник: www.ruscorpora.ru [доступ: 17.12.2017].

Таблица 4Б. Результаты по запросу «V d:impf d:impf» помещенные в таблицу Excel

L5	L4	L3	L2	L1	Втор. имперф.	P1	P2	P3	P4	P5
	Выведены	бесконечные	системы	уравнений,	описывающие	эти	конфигурации			
	Метод	термостатизации	аморфных	исследования	показывают	что	процесс	передачи	возбуждения	от
жарить	над	раскалёнными углями	соединений	периодически	даёт	плёнки	с	наиболее	стабильными	по
			Так	ещё	называю	и	смазывая	сливочным	маслом.	
горчицы	и	клубники	да	ли	настаивая	на	том	что	это	Швабском
форель	которую	год	что	ли	выдерживают	под	землёй	куда	там	оmuлю
и	хранящуюся	в	поленищах	треску	размачивают	варят	и	подают,	не	жалее
работе	включали	договор	пункт,	собира	обязывающий	наимателя	подавать	лососину	чаще	Для
из	гуся	жир	периодически	собирать.	Поливать	им	гуся	не	надо	Для
	Яблоки	и	чернослив	традиционно	подают	с	гусем.			
		К	гусю	также	подают	красную	капусту	и	карамелизованную	картошку
картошку	и	готовить	аккуратно	её	Подогревать	на	умеренном	огне	помешивая	до
духовку	со	средним	жаром	и	переворачивая	пока	она	не	прогреется	и
это	время	находился	под	наблюдением	выпекать	до	образования	на	поверхности	бабы
Большом	кулинарном	словаре	— он	дважды	докладывает	из	Москвы	генерал-лейтенант	Перфильев:	"Он
				Официант,	указывает	количество	написанных	им	книг.	
				наливающий	покрывающая	в	тарелку	суп	внимателен	как
			Уравнительная	цивилизация		мир	надёжной	выгодной	и	удобной

Источник: собственный материал [доступ: 17.12.2017].

Таблица 4В. Обработка материала в виде таблицы Excel

L5	L4	L3	L2	L1	Втор. имперф.	P1	P2	P3	P4	P5
форель	которую	год	что	ли	выдерживают	под	землёй	куда	там	оmuлю
и	хранящуюся	в	поленищах	треску	размачивают	варят	и	подают,	не	жалее
из	гуся	жир	периодически	собира	Поливать	им	гуся	не	надо	Для
					Подогревать	на	умеренном	огне	помешивая	до
духовку	со	средним	жаром	и	выпекать	до	образования	на	поверхности	бабы

Источник: собственный материал [доступ: 17.12.2017].

Выводы

Анализ возможностей корпусов, в частности при поиске глагольных форм на примере НКРЯ, показывает, что корпусное исследование наполняется смыслом лишь при совмещении автоматизированной процедуры извлечения данных с качественным анализом опытного лингвиста. Сдвиг от экскерпции данных к качественному анализу является признаком достоверного корпусного исследования. Корпусная лингвистика предоставляет инструменты для обработки данных и обеспечивает их поиск с целью решения лингвистических задач и получения конкретной лингвистической информации. Несмотря на недостатки работы с корпусом текстов, этот метод является в данный момент единственным путем к быстрому анализу больших массивов текстов и способом прийти к выводам, недостижимым без использования новейших технологий. Таким образом, корпусная лингвистика позволяет не только заново заняться известными вопросами, но и проблемами, решение которых до сих пор было связано с рядом трудностей. Адекватность использования корпуса для исследования глагола подтверждается словами А.Д. Шмелева: «Есть лингвистические задачи, для решения которых обращение к компетенции носителей языка ничего не дает и которые могут быть решены только посредством обращения к представительному корпусу текстов»⁴⁰. Таким образом корпусная лингвистика открывает дальнейшие научные перспективы.

Литература

- Aston G., Burnard L., *The BNC Handbook: Exploring the British National Corpus with SARA*, Edinburgh University Press, Edinburgh 1998.
- Fillmore C.J., *Corpus linguistics vs. computer-aided armchair linguistics*, [in:] *Directions in Corpus Linguistics: Proceedings from a 1991 Nobel Symposium on Corpus Linguistics*, Stockholm 1992, http://is.muni.cz/el/1421/jaro2008/FJ0B738/um/Corpus_linguistics_verze1.pdf [доступ: 2.06.2017].
- Guo X., *Modal auxiliaries in phraseology: a contrastive study of learner English and native speaker English*, [in:] *Proceedings from the Corpus Linguistics Conference Series*, 2005, www.corpus.bham.ac.uk/PCLC/CL%202005%20xiaotian%20guo.doc [доступ: 11.09.2017].
- Habert B., Nazarenko A., Salem A., *Les linguistiques de corpus*, Armand Colin, Paris 1997.
- Pawłowski A., *Lingwistyka korpusowa – perspektywy i zagrożenia*, «Polonica» 2003, t. XXII–XXIII, с. 19–31.
- Podstawy językoznawstwa korpusowego*, red. B. Lewandowska-Tomaszczyk, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź 2005.

Зализняк А.А., *Грамматический словарь русского языка*, Русский язык, Москва 1977.

Кобрицов Б.П., Ляшевская О.Н., Толдова С.Ю., *Снятие семантической многозначности глаголов с использованием моделей управления, извлеченных из электронных толковых словарей*, <http://download.yandex.ru/IMAT2007/kobricov.pdf> [доступ: 11.06.2017].

⁴⁰ А.Д. Шмелев, *Языковые факты и корпусные данные*, «Русский язык в научном освещении» 2010, № 1, с. 236–265.

- Коваль С.А., *Роль корпуса в создании реалистичных моделей словоизменительной морфологии*, [в:] *Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2006»*, Санкт-Петербург 2006, с. 148–158.
- Колокольникова М.Ю., *Дискурс-анализ и корпусный анализ в исследованиях в области исторической лексикологии*, «Известия Саратовского университета» 2010, Журналистика, т. 10, вып. 2, <http://www.philology.ru/linguistics1/kolokolnikova-10.htm> [доступ: 11.06.2017].
- Копотев М.В., *Из наблюдений над публицистикой Ф.М. Достоевского (человек и его дело)*, «Slavic Almanac: The South African Year Book for Slavic, Central, and East European Studies» 2003, с. 153–164.
- Копотев М.В., Янда Л., *Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru)*, «Вопросы языкознания» 2006, №5, с. 149–155.
- Копотев М.В., Мустайоки А., *Современная корпусная русистика*, [в:] *Инструментарий русистики: корпусные подходы*, ред. А. Мустайоки, Л.А. Бирюлин, Е.Ю. Протасова, Helsinki University Press, Helsinki 2008, с. 7–24.
- Кустова Г.И., Толдова С.Ю., *Национальный корпус русского языка: Семантические фильтры для разрешения многозначности глаголов*, [в:] *Национальный корпус русского языка: 2006—2008. Новые результаты и перспективы*, Санкт-Петербург 2009, <http://ruscorpora.ru/sbornik2008/12.pdf> [доступ: 11.06.2017].
- Лаврентьев А.М., *Влияние корпусных технологий на развитие диахронической лингвистики: пример Франции*, <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01071863/document> [доступ: 11.06.2017].
- Ляшевская О.Н., Плунгян В.А., Сичинава Д.В., *О морфологическом стандарте Национального корпуса русского языка*, [в:] *Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы*, Изд. Индрик, Москва 2005, с. 111–135.
- Мамонтова В.В., *Корпусная лингвистика в современной языковедческой парадигме*, «Актуальные вопросы современной науки» 2010, № 12, с. 230–238.
- Михайлов М., *Параллельные корпуса художественных текстов*, Tampere 2003.
- Нагель О.В., *Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении*, «Язык и культура» 2008, т. 1, № 4, с. 53–59.
- Рассказы о свидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса*, ред. А.А. Кибрик, В.И. Подлесская, Изд. Языки славянских культур, Москва 2009.
- Шаров С.А., *Представительный корпус русского языка в контексте мирового опыта*, «Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы» 2003, № 6, с. 9–18.
- Шмелев А.Д., *Языковые факты и корпусные данные*, «Русский язык в научном освещении» 2010, № 1, с. 236–265.
- <http://www.ruscorpora.ru> [доступ: 12.06.2017].
- <http://www.ruscorpora.ru/corpora-morph.html> [доступ: 11.06.2017].
- <http://www.ruscorpora.ru/corpora-sem.html> [доступ: 11.06.2017].
- <http://www.ruscorpora.ru/corpora-stat.html> [доступ: 11.06.2017].
- <https://tech.yandex.ru/mystem> [доступ: 2.01.2017].

**Метод корпусного исследования – преимущества и недостатки
(на примере использования Национального корпуса русского языка)****Резюме**

Настоящая статья посвящена методу корпусного исследования. В ней широко представлены несомненные преимущества и недостатки этого подхода, проиллюстрированные на материале Национального корпуса русского языка. Достоинство корпуса заключается в значительном упрощении и ускорении процедуры лингвистической обработки больших массивов текстов, что однако не лишено многих недостатков, связанных с автоматическим аннотированием данных.

Ключевые слова: корпус; корпусное исследование; аннотирование; корпусная лингвистика, НКРЯ, глагол

**The Method of Corpus Study – Advantages and Disadvantages
(On the Example of Russian National Corpus)****Abstract**

This paper is devoted to the method of corpus study. It presents the advantages and disadvantages of this approach illustrated on the material of the Russian National Corpus. The advantage of the corpus is the considerable simplification and acceleration of the procedure of the linguistic analyze of large amount of texts, which, however, does not avoid many of errors associated with automatic annotation of the data.

Key words: corpus, corpus study, annotation, corpus linguistics, RNC, verb

Izabela Kozera
doktor nauk humanistycznych
Uniwersytet Jagielloński
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej UJ
ul. Ingardena 3, 30-060 Kraków, Polska

Izabela Kozera, PhD
Jagiellonian University
Institute of Eastern Slavonic Studies
e-mail: izabela.kozera@uj.edu.pl
+48 602281515

Наталья Арефьева

Фразеологизмы русских говоров Одесщины в свете лингвокультурных кодов

Фразеология русских говоров Одесщины – уникальный и наименее изученный языковой ярус, отражающий быт, историю, традиции и мировосприятие народа-носителя. Оторванные от материнских говоров, длительное время функционирующие в поликультурном и полилингвальном окружении, русские говоры Одесщины являются ценнейшим кладом языковой, исторической и культурной информации.

Отметим, что до сих пор в отечественной и зарубежной лингвистике отсутствуют фундаментальные исследования в этой области. Изданный в 2000–2001 годах под руководством профессора Ю.А. Карпенко двухтомный *Словарь русских говоров Одесщины*, полевой сбор материала для которого ежегодно осуществлялся кафедрой русской языка Одесского университета, начиная с 1950 года, помимо 9000 лексем и богатого иллюстративного материала содержит в своём составе около трёхсот устойчивых оборотов¹. «Богатая и интереснейшая фразеология русских говоров Одесщины ждёт своих исследователей», – пишет автор учебного пособия *Лексика русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в разноязычном окружении* Л.Ф. Баранник, подчёркивая актуальность изучения фразеологии русских говоров Одесщины². Денотативная и коннотативная специфика фразеологизмов в полилингвокультурном пространстве города Одессы рассмотрена в докторской монографии Е.Н. Степанова, длительное время занимающегося языковыми особенностями речи одесситов³.

Учитывая перспективность лингвокультурологического подхода к изучению фразеологии (основоположник подхода – В.Н. Телия), отметим, что его главным постулатом является «синергетическая корреляция», «интеракция» культуры и языка

¹ СРГО – *Словарь русских говоров Одесщины*: в 2 т-х, Изд-во «АстроПринт», Одесса 2000, 2001.

² Л.Ф. Баранник, *Лексика русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в разноязычном окружении*: учебное пособие, Изд-во «Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова», Одесса 2015, с. 19.

³ Е.Н. Степанов, *Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы*: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д. филол. н.: спец. 10.02.02 «Русский язык», Киев 2013.

как двух разных семиотических систем, в результате которой осуществляется формирование культурно обусловленной фразеологической подсистемы естественного языка, в которой любой фразеологизм обретает статус знака «языка» культуры и начинает играть в последней особую роль⁴.

Мы вполне разделяем мнение профессора Н.А. Лукьяновой о том, что

в исследованиях лингвокультурологической направленности нельзя исключать из сферы анализа диалектный материал; наоборот, его надо активно вовлекать в эту сферу, потому что лексика общерусского и диалектного дискурсов в целом отражает дискретное единое и непрерывное ментальное пространство всех носителей русского языка. При моделировании общерусской (общенациональной) ЯКМ диалектные факты могут восполнить отдельные её звенья, отсутствующие в сознании носителей современного литературного языка⁵.

Целью нашей статьи является попытка систематизировать и классифицировать фразеологизмы русских говоров Одесщины в свете последних научных достижений в области лингвокультурологии, лингвoseмиотики и когнитивной лингвистики. Мы разделяем точку зрения авторов Фразеологического словаря русского языка⁶, в соответствии с которой фразеологизмом / фразеологической единицей (далее ФЕ) являются устойчивые, воспроизводимые, общеизвестные и раздельнооформленные сочетания слов, обладающие переносным значением (*тряпичное радио* – «болтун, болтуня», *свет потерять* – «потерять зрение»⁷), известные и широко распространённые составные наименования (*похожая хата* – «жилая комната в доме», *прибыльная вода* – «вода, прибывшая в реке в половодье»⁸) а также устойчивые сочетания слов, выступающие в роли наречий, предлогов, союзов (*край на край* – «в конце концов, наконец», *у гурте* – «вместе, сообща»⁹).

Принимая в качестве исходного тезис о том, что культура как поликодовый феномен буквально «пронизана» культурными кодами, вербализованными в языке в форме лингвокультурных кодов¹⁰, которые, в свою очередь, «задают картину мира и занимают центральное место в национальном культурном пространстве, являясь одновременно способом структурирования

⁴ И.В. Зыкова, *Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков*, дисс. на соискание уч. ст. д. филол. н.: спец. 10.02.19 – «Теория языка», Москва 2014, с. 121.

⁵ Н.А. Лукьянова, *Когнитивные источники образных слов русского языка*, «Русистика: сборник научных трудов», Киев 2008, вып. 8, с. 19.

⁶ ФСРЯ – *Фразеологический словарь русского языка*, сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова, Изд-во «Рус. Яз. – Медиа», Москва 2007, с. 4.

⁷ СРГО, т. 2, с. 230, 158.

⁸ См. там же, с. 103, 107.

⁹ Там же, т. 1, с. 266, 152.

¹⁰ Т.Н. Ефименко, *Взаимодействие лингвокультурных кодов в процессе межкультурной коммуникации*, «Известия вузов», Серия «Гуманитарные науки», Филология и лингвистика, Иваново 2012, № 3 (3), с. 189.

культурного знания»¹¹, считаем целесообразным на основе достаточно обширного фразеологического материала русских говоров Одесщины выделить следующие лингвокультурные коды (приводим в порядке количественного убывания ФЕ):

- **хозяйственный** (*стоять на горне* – «работать кузнецом», *обселить основу* – «продеть продольные нити, идущие вдоль домотканого полотна» – всего 44 ФЕ);
- **социальный** (*убиться в пьянку* – «спиться», *нема моду* – «не заведено, не принято» – всего 32 ФЕ);
- **флористический (растительный)** (*цвет кидать* – «цвести», *давать род* – «плодоносить» – всего 29 ФЕ);
- **соматический** (*на чьей-либо голове* – «на памяти», *в сердцах* – «в ссоре» – всего 25 ФЕ);
- **анималистический (зооморфный)** (*показывать горобцам дули* – «бездельничать», *взять за зябры* – «оказать давление» – всего 24 ФЕ);
- **свадебный** (*продавать невесту* – «просить выкуп за невесту по старинному свадебному обряду», *бабичья свадьба* – «угощение для женщин после венчания» – всего 20 ФЕ);
- **гендерный** (*хрустальная жена* – «жена (не первая) человека, женившегося в преклонном возрасте», *старый парень* – «старый холостяк» – всего 20 ФЕ);
- **природный** (*синий камень* – «медный купорос», *вольная вода* – «о весеннем разливе воды» – всего 20 ФЕ);
- **бытовой** (*уборная хата* – «гостиная», *передний кут* – «красный (передний) угол в доме, в котором находится икона, куда сажают почётных гостей» – всего 19 ФЕ);
- **предметный (вещный)** (*стоялая пряжа* – «стоячая прялка, высокая», *адегиное намысто* – «бусы, плотно прилегающие к шее» – всего 18 ФЕ);
- **гастрономический (пищевой)** (*пуканки пукать* – «готовить жареные кукурузные зёрна (поп-корн), употребляемые в пищу», *борщевой квас* – «приправа для борща» – всего 13 ФЕ);
- **временной** (*край на край* – «в конце концов, наконец», *да и годя* – «да и всё, да и только» – всего 13 ФЕ);
- **пространственный** (*нема куды* – «некуда», *полне-полным* – «полным-полно» – всего 11 ФЕ);
- **духовный** (*бога не острашаться* – «бога не бояться», *спасовка-ласовка* – «спас, церковный праздник в августе» – всего 10 ФЕ);
- **космогонический** (*век завязывать* – «укорачивать жизнь», *свет потерять* – «потерять зрение» – всего 8 ФЕ);
- **интеллектуальный** (*пораскинуть розумом* – «пораскинуть мозгами», *пропить розум* – «спиться» – всего 7 ФЕ);

¹¹ В.А. Маслова, *Особенности описания языка сквозь призму лингвокультурных кодов*, [в:] *Матеріали V Всеукраїнської науково-практичної конференції «Лінгвістичні та лінгвокультурологічні аспекти навчання іноземних студентів у вищих навчальних закладах України (31 березня – 1 квітня 2016 р.)*, Дніпропетровськ 2016, с. 87.

- **семейный** (*брат под братом* – «младший брат», *малый родственник* (*малая родственница*) – «дальний родственник» – всего 7 ФЕ);
- **транспортный** (*драбинный воз* – «повозка с решётчатыми боковинами, арба», *файтон без коней* – «автомобиль» – всего 4 ФЕ);
- **антропонимический** (*Ванька-встанька* – «божья коровка», *Ваня-рутютю* – «божья коровка» – всего 2 ФЕ);
- **ландшафтный** (*вгору крычать* – «петь высоким голосом» – всего 1 ФЕ);
- **эмоциональный** (*в горячках* – «сгоряча» – всего 1 ФЕ).

Как видим, хозяйственный код представлен наибольшим количеством ФЕ, что вполне естественно в свете того, что хозяйственная деятельность занимает исключительное место в жизни крестьянина. На втором месте – код социальный, что также объяснимо, т. к. социализация в обществе, оценка общества всегда была чрезвычайно важна для человека. Флористический или растительный код занимает третье место в иерархии кодов культуры носителей говоров и представлен широким разнообразием названий растений, овощных культур, плодовых деревьев. На четвёртом месте – код соматический, что тоже не случайно, поскольку, как утверждает Р.М. Вайнтрауб, фразеологизмы с соматическим компонентом составляют примерно 25% фразеологического фонда любого языка¹², а сами соматизмы отличаются высокой степенью фразеопроductивности. На пятом – анималистический код, также имеющий широкий спектр сравнений и стереотипов, связанных с животным миром, окружающим носителя культурных традиций. Более частое использование флористического, а не анималистического кода во фразеотворчестве свидетельствует о доминировании растениеводства над скотоводством в хозяйственной деятельности русских.

Интересным представляется нам достаточно плотная наполняемость свадебного кода культуры, поскольку

брак, семья и свадьба как переходный обряд, направленный на изменение социального статуса человека, занимают центральное место в концептуальной и, как следствие, во фразеологической картине мира славян¹³.

Свадебный код представлен фразеологизмами, отражающими фактически все этапы свадебной обрядности и собственно свадьбу (по классификации, предложенной А.В. Гурой, славянский свадебный обряд включает такие церемонии, как *сговор*, *канун свадьбы*, *собственно свадьбу* и *конец свадьбы*¹⁴): обряд венчания (*венчальная сваха*, *венчальный сват*), угощение для женщин после венчания, так называемая *бабичья свадьба*; встреча молодых хлебом-солью (*стривать хлебом-солью*), обряды во время свадьбы (*перевязывать / перевязать рушниками*, *продавать невесту*, *покрывать*

¹² Цит. по: І.М. Ярова, *Відображення фрагменту мовної картини світу у фразеологізмах ідеографічної групи 'Соціальне буття людини' (на матеріалі словенської соматичної фразеології)*, «Слов'янський збірник», Одеса 2008, вип. XII, с. 202.

¹³ Н.Г. Арефьева, *Брак и семья в славянской фразеологической картине мира*, «Слов'янський збірник», Вид-во «Букрек», Одеса–Чернівці 2015, вип. 19, с. 137–151.

¹⁴ А.В. Гура, *Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика*, Изд-во «Индрик», Москва 2012, с. 69–70.

молодую), свадебный пир (*ряженный пирог*), свадебные игры (*обишвные сани*).

Широко представлен в русской фразеологии говоров Одесщины и персонажный код свадебной обрядности (термин А.В. Гуры): *венчальный отец* (*венчальный папаша*) – «тот, кто держит венец во время венчания над головой жениха»¹⁵, *венчальный сват* в том же значении¹⁶, *венчальная сваха* – «та, кто держит венец во время венчания над головой невесты»¹⁷, *венчальная мать* в том же значении¹⁸; *старшая подружка* – «главная подруга невесты на свадьбе»¹⁹; *старший шафер* – «главный распорядитель на свадьбе»²⁰; *старшая дружка* – «самая близкая подруга невесты на свадьбе»: *Старшая друшка – то самая ближняя падруга нявесты* (Никол.)²¹.

За свадебным кодом традиционно следует гендерный, что является отражением наиболее архаичных представлений о мироздании, выстроенных в концептуальной картине мира в виде стройной системы на основе древнейшей бинарной оппозиции «мужское начало – женское начало».

Бытовой и предметный коды тесно связаны с кодом хозяйственным, что опять же является подтверждением исключительной важности хозяйственной деятельности для диалектоносителя Одесского региона. Приведём лишь некоторые примеры: *бунбаковые рушники* – *устар.* «домотканые полотенца, вышитые разноцветными нитками»: *Вот бунбакавыи рушники – мы их сами пряли и вышивали* (Усп.)²²; *цыганские ложки* – «большие деревянные ложки»: *Из вярбы делали цыганскии лошки и ими ели* (Усп.)²³. Подтверждением этому служат и ФЕ, раскрывающие код природный, поскольку природные условия чрезвычайно важны для ведения хозяйства и являются предметом вековых наблюдений народа-носителя, который и перенёс опыт свой и предыдущих поколений в новые для него условия: *маловный дождь* – «непродолжительный дождь»: *Маловный дождь прайдёт и можна снова у поле итти* (Рус. Ив.)²⁴.

Достаточно многочисленным по внутреннему наполнению является код гастрономический, поскольку пища относится к древнейшим элементам материальной культуры, а в её названиях преломляются быт, обряды и исконное мировоззрение носителей говоров. Так, к примеру, ФЕ *ряженный пирог* как название свадебного блюда находится на пересечении гастрономического

¹⁵ См. СРГО, т. 1, с. 72

¹⁶ См. там же, с. 72–73.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, т. 2, с. 190

²⁰ Там же.

²¹ Там же, т. 1, с. 181.

²² См. СРГО, т. 1, с. 56.

²³ Там же, т. 2, с. 269.

²⁴ Там же, т. 1, с. 296.

и свадебного кодов, поскольку является неременным блюдом на свадьбе: *Ряжыный пирох на свадьбу пикуть* (Возн., Введ., Павлов., Вас., Усп., Серг.)²⁵.

Невелики по фразеологической представленности коды интеллектуальный, семейный, транспортный. Единичными ФЕ представлены коды ландшафтный и эмоциональный.

Отдельно хотелось бы сказать о коде духовном, на первый взгляд, немногочисленном по внутреннему наполнению, но, с нашей точки зрения, представленном достаточно ярко. Не случайно отмечает В.А. Маслова, что «**духовный код** – есть главный путь перехода к глубинным знаниям»²⁶. Духовный код воссоздаёт внутренние установки и ценности, на которых основывается культура носителей русских говоров Одесского региона. Так, в нашем случае можно говорить о богоцентричности духовного кода носителей говоров: **бога не острашаться** – «бога не бояться»: *Еси бога ни астрашаися, так хоть людей пастыдись* (Ст. Некр.)²⁷; **бог знамо** – «неизвестно»: *Бох знама, кады мы приехали сюды* (Б. Бур.)²⁸.

Традиционная славянская соборность (общинность) ярко выражена, на наш взгляд, в ФЕ **у гурте** – «вместе, сообща» (Введ.)²⁹. Деривационный ряд лексемы **гурт** со значением совместности широко представлен в лексикологии русских говоров Одесщины: **гурт (гурта)** – «толпа людей», **гуртком (гуртом)** – «все вместе, сообща», **гуртоваться** – «сбиваться в кучу (о животных)», **гуртовый** – «весёлый, компанейский», **гуртяк** – «компания», **гуртовой** – «общий, совместный»: *Фсе сротствинники сабрались, эта гуртавая работа* (Б. Пл.)³⁰. Ср. также украинские ФЕ **у гурті** – «вместе, сообща, не отдельно, не изолировано»³¹, **держатися (триматися) гуртом** – «быть, действовать вместе, заодно»³², **до гурту** – «в одно место, вместе с другими»³³. Как отмечает Н.В. Сабуркина, «древние славянские племена объединяли такие общиe черты, как оседлый образ жизни, земледелие «как основной вид занятий, общинная организация – «мир»»³⁴. Ср. *Гуртом да мирам спадручней* (Мур.)³⁵.

Культ рода у древних славян, поклонение ему как наивысшей ценности, на наш взгляд, имплицитно закрепившееся в русских говорах Одесщины устойчивое сочетание **с природу** – «с рождения», внутренняя форма которого,

²⁵ См. СРГО, т. 2, с. 150.

²⁶ В.А. Маслова, *Особенности...*, с. 85.

²⁷ СРГО, т. 1, с. 356.

²⁸ См. там же, т. 1, с. 237.

²⁹ Там же, с. 152.

³⁰ Там же.

³¹ ФСУМ – *Фразеологічний словник української мови*, уклад. В.М. Білоноженко та ін., Вид-во «Наукова думка», Київ 1993, с. 202.

³² См. там же, с. 230–231.

³³ Там же, с. 202.

³⁴ Н.В. Сабуркина, *Исследования особенностей языкового сознания славян*, [в:] *Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация*: Сб. статей, Изд-во КГПУ им. К.Э. Циолковского, Калуга 2005, с. 246.

³⁵ СРГО, т. 1, с. 237.

несомненно, соотносится с архисемой «род»: **С природу сваево здесья живём** (Ст. Некр.)³⁶. Духовный код в этом аспекте пересекается с кодом семейным. Ср.: **природная сестра** – «двоюродная сестра»: *Гаварим природная систра и природный брат* (Алекс.); **природный брат** – «двоюродный брат»: **Природный брат мой пагип на фронти** (Коса). Он мне **брат природный, ни радной, а дваюродный** (Алекс.)³⁷. Человек, забывающий свои корни, оценивается негативно в народном сознании: **Иван, не помнящий родства**. Ср. также общеизвестный фразеологизм **без роду-племени (ни роду, ни племени)** – «о человеке без родины, без родственных связей; об одиноком человеке»³⁸, который употребляется, как правило, с негативными коннотациями или выражает сочувствие, сожаление.

Обильная масса слов с поразительно заботливым определением отдельных членов самых отдалённых степеней родства служит лучшим доказательством бытовой важности родственных связей у Славян,

– отмечает П.А. Лавровский в своей книге *Коренное значение в названиях родства у славян*³⁹. Поклонение роду как важнейшей составляющей мировоззрения древних славян этимологически обосновывает О.Н. Трубачёв⁴⁰. Имеется, впрочем, и другая точка зрения. Так, по утверждению проф. Н.И. Зубова, «общее название «род» генетически не связано с астрологическими представлениями» и, с одной стороны, обозначает понятие «(ново)рождённый», а с другой – «имеет также значение – «рождение; роды: время рождения» (ср. *на роду написано*, то есть определено во время родов, рода)»⁴¹.

«Идеи широты, гостеприимства, щедрости, открытости, свободолюбия многих славянских народов традиционно связывают с просторами, бескрайними равнинами славянских земель, с богатством лесов и рек», – пишет Н.В. Сабуркина⁴², недаром глаголы *дать, отдать* достаточно продуктивны во фразеологии русских говоров как важного элемента языковой картины мира славян: **дашь-на-дашь** – 1) «поровну»: *Усё с браткай дялили даш-на-даш* (Усп.); 2) «взаимы»: *Папрасить у деда даш-на-даш* (Усп.)⁴³; **дать на дать** – «так на так»: *У нас так дать на дать делаицца* (Усп.)⁴⁴. Сравним такие обще-

³⁶ См. СРГО, т. 2, с. 186.

³⁷ См. СРГО, т. 2, с. 112.

³⁸ ИЭС – *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*, Изд-во «Астрель»: АСТ: Люкс, Москва 2005, с. 599.

³⁹ П.А. Лавровский, *Коренное значение в названиях родства у славян*, послесл. В.К. Журавлёва, И.В. Журавлёва, изд. 2-е, стереотипное, Изд-во «Едиториал УРСС», Москва 2005, с. 2.

⁴⁰ О.Н. Трубачёв, *Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования*, Изд-во «Наука», Москва 2003, с. 191–192.

⁴¹ М.І. Зубов, *Лінгвотекстологія середньовічних слов'янських повчань проти язичництва*: Монографія, Вид-во ОРІДУ НАДУ, Одеса 2004, с. 62.

⁴² Н.В. Сабуркина, *Исследования...*, с. 246.

⁴³ См. СРГО, т. 1, с. 157.

⁴⁴ Там же.

употребительные русские ФЕ, как *отдать последнее, отдать последнюю рубашку, отдать душу*.

Таким образом, можно констатировать, что во фразеологизмах русских говоров Одесщины закодирована важная культурная информация, древнейшие представления о мире, которые ещё предстоит выявить и систематизировать, опираясь на научно-методический инструментарий лингвокультурологии, лингвосомиотики и когнитивной лингвистики.

Литература

- Арефьева Н.Г., *Брак и семья в славянской фразеологической картине мира*, «Слов'янський збірник», Вид-во «Букрек», Одеса–Чернівці 2015, вип. 19, с. 137–151.
- Баранник Л.Ф., *Лексика русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в разноязычном окружении: учебное пособие*, Изд-во «Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова», Одесса 2015.
- Гура А.В., *Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика*, Изд-во «Индрик», Москва 2012.
- Ефименко Т.Н., *Взаимодействие лингвокультурных кодов в процессе межкультурной коммуникации*, «Известия вузов», Серия «Гуманитарные науки», Филология и лингвистика, Иваново 2012, № 3 (3), с. 181–191.
- Зубов М.І., *Лінгвотекстологія середньовічних слов'янських повчань проти язичництва: Монографія*, Вид-во ОРІДУ НАДУ, Одеса 2004.
- Зыкова И.В., *Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков*, дисс. на соискание уч. ст. д. филол. н.: спец. 10.02.19 – «Теория языка», Москва 2014.
- ИЭС – *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*, соавторы: А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова, под ред. В.М. Мокиенко, 3-е изд., испр. и доп., Изд-во «Астрель»: АСТ: Люкс», Москва 2005.
- Красных В.В., *Этнопсихолінгвістика і лінгвокультурологія: Лекційний курс*, Изд-во «Гнозис», Москва 2002.
- Лавровский П.А., *Коренное значение в названиях родства у славян*, послесл. В.К. Журавлёва, И. В. Журавлёва, изд. 2-е, стереотипное, Изд-во «Едиториал УРСС», Москва 2005.
- Луцькянова Н.А., *Когнітивні джерела образних слів російської мови*, «Русистика: збірник наукових праць», Київ 2008, вип. 8, с. 18–27.
- Маслова В.А., *Особенности описания языка сквозь призму лингвокультурных кодов*, [в:] *Матеріали V Всеукраїнської науково-практичної конференції «Лінгвістичні та лінгвокультурологічні аспекти навчання іноземних студентів у вищих навчальних закладах України (31 березня – 1 квітня 2016 р.)*, Дніпропетровськ 2016, с. 81–87.
- Сабуркина Н.В., *Исследования особенностей языкового сознания славян*, [в:] *Общелингвистика. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: Сб. статей*, Изд-во КГПУ им. К.Э. Циолковского, Калуга 2005, с. 245–251.
- СРГО – *Словарь русских говоров Одесщины*, ред. коллегия: проф. Ю.А. Карпенко (отв. ред.), проф. Уэмура, проф. Д.С. Ищенко, доц. Л.Ф. Баранник, в 2 т-х, Изд-во «Астро-Принт», Одесса 2000, 2001.
- Степанов Е.Н., *Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д. филол.н.: спец. 10.02.02 «Русский язык»*, Киев 2013.

Трубачёв О.Н., *Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования*, отв. ред. Н.И. Толстой, 2-е изд., доп., Изд-во «Наука», Москва 2003.

ФСРЯ – *Фразеологический словарь русского языка*, сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова, 3-е изд., стереотип., Изд-во «Рус. Яз. – Медиа», Москва 2007.

ФСУМ – *Фразеологічний словник української мови*, уклад. В.М. Білоноженко та ін., Вид-во «Наукова думка», Київ 1993.

Ярова І.М., *Відображення фрагменту мовної картини світу у фразеологізмах ідеографічної групи 'Соціальне буття людини' (на матеріалі словенської соматичної фразеології)*, «Слов'янський збірник», Одеса 2008, вип. XII, с. 202–213.

Фразеологизмы русских говоров Одесщины в свете лингвокультурных кодов

Резюме

В статье впервые предпринята попытка систематизировать и классифицировать фразеологизмы русских говоров Одесщины. С учётом последних научных достижений в области лингвокультурологии, лингвосомиотики и когнитивной лингвистики фразеологизмы рассматриваются в русле лингвокультурных кодов. На основании фактического материала выделяются коды: хозяйственный, социальный, флористический, анималистический, свадебный, гендерный, природный и другие. Обосновывается их широкая представленность в языковой картине мира русских. Подробно анализируется духовный код как один из важнейших кодов, который репрезентирует внутренние установки и ценности носителей языка. Автор приходит к выводу о том, что во фразеологизмах русских говоров Одесщины закодирована важная культурная информация и древнейшие представления о мире, раскрыть которые поможет научно-методический инструментарий лингвокультурологии, лингвосомиотики и когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: фразеологизм, русские говоры Одесщины, лингвокультурный код, культурная информация, картина мира, лингвокультурология, лингвосомиотика, когнитивная лингвистика

Phraseological Units of Russian Dialects of Odessa Region in the Light of Linguocultural Codes

Abstract

In this article there is the first attempt to systematize and classify phraseological units of the Russian dialects of Odessa region. According to the recent scientific advances in the sphere of linguoculturology, linguosemiotics and cognitive linguistics, the phraseological units are analyzed in the light of linguocultural codes. On the basis of the actual material the codes, such as economic, social, floristic, animalistic, marriage, gender, natural, and others, are allocated. Their wide representation in the Russian language picture of the world is grounded. The spiritual code as the most important one, which represents inner attitudes and values, is considered in details. The author comes to conclusion that in the phraseological units of the Russian dialects of Odessa region the important cultural information and the ancient view of the world are coded, and the scientific and methodical instruments of linguoculturology, linguosemiotics and cognitive linguistics can help to find out them.

Key words: phraseological unit, Russian dialects of Odessa region, cultural information, linguocultural code, picture of the world, linguoculturology, linguosemiotics, cognitive linguistics

Наталья Арефьева

кандидат филологических наук,
доцент кафедры языковой и общегуманитарной подготовки иностранцев
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова

Natalia Arefieva

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of Linguistic and General Humanitarian Preparatory
of Foreigners Department
Odessa I.I. Mechnikov National University
e-mail: n.arefieva@onu.edu.ua
+ 380 958663287

Лариса Михеева

Роль грамматических знаний и умений в процессе усвоения пунктуации

Задача формирования лингвистической компетенции, понимаемой применительно к иностранным русистам, подразумевает системное овладение языком на всех его уровнях и подуровнях. Немаловажное значение в профильном изучении русского языка имеет усвоение его пунктуации. Изучение пунктуации вызывает значительные трудности у польских студентов, изучающих русский язык как специальность. Эти затруднения объясняются и многогранностью самого лингвистического явления, с его системами правил, содержащими множество примечаний и уточнений, и сложностью процесса формирования пунктуационных навыков, не элементарных по своей структуре, и неразработанностью теоретических и практических вопросов обучения пунктуации в дидактике РКИ.

Методы и подходы при обучении пунктуации, независимо от того, является ли язык изучения родным или иностранным, призваны в должной мере учитывать процессы, лежащие в основе ее усвоения. Поскольку нормы расстановки знаков препинания, затвержденные в правилах русского правописания, опираются главным образом на синтаксические категории, их изучение не видится без прочного усвоения основ синтаксиса. Знание синтаксиса позволяет учащемуся бегло ориентироваться в понятиях, связанных со структурными и смысловыми элементами отдельно взятого предложения и текста в целом, – таких, в частности, как предикативная основа, предикативные части, союзная и бессоюзная связь, средства связи, члены предложения, пропуски членов предложения, варианты осложнения простого предложения (однородные члены, обобщающие единицы при однородных рядах, обособленные второстепенные члены, слова и выражения, грамматически не связанные с членами предложения), чужая речь, прямая и авторская речь и др. Алгоритмы применения пунктуационных правил предполагают свободное оперирование всеми упомянутыми понятиями, поэтому умение распознавать и разграничивать те или иные характеристики синтаксических единиц важно для формирования навыков пунктуационного оформления текста. Примечательно, что одни из перечисленных выше категорий выступают в качестве условий постановки и выбора знаков препинания, другие являются опознавательными признаками структурно-смысловых отрезков, разделяемых, отделяемых или выделяемых знаками препинания при письме. Из сказанного следует, что введение

каждого пунктуационного правила необходимо предварять или изучением синтаксического явления, на котором оно основывается, или актуализацией синтаксических знаний, полученных ранее.

Раскрывая общие закономерности процесса усвоения понятий, М.Н. Шардаков замечает, что каждая конкретная наука являет собой систему понятий и что усвоение понятий конкретной науки происходит в соответствующей системе, путем раскрытия отношений, в которых они находятся, в частности «установления таких отношений, как отношение общности и отношение соподчинения», – знания не бывают систематическими без осознания внутрипредметных корреляций¹. Справедливость высказанного тезиса можно продемонстрировать на примере усвоения языкового материала. Например, можно утверждать, что общее понятие *сложное предложение* формируется путем установления отношений общности между понятиями *предложение сложносочиненное*, *предложение сложноподчиненное*, *предложение бессоюзное сложное*. Вместе с тем, при формировании понятия *сложное предложение* устанавливаются отношения соподчинения: понятия *бессоюзное сложное предложение*, *сложносочиненное предложение* и *сложноподчиненное предложение* усваиваются как видовые понятия общего для них родового – *сложное предложение*.

Психологи признают, что при усвоении нарастающего объема частных (видовых) и общих (родовых) понятий у учащихся накапливается объем теоретических и практических знаний, одновременно совершенствуются мыслительные механизмы, направленные на обобщение и конкретизацию явлений, при этом «содержание отдельных понятий формируется во взаимосвязи с содержанием других понятий»². Проецируя сказанное на процесс усвоения синтаксических категорий, можно заметить, что глубокое и всестороннее усвоение синтаксических явлений, например такого многопланового явления, как *бессоюзное сложное предложение*, зависит от усвоения целого ряда языковых фактов, а именно: *предикативная основа*, *простое предложение*, *сложносочиненное предложение*, *сложноподчиненное предложение*, *сочинительный союз*, *подчинительный союз*, *союзная связь*, *бессоюзная связь*, *типы интонаций*. Эти сведения актуализируются, в свою очередь, при пунктуационном анализе бессоюзного сложного предложения и учитываются при выборе места постановки знака и его варианта – в зависимости от типа смысловых отношений между предикативными частями. Например:

Некоторым людям трудно смотреть в глаза собеседнику: сказывается их неуверенность в себе. → две предикативные основы (*трудно смотреть* + *неуверенность сказывается*) → две предикативные части, между которыми необходим разделяющий (структурный) знак → отношения зависимости между частями (при трансформировании конструкции возможна подстановка подчинительных причинных союзов *поскольку*, *потому что*, *так как*) → во второй части бессоюзного сложного предложения значение причины (обоснования), ставится двоеточие (знак выполняет и структурную, и смысловую функцию).

¹ См. М.Н. Шардаков, *Очерки психологии школьника*, Москва 1975, с. 149.

² См. там же, с. 149–150.

Заслуживает внимания положение о том, что в ходе первоначального представления тех или иных явлений учащихся необходимо подвести «к осмысливанию существенных и общих признаков и свойств» этих явлений, благодаря чему можно «предупредить включение в состав усваиваемых понятий несущественных признаков, которые в дальнейшем могут восприниматься как определяющие, постоянные»³. Данное положение актуально, среди прочего, при введении многоусловных правил пунктуации или частных правил, уточняющих основное. Примером могут служить правила обособления / необособления обстоятельств, выраженных одиночными деепричастиями⁴. Основное правило, предписывающее обособление обстоятельств, выраженных одиночными деепричастиями, при сохранении в них глагольного значения, нередко переносится пишущими на конструкции, в которых действует уточняющее правило, согласно которому при одиночном деепричастии, употребленном в функции обстоятельства наречного типа, обособление снимается. Ср.: *Лёжа, он тихо стонал от ноющей боли. – Врачи не рекомендуют читать лёжа* (деепричастные обстоятельства образа действия, как правило, примыкают к глаголу). Неверный перенос происходит в том случае, когда пишущий делает ошибочные обобщения по поводу условий действия пунктуационной нормы, выделяя при письме каждое одиночное деепричастие без семантического анализа контекста. А искаженное понимание пунктуационных фактов может формироваться, если правила представляются несистемно: в рассматриваемом случае, к примеру, при введении понятия *обособленное обстоятельство, выраженное одиночным деепричастием*, зачастую не выделяется его существенный признак, заключающийся в сохранении глагольного значения (значения дополнительного сказуемого), а значит, остаются без внимания отношения полупредикативности, возникающие между сказуемым и обстоятельством, вследствие чего и происходит обособление. Методическим упущением может считаться также подбор тренировочного материала, в котором в недостаточной степени отражаются варианты обособленных и необособленных обстоятельств, отсутствуют задания на анализ смысловых признаков обстоятельств деепричастного типа: в одном случае – установление значения добавочного действия (*Спohватившись, Катерина подскочила в кресле и виновато поглядела на Сашу, как будто он мог подслушать ее тайные мысли.* (Т. Устинова), ср.: спохватилась, подскочила в кресле и виновато поглядела на Сашу); в другом – значения обстоятельства образа действия (*Он говорил заикаясь, поправлялся, чтобы быть понятным, но слушатели все-таки понимали его плохо.* (Ф. Крюков), ср.: говорил (как?) заикаясь, с трудом). Ср. также: *Ведь если бы на месте Трифона Петровича был какой-нибудь обыкновенный, а того лучше – дрянной человечешко, который бы выгрызал каждую копейку, тогда бы она ему, не церемонясь, прямо сказала*

³ См. А.Ф. Тихонова, *Зависимость пунктуационных обобщений от характера умственной деятельности учащихся: автореф. дис. ... канд. пед. наук (по психологии)*, Москва 1961, с. 6.

⁴ См. *Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник*, под ред. В.В. Лопатина, Москва 2007, § 70–72, <http://orthographia.ru> [доступ: 2.03.2018].

начистоту... (П. Романов) – не церемонилась бы и прямо сказала начистоту. Но: Продавцы наперебой расхваливали свой товар, **не церемонясь** хватали покупателей за рукав, тянули каждый в свою сторону. (Л. Дворецкий) – хватали (как?) бесцеремонно.

Для того чтобы преодолеть тенденцию «включать в содержание понятия несущественные признаки или отношения», рекомендуется «при ознакомлении учащихся с новым понятием показывать его несущественные признаки в различных вариациях»⁵. А.Ф. Тихонова считает, что при формировании синтаксических и пунктуационных обобщений учащиеся сталкиваются с трудностями вследствие высокой абстрактности усваиваемых категорий, в связи с чем, даже при наличии синтаксических и пунктуационных знаний, они стремятся сформировать обобщения по формальным сигналам, хотя подобные обобщения, выработанные исключительно с опорой на внешние признаки, бывают неспособны обслуживать пунктуационные действия⁶. Поясним этот тезис на примере применения правил пунктуации в предложениях-тождествах, одним из компонентов которых является сказуемое с именной частью в виде существительного в именительном падеже. При постановке тире на месте нулевой связки в такого рода предложениях наглядный признак, каким является частица *это*, включаемая в состав сказуемого для его смыслового выделения, многими принимается за определяющий. Некоторые пишущие неверно считают наличие данной частицы самостоятельным условием действия пунктуационной нормы, вследствие чего одна и та же категория правила (тире фиксирует пропуск глагольной связки) дает различный процент ошибок – в зависимости от наличия или отсутствия данного признака. Экспериментально подтверждается, что в конструкциях, где слово *это* перед именной частью отсутствует (ср. варианты: *Буква – это отдельный символ какого-либо алфавита, графема.* // *Буква – отдельный символ какого-либо алфавита, графема*), число случаев пропуска тире резко возрастает⁷. Стоит согласиться с тем, что наглядные признаки пунктуационной ситуации (которые пишущие при решении той или иной пунктуационной задачи могут принимать за определяющие), например форма слова или предложения, наличие определенных частиц, союзов, следует рассматривать как значимые сигналы той или иной пунктограммы, однако анализ, ограничивающийся выделением

⁵ См. М.Н. Шардаков, *Очерки...*, с. 152.

⁶ См. А.Ф. Тихонова, *Зависимость...*, с. 5–6.

⁷ Проведенный анализ письменных работ (2009–2012 гг.) показывает, что значительный процент ошибок в пропуске знака тире между подлежащим и сказуемым – на примере 100 сочинений студентов бакалавриата (общий показатель – 56,4% [из 188 использованных конструкций 106 оформлены ошибочно]); 969 сочинений студентов магистратуры (общий показатель – 36,6% [из 1401 употребленных конструкций 513 оформлены ошибочно]), 161 текста срезового диктанта, проведенного среди магистрантов (общий показатель – 18,6% [180 ошибок на 966 случаев пунктограммы]), – фиксируется именно в тех предложениях, где частица *это* опущена (см. образцы предложений из срезового диктанта: *Череп – скинхед, мечтающий найти немецкое оружие.* *Спирт – музыкант, и ему просто нужны деньги, чтобы заниматься любимым делом,* *а Чуха – компьютерщик, подсевший на виртуальные игры*).

лишь данных признаков, во многих случаях приводит к ошибочной пунктуации, поскольку не является достаточным.

Опираясь на данные опроса, проведенного среди преподавателей практикумов по русскому языку польских вузов⁸, можно обозначить устойчивую тенденцию к использованию в работе по обучению пунктуации мнемонических техник, подразумевающих представление пунктуационных правил с опорой на внешние признаки конструкций. В преобладающем большинстве (92%) опрошенные указали, что используют упрощенные формулировки правил при объяснении пунктуационных явлений, в 64% случаев респонденты отметили, что подсказывают студентам слова, перед которыми / при которых они должны ставить при письме те или иные знаки препинания (как выяснилось, формулировки типа «тире перед *это*»; «тире в простом предложении перед *это*»; «предложение без глагола, ставим тире перед *это*» при введении правила постановки тире в предложениях-тождествах использует до 40% опрошенных). Важно подчеркнуть, что подобная практика в обучении пунктуации противоречит положениям методической теории⁹, поскольку приводит к формированию у учащихся несостоятельных обобщений, несовместимых с правильными навыками, ведет к неверному осмыслению кодифицированной пунктуации и появлению трудноискоряемых ошибок.

Среди основополагающих факторов, лежащих в основе усвоения синтаксических категорий и формирования правильных пунктуационных обобщений, специалисты называют процессы осознания взаимосвязи формы и содержания в явлениях языка, а также дифференцированный анализ сходного синтаксического материала. Необходимость осмысления формы и содержания языковых единиц связана, по мнению М.А. Орловой, с потребностью учитывать как их формально-грамматические, так и их содержательные компоненты¹⁰. Этот фактор стоит учитывать в работе по формированию корректных действий, включаемых в пунктуационный анализ. Потребность принимать во внимание форму и содержание языковых фактов обнаруживается, среди прочего, при изучении правил пунктуации в предложениях с вводными компонентами, обращениями, обособленными членами. При представлении правил, связанных с пунктуационным оформлением таких конструкций, и при закреплении умений применять эти правила на письме целесообразно подбирать текстовый материал, в котором содержатся сходные по форме, но различные по синтаксическим функциям слова или сочетания слов. Например:

⁸ В заполнении анкет участвовало в общей сложности 25 преподавателей, ведущих практикумы по русскому языку на III курсе бакалавриата (16 респондентов) и на I–II курсах магистратуры (9 респондентов) в Краковском педагогическом университете (UP), Ягеллонском (UJ), Жешувском (UR) и Силезском (US) университетах (2011–2012 гг.).

⁹ Заметим, что русская и польская дидактика в равной мере отрицают пользу мнемонических правил, сужающих или механизмирующих пунктуационное мышление пишущих, и формулировок типа «ставим запятую перед *że, co, który...*» (см., например, Z.A. Kłakówna, K. Wiatr, I. Steczko, *Nowe TO LUBIE! Książka dla nauczycieli i rodziców*, kl. 4, Kraków 2007, s. 88), однако подобные директивы часто попадают в польские гимназические учебники.

¹⁰ А.М. Орлова, *Усвоение синтаксических понятий учащимися*, Москва 1961, с. 50.

1. **Влад** успел вчера купить проездной. – **Влад**, успел вчера купить проездной?
2. Все вычисления были сделаны **верно**. – Лаборант, **верно**, ошибся в вычислениях.
3. Сейчас много **говорят** о фильме Павла Лунгина «Дирижер». – Этот фильм, **говорят**, номинирован на премию «Золотой орел».
4. Партию Джульетты исполнила **прима Мариинки** Диана Вишнева. – Партию Джульетты исполнила Диана Вишнева, **прима Мариинки**.

Корректная постановка знаков препинания в каждом из приведенных случаев зависит от выбора соответствующего правила, что, в свою очередь, зависит от правильной квалификации синтаксических категорий. Так, в первом примере выделенное слово употреблено в функции *подлежащего / обращения*; во втором – выделенное слово является *обстоятельством образа действия / вводным элементом*; в третьем – выполняет функцию *глагольного сказуемого / вводного слова*; в четвертом – выступает в функции *приложения / обособленного приложения*. Очевидно, что умение распознавать и разграничивать явления языка подразумевает опору на целостную структуру понятия, включающую элементы как формы, так и содержания, при этом исключается односторонний анализ в решении пунктуационных задач. Целостный подход к анализу синтаксического материала требует во многих случаях уточнения в отношении тех или иных критериев, которыми оперирует пишущий в процессе мыслительной деятельности, с тем чтобы принять правильное пунктуационное решение.

Предыдущее положение связано с другим положением, указывающим на необходимость дифференцирования синтаксических категорий при усвоении пунктуационных норм. Трудности в применении правил пунктуации возникают при наличии в синтаксическом материале тождественных или сходных компонентов, причем подобие может обнаруживаться как в содержательном отношении, так и в плане формально-грамматических признаков. Смешение сходных в том или ином отношении грамматических явлений, наблюдающихся в ряде синтаксических конструкций, рассматривается как одна из основных причин пунктуационных ошибок. Ср.:

1. Комиссия провела проверку всех обстоятельств крушения лайнера и на основании открывшихся фактов составила подробный отчет. – Комиссия провела проверку всех обстоятельств крушения лайнера, и на основании открывшихся фактов был составлен подробный отчет.
2. Накануне состоялись полуфинальные встречи по волейболу и были разыграны медали в отдельных дисциплинах легкой атлетики. – Состоялись полуфинальные встречи по волейболу между сборными Италии и Франции, Германии и Польши, и были разыграны медали в отдельных дисциплинах легкой атлетики.
3. Слово «уик-энд» уже обосновалось в устной речи россиян, однако большая часть населения предпочитает слово «выходные». – Слово «уик-энд» уже обосновалось в устной речи россиян, большая часть населения, однако, предпочитает ему слово «выходные».

При анализе предложений в каждой паре выявляется, с одной стороны, их смысловое сходство (совпадение лексического состава; отношения сочинения

[примеры 1 и 2], отношения противопоставления [пример 3]), с другой стороны – структурные расхождения: 1) предложение с однородными сказуемыми, соединенными союзом *и* / сложносочиненное предложение с союзом *и* на стыке частей; 2) сложносочиненное предложение с общим для частей второстепенным членом / сложносочиненное предложение без общего для частей элемента; 3) сложносочиненное предложение со словом *однако* в функции средства связи / бессоюзное сложное предложение со словом *однако* в функции вводного элемента.

В специальной литературе, как психологической, так и методической, придается особое значение приему сопоставления смешиваемых явлений в процессе усвоения синтаксических понятий, а также опирающихся на них пунктуационных правил – как на ступени их осмысления и запоминания, так и на ступени применения¹¹. А.Ф. Тихонова, к примеру, указывает, что «сопоставление, проводимое на основе «материализации» признаков формулируемых понятий, помогает преодолеть трудности, связанные с расхождением формы предложения и его синтаксической конструкции», а «сопоставление внешне сходных синтаксических конструкций приводит к формированию обобщений, основанных на дифференцировке, помогает предупредить разного рода смешения понятий, их расширение или сужение»¹². Г.Г. Граник настаивает на необходимости перемежать смешиваемые явления в процессе их сопоставления: «Требование перемежать такой материал [...] вытекает из необходимости выработать умение различать языковые явления, обслуживаемые различными, но взаимосмешиваемыми [...] правилами. Для осуществления такого варьирования следует выявить те сходные или тождественные элементы, неразличение которых приводит к неверным переносам, к созданию «ложных» правил и в конечном результате к ошибкам»¹³.

По мнению ряда авторов, наиболее действенными приемами, способствующими преодолению смешения грамматических фактов в процессе их усвоения, являются намеренное варьирование текстового материала и включение в анализируемые примеры единиц, «конкурирующих» в каком-либо отношении, с обязательным их сопоставлением¹⁴. Так, примером варьирования синтаксического материала при изучении пунктуации в сложносочиненных предложениях с соединительными и разделительными союзами (*и*, *или*) может быть включение в иллюстрирующий материал – при введении правил,

¹¹ См. Г.И. Блинов, *Методика изучения пунктуации в школе*, Москва 1990; Г.Г. Граник, *Психологические основы пунктуационных упражнений*, «Вопросы психологии» 1980, № 4, с. 100–111; Л.Т. Григорян, *Обучение пунктуации в средней школе: методическое исследование*, Москва 1982; А.Ф. Ломизов, *Обучение пунктуации в средней школе: проблемы методики*, Москва 1975; А.Ф. Тихонова, *Зависимость...*

¹² См. А.Ф. Тихонова, *Зависимость...*, с. 10.

¹³ Г.Г. Граник, *Психологические...*, с. 103.

¹⁴ Г.И. Блинов, *Методика...*; Л.Т. Григорян, *Обучение...*; О.З. Кантаровская, *Роль вариативности учебного материала в процессе формирования приемов умственной работы*, [в:] *Психологические проблемы построения школьных учебников*, Москва 1979, с. 136–150; А.И. Никеров, *Предупреждение пунктуационных ошибок учащихся*, Москва 1985; А.М. Орлова, *Усвоение...*

а затем и в тренировочные упражнения – конструкций с разными типами предикативных частей (обе части двусоставные; части односоставные и двусоставные; обе части односоставные), а также частей с разными способами выражения главных членов. При изучении той же группы правил продуктивным может стать наблюдение над общими для предикативных частей элементами, употребление которых снимает постановку разделяющей запятой (общий второстепенный член, общая вводная единица, общая придаточная часть, общая вопросительная или восклицательная интонация и т.д.), ср.:

***В минувшую субботу** состоялась долгожданная церемония вручения премии «Золотой орел» и номинанты-победители получили заветные статуэтки.*

***Кстати**, фильм выйдет в прокат в ближайшие выходные и все билеты на премьерные сеансы уже раскуплены.*

***Несмотря на то что бюджет ленты составил десять миллионов долларов**, она получилась блеклой и критики не сулили ей солидных кассовых сборов.*

***Какой** первоклассный фильм снял Кончаловский и **как** блистательно сыграла в нем Юлия Высоцкая!*

Примерами «конкурирующих» элементов, требующих различия в процессе письма, кроме упомянутых ранее, могут быть вводные слова (сочетания слов) и обстоятельственные члены предложения, ср.: *Перестань называть Татьяну Борисовну Татьяной – это, **прежде всего**, невежливо!* (вводное выражение, указывающее на отношения между частями высказывания, синонимичное вводному слову *во-первых*). – ***Прежде всего** нужно проконсультироваться с руководителем практики* (наречное выражение в функции обстоятельства времени, синонимичное выражениям *сначала, в первую очередь*); идиоматические сочетания, образованные на основе деепричастий, и деепричастные обороты, являющиеся свободными сочетаниями слов, ср.: *Что же ты сидишь **сложив руки** и ждешь у моря погоды!* (идеоматический оборот) – *Бабушка, **сложив на груди руки**, с укором смотрела на нашкодившего пса* (обособленное обстоятельство, выраженное деепричастным оборотом в полупредикативной функции); препозитивные и постпозитивные определения, выраженные причастными и адъективными оборотами: *Статья, **опубликованная в «Независимой газете»**, вызвала горячие дискуссии в кругах политической элиты* (обособленное определение в постпозиции к определяемому слову). – ***Опубликованная в «Независимой газете»** статья вызвала горячие дискуссии в кругах политической элиты* (необособленное определение, стоящее в препозиции к определяемому слову); вариации конструкций, в которых авторская речь разрывает прямую: *«Счастлив тот, – замечал Л.Н. Толстой, – кто счастлив у себя дома»* (прямая речь состоит из одного предложения). – *«Важно не количество знаний, а качество их, – утверждал Л.Н. Толстой. – Можно знать очень много, не зная самого нужного»* (прямая речь складывается из двух предложений).

Д.Н. Богоявленский считал, что при работе с вариантами языкового материала – относящимися к разным, но смешиваемым правилам или внутри одного и того же правила – учащиеся, сопоставляя изучаемый материал, могут

осмысливать особенности этих вариантов, приходя к пониманию, что надо делать, чего не надо делать и почему¹⁵.

Суммируя изложенное, важно подчеркнуть, что для преподавателя РКИ, ведущего занятия в студенческих группах филологов, безусловно должны быть одинаково важны как предметная составляющая (в нашем случае информация, связанная с функционированием системы русской пунктуации, процессами кодификации ее норм, разработкой ее теоретических и практических вопросов), так и дидактическая, основанная на понимании научно-методических концепций и владении эффективными приемами обучения. Формирование навыков правописания, так же как и других языковых навыков, должно идти от уяснения нормативных фактов к усвоению алгоритмов правописных действий, а затем к выполнению самих действий. Сложный двусторонний процесс усвоения правила и формирования навыка его применения зависит от множества факторов: наличия и качества практических обобщений у обучающихся, точности формулировки представляемого правила, выделяющей все необходимые и достаточные признаки для выполнения корректного действия, понимания смысла написанного и организации системы упражнений.

Литература

- Блинов Г.И., *Методика изучения пунктуации в школе*, Москва 1990.
- Богоявленский Д.Н., *Психология усвоения орфографии*, Москва 1957.
- Граник Г.Г., *Психологические основы пунктуационных упражнений*, «Вопросы психологии» 1980, № 4, с. 100–111.
- Григорян Л.Т., *Обучение пунктуации в средней школе: методическое исследование*, Москва 1982.
- Кантаровская О.З., *Роль вариативности учебного материала в процессе формирования приемов умственной работы*, [в:] *Психологические проблемы построения школьных учебников*, Москва 1979, с. 136–150.
- Ломизов А.Ф., *Обучение пунктуации в средней школе: проблемы методики*, Москва 1975.
- Национальный корпус русского языка, <http://www.ruscorgpora.ru> [доступ: 2.03.2018].
- Никеров А.И., *Предупреждение пунктуационных ошибок учащихся*, Москва 1985.
- Орлова А.М., *Усвоение синтаксических понятий учащимися*, Москва 1961.
- Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник*, под ред. В.В. Лопатина, Москва 2007, <http://orthographia.ru> [доступ: 2.03.2018].
- Талызина Н.Ф., *Управление процессом усвоения знаний*, Москва 1975.
- Тихонова А.Ф., *Зависимость пунктуационных обобщений от характера умственной деятельности учащихся: автореф. дис. ... канд. пед. наук (по психологии)*, Москва 1961.
- Шардаков М.Н., *Очерки психологии школьника*, Москва 1975.
- Kłakówna Z.A., Wiatr K., Steczko I., *Nowe TO LUBIE! Książka dla nauczycieli i rodziców*, kl. 4, Kraków 2007.

¹⁵ Д.Н. Богоявленский, *Психология усвоения орфографии*, Москва 1957, с. 253.

Роль грамматических знаний и умений в процессе усвоения пунктуации

Резюме

В статье рассматриваются аспекты усвоения синтаксических понятий в процессе обучения пунктуации. Овладение пунктуационными нормами невозможно без знания основ синтаксиса, поскольку расстановка знаков препинания в русском предложении обусловлена преимущественно его структурой. Корректная постановка знаков связывается с применением соответствующих правил, выбор которых зависит от точной квалификации синтаксических явлений, на которые эти правила опираются. Среди факторов, лежащих в основе усвоения синтаксических категорий и формирования правильных пунктуационных обобщений у учащихся, можно выделить факторы осмысливания существенных и несущественных признаков в структуре понятий, осознания содержания одних понятий во взаимосвязи с содержанием других, процессы уяснения соотношений формы и содержания в явлениях языка, а среди наиболее значимых методических приемов – проведение формально-грамматического и смыслового анализа предложений, варьирование текстового материала с целью предупреждения смешения сходных языковых фактов, выработки умения дифференцировать грамматические структуры, обслуживаемые различными, но смешиваемыми правилами, включение в анализируемые примеры единиц, «конкурирующих» в каком-либо отношении, с обязательным их сопоставлением. Теоретические выкладки сопровождаются иллюстрирующими текстовыми примерами, образцами пунктуационного разбора и аналитических упражнений – данный материал уместно использовать на занятиях с целью уточнения знаний морфологической и синтаксической грамматики, при введении пунктуационных норм, анализе трудностей в применении правил пунктуации, в работе по предупреждению типичных ошибок.

Ключевые слова: глоттодидактика, усвоение грамматических понятий, дифференцирование явлений языка, пунктуационные нормы, формирование пунктуационных навыков, внутрипредметные связи

The Role of Grammatical Competence in the Process of the Assimilation of the rules of Punctuation

Abstract

The article discusses the methods by which those studying Russian can develop their skills in analyzing syntactic structures as well as how they can use punctuation marks accurately. This article is based on an as yet unpublished doctoral thesis from 2014 titled “Linguodidactic basis for the formation of punctuation skills among Polish students of Russian Studies”.

Key words: glottodidactics, grammatical competence, assimilation of the punctuation rules, language skills development, formation of spelling skills

Михеева Лариса Анатольевна
доктор филологии, старший преподаватель
кафедры языкознания Института нефилологии
Краковского педагогического университета

Larisa Mikheeva, PhD
Pedagogical University of Cracow
Institute of Modern Languages
e-mail: mikhe_eva@yahoo.com

Paweł Ligęza

Ironia w twórczości poetyckiej

Bułata Okudżawy

Od śmierci Bułata Okudżawy minęło już ponad 20 lat. Legendarny i zarazem kultowy bard zyskał w swoim czasie ogromną popularność i liczne audytorium wielbicieli. Począwszy od lat 60. XX wieku – czasu jego debiutu literacko-pieśniarskiego – aż do współczesności twórczość Okudżawy nieustannie przyciąga uwagę nie tylko w Rosji, ale też w innych krajach. Bułat Okudżawa jest autorem około tysiąca wierszy, z których wiele (ponad 200) zostało skomponowanych przez barda-poetę razem z muzyką. Właśnie ta liryczno-pieśniarska spuścizna uczyniła Okudżawę znany i uwielbianym w ojczyźnie, a także przyniosła popularność za granicą. Do najbardziej rozpoznawalnych i lubianych pieśni należą: *Modlitwa*, *Piosenka o Arbacie*, *Ostatni trolejbus*, *Piosenka o Mozarcie*, *Piosenka o żołnierskich butach*, *Do widzenia chłopcy...*, czy *Pożegnanie z Polską* – dedykowana Agnieszce Osieckiej, podkreślająca nierozzerwalną więź poety z Polską.

Okudżawa bardzo lubił Polskę, była dla niego drugą ojczyzną, tą duchową. Miał tu wielu przyjaciół – wspomnianą poetkę Agnieszkę Osiecką, Jacka Kuronia, Adama Michnika, a także słynnych tłumaczy jego poezji: Andrzeja Mandaliana, Wiktora Woroszyńskiego, Wojciecha Młynarskiego. To w Polsce w 1968 roku ukazał się pierwszy longplay z jego pieśniami. Niesłabnąca popularność poety w nadwiślańskim kraju zaowocowała Międzynarodowym Festiwalem Piosenki Poetyckiej jego imienia, organizowanym cyklicznie od kilku lat, przyciągającym coraz większą liczbę wykonawców jak i odbiorców. Na uwagę zasługuje fakt, że obecnie w samej tylko „Gazecie Wyborczej” znaleźć można setki artykułów i notatek, w których pojawiły się wzmianki o Bułacie Okudżawie.

Szerokiej publiczności poeta znany jest przede wszystkim jako liryk pokolenia odwilżowego. Jego poezja jest delikatna, wrażliwa, ujmująca i jakby nieco naiwna:

Но в том-то и дело, что романтизм начинается с лирического героя, резко противопоставленного толпе, с героического одиночки, чья гибель предreshена. А герой Окуджавы если и гибнет – то никак не победителем, как бумажный солдат; если и идет на войну – то сам смеется над собственной жалкой неловкостью; если и влюбляется – то ни на секунду не перестает быть московским муравьем, одним из множества. Эта подчеркнутая будничность, размытость лирического „я” – принципиально неромантическая позиция Окуджавы, которому прокламированный,

громкий, байронического толка романтизм казался дурновкусием, эгоцентризмом, чем-то, что следовало преодолеть¹.

W tej koncentracji na ogólnoludzkich ponadczasowych wartościach kryje się być może fenomen ogromnej popularności poety, którego głos twórczy tak przenikliwie zabrzmiał na przekór dominującemu w radzieckiej literaturze socrealizmowi i upowszechnieniu kultury masowej. Według radzieckiego poety Dawida Samojłowa, bliskiego przyjaciela barda, Okudżawa wyróżniał się wśród wielkiego pokolenia poetów „szestidiesiatników” właśnie swoim liryzmem:

Окуджава – случай особый: каждый чувствует его личной собственностью. С помощью сложных, сугубо индивидуальных приемов, которых мы попытались коснуться в этой книге, он создавал рамочные конструкции, в которые слушатель может поместить себя и свою судьбу – так сказать, пропитать его стихи, песни и даже прозу личными биографическими обстоятельствами. Каждый был уверен, что Окуджава поет лично для него и о нем².

Dominacja u Okudżawy tej szczerej intymności pozwoliła Samojłowowi stwierdzić nie tylko oczekiwane: „Окуджава всегда писал «сердечно»...”³; ale i paradoksalne: „Мы классицисты, а Окуджава сентименталист”⁴.

Tymczasem sam Okudżawa niejednokrotnie dawał świadectwa, mówiące o możliwości innego traktowania jego wierszy. Najdobitniej ta deklaracja była sformułowana przez poetę w czterowierszu:

Я выдумал музу Иронии
для этой суровой земли.
Я дал ей владенья огромные:
пари, усмехайся, шали⁵.

Innym potwierdzeniem zdystansowanego i szyderczego stosunku Okudżawy do rzeczywistości mogą być słowa wypowiedziane przez niego na polskiej ziemi. W tekście zamieszczonym na odwrocie płyty długogrającej Agnieszka Osiecka cytuje istotne w naszych rozważaniach słowa rosyjskiego artysty: „Moim ulubionym poetą jest Julian Tuwim. Czytając go odnoszę wrażenie, że gdyby on nie napisał pewnych wierszy – ja musiałbym je napisać. Tuwim mówi o świecie tak, jak ja mówię – ze smutkiem i ironią”⁶.

Ironiczny ton w poezji Okudżawy nie został pominięty także przez badaczy jego twórczości. Otóż biograf poety, Dmitrij Bykow – znany współczesny rosyjski pisarz, poeta, krytyk literacki i publicysta – w obszernej monografii, poświęconej

¹ Д. Быков, *Булат Окуджава*, Молодая гвардия, Москва 2009, s. 6.

² Tamże.

³ Tamże, s. 20.

⁴ Tamże, s. 19.

⁵ Б. Окуджава, *Я выдумал музу иронии*, <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=42222> [dostęp: 7.03.2018].

⁶ B. Okudżawa, *Ballady Булата Окуджавы*, Polskie Nagrania „Muza”, 1968, SXL 0482.

twórczości moskiewskiego barda, podkreśla dystans Okudżawy do swojej osoby, wyjaśniając skąd w jego utworach wzięła się ironia, a nawet autoironia:

Окуджава ощущал себя аристократом, вынужденным вести жизнь разночинца, и ему приходилось заставлять себя систематически, целенаправленно снижать собственный авторский образ в автобиографической прозе или в военной лирике. На одном из выступлений он признавался даже, что мать не одобряет его автобиографических рассказов, в которых он вечно выглядит растяпой: «Но все равно, надо, надо. Нужна ирония»⁷.

Rzecz jasna, „muzy Ironii” nie wymyślił Okudżawa. Tradycja ironicznego przedstawiania otaczającego świata, podobnie jak teoretyczna interpretacja samego sedna ironii i mechanizmu jej funkcjonowania, odwołuje się do zamierzchłych czasów. Przy tym trzeba nadmienić, że współczesne interpretacje ironii i jej sensu niewiele różnią się od tych klasycznych.

Na przykład francuski antropolog kultury Dan Sperber i brytyjska badaczka Deirdre Wilson zaznaczają, że tradycyjna nauka retoryki, której początki sięgają początków naszej ery, wskazuje, iż ironia charakteryzuje się użyciem wyrazów w odwrotnym znaczeniu, niż to jest powszechnie przyjęte⁸, stąd „wypowiedź ironiczną tradycyjnie analizuje się jako figuratywnie znaczącą, przeciwieństwo tego, co mówi dosłownie”⁹. Wtórzy im amerykański krytyk literacki Clint Brooks znany również ze swoich teorii rozumienia ironii, którą nazywa „oczywistym wypaczeniem sensu jakiejś wypowiedzi przez kontekst”¹⁰.

Przyjmując tę klasyczną interpretację podkreślamy podstawową charakterystyczną cechę ironii konieczną do objaśnienia jej specyfiki w wierszach Okudżawy. Piotr Łaguna, tragicznie zmarły młody polski polonista, zauważa, iż osoba ironizująca ma poczucie pewnej wyższości oraz solidarności intelektualnej z tymi, którzy potrafią dotrzeć do sedna zręcznie zakamuflowanych refleksji¹¹. Jeśli przyjęcie takiego warunku uznamy za obowiązkowe w realizacji ironii, to nie bez podstaw możemy uznać, że Okudżawa odbierał otaczający go świat z pozycji delikatnego i nostalgicznego szyderycy. Co więcej, można by zaryzykować nawet stwierdzenie, że przyjmując ironiczne spojrzenie na rzeczywistość Okudżawa jak gdyby wyprzedzał myśl znakomitego rosyjskiego satyryka Michaiła Żwanieckiego: „Ирония спасет вас. Вас спасет юмор”¹².

⁷ Zob.: Д. Быков, *Булат Окуджава...*, s. 303.

⁸ Zob.: D. Sperber, D. Wilson, *Relevance Communication and Cognition*, 1986 Oxford – *Ironia a rozróżnienie między użyciem i przywołaniem*, „Pamiętnik Literacki” 1986, nr LXXVII, z. 1, s. 268.

⁹ Tamże, s. 265.

¹⁰ C. Brooks, *Ironia jako zasada struktury poetyckiej*, przeł. E. Sowa, [w:] *Współczesna teoria badań literackich za granicą*, red. H. Markiewicz, Wydawnictwo Literackie, Kraków 1976, t. 1, s. 264.

¹¹ Zob.: P. Łaguna, *Ironia jako postawa i jako wyraz*, Kraków–Wrocław 1984, s. 22.

¹² М. Жванецкий, *Второе внезапное обращение к детям*, http://www.jvanetsky.ru/data/text/t9/vtoroe_obrashenie_k_detem [dostęp: 17.03.2018].

Znaczyłoby to, że ironia i humor mogły być dla Okudźawy swoistym wybawieniem od codzienności, specyficznym sposobem wyjścia z kłopotów, a także środkiem umożliwiającym uniknięcie odpowiedzialności za swoje słowa. Sięgając zatem po ironię, zawierającą w rzeczywistości rodzaj wartościowania pejoratywnego, pisarz otrzymuje nietypowe narzędzie do ośmieszania, obrażania czy też lekceważenia, gdzie pewne wartości i przeżycia „zostają całkowicie odwrócone z celowym zamiarem ich wykpienia”¹³.

Przyjrzyjmy się więc nieco bliżej tej specyficznej ironii Okudźawy. Warto nadmienić, że przybiera ona różne postacie. Z pewnością w jego twórczości dostrzec można zwykłą ironię społeczną, krytykującą pod płaszczykiem pochwały otaczającą go rzeczywistość. Nieobca jest też w jego poezji ironia polityczna, wymierzona przeciwko porządkom komunistycznym, jak również autoironia kierowana przeciwko samemu sobie.

Jak wiadomo, Okudźawa był poetą, który nigdy nie czuł się rewolucjonistą, dystrydentem ani opozycjonistą. Zajmował się literaturą i pisał tak, jak dyktowało mu serce, „bez szkliwa”¹⁴. Jako wytrawny pisarz starał się swoje myśli, a także wyniki obserwacji i rozmyślań dyskretnie przemycać. Sprytnie ukrywał je pod woalem metafor, historii, humoru i ironii, tworząc w ten sposób poezję refleksyjną, smutną, nastrojową i melancholijną, zawierającą przemyślenia dotyczące ludzkiego losu. Znany historyk literatury Jadwiga Szymak-Reiferowa zauważa, że „wiedza Okudźawy o sytuacji człowieka jest głęboka i gorzka. Pragnie on jednak «w goryczy znaleźć sens», a ironią i sceptycyzmem bronić się przed cierpieniem”¹⁵.

A zatem wiersze Okudźawy nierzadko są dwuznaczne, posiadają jak gdyby drugie dno, gdzie pod warstwą prostej i humorystycznej fabuły kryją się głębsze treści, jak chociażby w utworze *Мастер Гриша*. Przykładowo zacytujemy kilka jego wersów:

...в нашем доме –
 благодать, благодать...
 Все обиды до времени прячем,
 ничего, что удачи пока не видать,
 Мастер Гриша придет, рядом сядет –
 две больших, две надежных руки у него –
 все наладит¹⁶.

To bardzo znana¹⁷ i prosta piosenka Okudźawy. W „naszym domu” nic ciekawego się nie dzieje, słychać swobodne rozmowy, trafi się niewinna niesnaska, jedynie wiatr łamie niestabilny dach. Ale to nie problem. Wszyscy liczą na to, że jakoś to będzie, przyjdzie fachowiec i coś z tym zrobi. Niemniej pod pozorem spokojnego i beztroskiego życia można doszukać się głębszego przesłania. Okudźawa niejako

¹³ A. Chojnacki, *Poetyka*, Warszawa 1978, s. 130.

¹⁴ Zob.: E. Pawlak, *Okudźawa: wyrazić bliskie i dalekie*, „Nurt” 1977, nr 2, s. 28.

¹⁵ J. Szymak-Reiferowa, *Postłowie*, [w:] B. Okudźawa, *Zamek nadziei*, wyb. A. Sarachanova, Kraków–Wrocław 1984, s. 276.

¹⁶ B. Okudźawa, *Pieśni, ballady, wiersze*, Kraków 1999, s. 110.

¹⁷ W polskiej wersji językowej szczególnie znana w wykonaniu Stanisławy Celińskiej.

przekornie mówi: w naszym domu wszystko jest w porządku – a potrzebny byłby jakiś remont. Dlaczego jednak nikt z mieszkańców nie bierze się do pracy i nie remontuje domu? Wszyscy czekają na majstra, na kogoś, kto wyjąłby ręce z kieszeni i zaczął walczyć o porządek i stabilizację. Stąd aluzja: „Ну-ка, вынь из карманов свои кулаки, мастер Гриша”¹⁸. Jak zauważa Edward Pawlak, ironia Okudżawy wymierzona jest przeciw głupcom, którzy z założonymi rękami czekają na nadejście „mistrza Griszy”, mającego załatać dziurawy dach. Według krytyka ma to związek z walką o „czyste niebo” i o szlachetny charakter związków międzyludzkich¹⁹. Aczkolwiek to tylko jedna – powierzchowna warstwa ironii Okudżawy.

Do opisanie drugiej – bardziej zakonspirowanej – warstwy ironii autorskiej, a jednocześnie do zademonstrowania ironiczności wielopłaszczyznowej, jako specyficznej cechy poezji Okudżawy, posłużymy się terminem z pracy wspomnianych już Sperbera i Wilson, a mianowicie „przywołanie echem”:

Nadawca za pomocą doboru słów, tonu (niedowierającego, pytającego, lekceważącego, pogardliwego, wyrażającego aprobatę, itd.) sygnalizuje swój stosunek do przywołanego zdania; pewną rolę gra tu też kontekst bezpośredni wypowiedzi. Nadawca może zwłaszcza przywołać echem jakąś uwagę w taki sposób, by dać do zrozumienia, że uznaje ją za niezgodną z prawdą, niewłaściwą czy nieistotną²⁰.

Okudżawa przywołuje rzeczywistość ZSRR. Obiektem ironii są tu przywódcy państwowi, politycy, wysoko postawieni urzędnicy, a także ci, którzy dają im posłuch i podporządkowują się zwierzchnikom. Jednakże Okudżawa nie krytykuje ich wprost. Nikogo też nie obraża, a wręcz współczuje społeczeństwu, mając świadomość, że padło ofiarą manipulacji ideologicznej.

Dmitrij Bykow, łącząc dwie przedstawione interpretacje – społeczną i upolitycznioną – dostrzega w wierszu Okudżawy jeszcze i nuty buntownicze:

Образ грозного раздолбая, от которого все зависят; противопоставить его власти нечего, обустроить собственный дом интеллигенция неспособна. Проблема в том, что, когда мастер Гриша наконец вынет из карманов свои кулаки, – мало никому не покажется; шанс, что он начнет заниматься чем-нибудь созидательным, – ничтожен²¹.

Zastosowana przez Okudżawę ironia bez względu na to, jak ją sobie czytelnik wyobrazi – z podwójnym, czy z potrójnym dnem – w stosunku do polskiej rzeczywistości ma jeszcze jedną interpretację. Utwór *Мастер Гриша* napisany pod koniec 1960 roku²² Okudżawa poświęcił osiem lat później swoim polskim przyjaciołom, opozycyjnym działaczom Karolowi Modzelewskiemu, Jackowi Kuroniowi i Adamowi Michnikowi. Kiedy ich zamykano do więzień, uwielbiany w Polsce bard

¹⁸ B. Okudżawa, *Pieśni, ballady, wiersze...*

¹⁹ Zob.: E. Pawlak, *Okudżawa...*, s. 28, 29.

²⁰ D. Sperber, D. Wilson, *Relevance...*, s. 277.

²¹ В. Фрумкин, *Портрет на фоне эпохи: Булат Окуджава в толковании Дмитрия Быкова*, <http://berkovich-zametki.com/2009/Zametki/Nomer12/Frumkin1.php> [dostęp: 20.03.2018].

²² Zob.: А.Е. Крылов, *О датировке песни Окуджавы «Мастер Гриша»*, <https://ae-krylov.livejournal.com/69577.html> [dostęp: 31.03.2018].

solidaryzował się z nimi. Tekst *Majster Grisza* opozycjoniści przerobili na *Majster Bułat* – wspominała na łamach „Gazety Wyborczej” wdowa po Bułacie Okudźawie, Olga Arcymowicz-Okudźawa²³.

Od wdowy po Okudźawie dowiadujemy się o istnieniu w tym wierszu jeszcze jednego – osobistego dla autora – podtekstu. Wyjaśniając skąd wzięła się postać majstra Griszy, Olga Arcymowicz-Okudźawa wiąże ją z epizodem opowiedzianym sześćioletniemu Bułatowi przez matkę Aszchen:

[...] в арбатской квартире засорился водопровод, и Ашхен отправилась на поиски слесаря. Слесарь, Василий Сочилин, жил в двухэтажном флигеле, во дворе, в полу-подвале, в крошечной комнатухе, пропахшей гнилью и кислотой. Добудиться его так и не удалось – он спал тяжелым пьяным сном; рядом возились его дети²⁴.

Jak widzimy, prosta wydawałoby się pieśń *Мастер Груша* przy głębszej analizie jest nasycona wielowarstwową ironią.

Rozmowa z czytelnikiem z ironicznym uśmiechem na ustach dotykała w twórczości Okudźawy również i takiej, nie nadającej się dla żartu i wycierpianej przez samego poetę problematyki, jak wojna. Jak wiadomo, Okudźawa nie ze słyszenia wiedział, co to wojna. Jako nastoletni chłopiec dobrowolnie zgłosił się do armii. Wysłano go na front północnokaukaski. Po trzech miesiącach został ranny, a po wyjściu ze szpitala w walkach więcej już nie uczestniczył. W jednym z udzielonych wywiadów na pytanie, czy wojna wywarła na nie go wpływ – odpowiedział:

Оказала, конечно. Я был слишком юный, мне было 18 лет, я был очень романтичный. Пошел воевать, побеждать. Но это все через две недели рассеялось, я увидел грязную, страшную работу, кровь. С тех пор я вообще возненавидел войну. Война есть бойня. И когда называют эту войну великой, я протестую, потому что бойня великой быть не может. Может быть великим народ, его победы, его страдания, но война не может быть великой, война – это страшно²⁵.

Tragizm tematu „człowiek i wojna” Okudźawa potrafił wyrazić w takich wspańiałych pieśniach i wierszach, jak: *До свидания, мальчики; Бери шинель; Первый день на передовой; Сто раз закат краснел...; Не вели, старшина, чтоб была тишина*.

Pieśń, o której będzie mowa niżej, ma zupełnie inny charakter. Osobiście jak przez mgłę pamiętam – było to rok, może dwa po wprowadzeniu stanu wojennego w Polsce – szkolną akademię, na której starsi koledzy zaśpiewali po polsku skoczną, wesołą piosenkę z powtarzającym się refrenem „jak dobrze, jak miło, jak łatwo być żołnierzem”. Z perspektywy siedmioletniego wówczas chłopca odbierałem ją jako zachętę pójścia do wojska. Po latach okazało się, że to piosenka Bułata Okudźawy zatytułowana *Песенка веселого солдата*.

²³ Ł. Woronyna, *Wdowa po Okudźawie: Nie każdy poeta miał taki fart*, wyborcza.pl/magazyn/1,124059,16452003,Wdowa_po_Okudźawie_Nie_kazdy_poeta_mial_taki_fart.html [dostęp: 20.03.2018].

²⁴ В. Фрумкин, *Портрет...*

²⁵ Л. Мокеева-Гайст, *Булат Окуджава: Я выполнил свое предназначение*, „Труд” 2005, nr 82.

Utwór powstał w latach 1960–1961, czyli w połowie okresu odwilży chruszczowskiej. A zatem można przypuszczać, że odbiór przedstawionego tu wesołego żołnierza nie miał związku z żołnierzem rosyjskim – pamięć o wojnie była zbyt żywa. Na pierwszy rzut oka Okudźawa kierował się tu motywacją antywojenną.

Taką interpretację wzmacnia inny wariant tytułu utworu – *Песенка американского солдата*. O okolicznościach narodzenia się tego tytułu wiadomo ze wspomnień tłumaczki Ireny Lewandowskiej. Pewnego razu, na jakimś koncercie publiczność chciała usłyszeć „Jak dobrze być żołnierzem”. Bułat zawahał się, a wtedy znany poeta Jewgienij Jewtuszenko zawołał: „Bułat, no dawaj tę piosenkę amerykańskiego żołnierza”. I tak już zostało, że jest to piosenka amerykańskiego żołnierza, że to amerykański żołnierz śpiewa²⁶:

Возьму шинель и вещмешок, и каску,
в защитную окрашенную краску, –
ударю в шаг по улочкам горбатым –
как просто стать солдатом, солдатом.

Забуду все домашние заботы, –
не надо ни зарплат, ни работы;
иду себе, играю автоматом –
как просто быть солдатом, солдатом.

А если что не так – не наше дело. –
Как говорится – родина велела.
Как славно быть ни в чем не виноватым
совсем простым солдатом, солдатом²⁷.

Jeśli w odczuciu Okudźawy, który doświadczył żołnierskich przeżyć, wojna była straszna, to czy mógł napisać o niej pieśń pochwalną, przedstawiając ją jako wesołą zabawę? Mamy zatem przed sobą ironię, ale co ona powinna była ukryć?

Już sam pierwotny tytuł omawianego utworu uzmysławia, że poeta posługuje się tu przewrotnością. Koreluje to poniekąd ze znaną z Kabaretu Starszych Panów piosenką *Wesołe jest życie staruszka* wykonywaną przez Wiesława Michnikowskiego.

Co jednak trzeba było ukrywać i przed kim? Tematyka antywojenna była w ZSRR honorowana. A zatem jej obecność w tekście literackim nie wywołałaby ingerencji ze strony cenzury.

Podobnie jak w przypadku *Majstra Griszy* i w tym wierszu Okudźawy za pierwszą warstwą ironii ukryte są inne, niewidoczne gołym okiem. „Просто быть солдатом”, „забуду все домашние заботы”, „не надо ни зарплат, ни работы”, „иду себе, играю автоматом”, „если что не так – не наше дело”, „как славно быть ни в чем не виноватым” – każda zwrotka stanowi tu odrębny obraz, a wszystko zamykają dwa sarkastyczne wersy, będące najoczywistszym rodzajem ironii²⁸. Poeta pod pozorem niewinnej zabawy daje wyraz uczuciom związanym z prawdziwym

²⁶ Zob.: A. Moratyn, *Bułat Okudźawa*, „Viva” 1997, nr 16, s. 35.

²⁷ B. Okudźawa, *Pieśni, ballady, wiersze...*, s. 106.

²⁸ Zob.: C. Brooks, *Ironia...*, s. 264.

wymarszem na wojnę. Żołnierz stwierdza, że nic go nie obchodzi, jeżeli coś będzie nie tak, to nie jego sprawa, najlepiej i najłatwiej wszystko „zwalić na ojczyznę”. Słowo ojczyzna (родина) brzmi tutaj nader ironicznie. Ojczyzna w tym kontekście daleko odbiega od ideału. Tytułowego amerykańskiego żołnierza trzeba również traktować z przymrużeniem oka, bo to nie o niego przecież tutaj chodzi...

Dmitrij Bykow w związku z tym zauważa, że w *Песенке веселого солдата*:

Из-за самых обыкновенных слов встают вдруг трагический образ Венгерской революции, подавленной советскими танками, забастовка в Новочеркасске, и мысли невольно обращаются к будущему: а что если?²⁹.

W jednym z późniejszych swoich wywiadów sam Okudźawa mówił o politycznym, a nie antywojennym przesłaniu tego wiersza:

У меня была песенка *Про веселого солдата*. Но исполнять ее было нельзя, пока я не переименовал „веселого” солдата в „американского”. Но смысл песни всем был понятен, поскольку там использованы именно русские детали. А однажды меня вызвали в горком партии и сказали: „У вас там есть одна военная песня, вы ее не пойте”. А эта песня называлась *Песня о Леньке Королеве*. Я говорю: „А почему не петь?” – „А потому, что вы пишете, что некому оплакать его жизнь”. Ну, я говорю, он был молодой, и у него не было жены. Они говорят: „Да, но остались другие, комсомол!” Через три года я написал песню *Про дураков. Песня о дураках* – это ваша?” Я говорю: „Да”. – „А кто такие дураки?” Ну, я говорю, дураки – это дураки. „Вы эту песню не пойте, у вас же есть замечательная песня про Леньку Королева”. (Смеется грустно)³⁰.

Mamy tu zatem do czynienia z posługiwaniem się drwiną³¹ przejawiającą się w formie wyrażen pochwalnych, implikujących jednakże osąd negatywny³².

Inny rodzaj ironii w twórczości Okudźawy może zilustrować *Молитва Франсуа Вийона* znana powszechnie jako *Молитва*. Przyjrzyjmy się bliżej temu utworowi, gdyż jest to chyba najbardziej znana i najczęściej śpiewana pieśń Okudźawy³³. W Polsce cieszyła się i cieszy nadal ogromną popularnością:

²⁹ Д. Быков, *Булат Окуджава...*, s. 629.

³⁰ Л. Мокеева-Гайст, *Булат Окуджава...*

³¹ Przy okazji zauważamy, że nawiązując do tematów wojennych Okudźawa używa również innej – miękkiej – odmiany ironii, pozbawionej jakiegokolwiek podtekstu. Ze względu na ową jednowymiarowość przykłady takiej ironii nie będą tu szczegółowo omawiane, ograniczymy się jedynie do niesolidności zdrobniałych i pieszczotliwych tytułów, nadanych przez autora głębokim i przenikliwym utworom o tematyce wojennej. Wystarczy wspomnieć o takich wierszach, jak *Песенка о пехоте* i *Песенка о солдатских сапогах*.

³² Zob.: M. Głowiński, *Ironia*, Gdańsk 2002, s. 168.

³³ O powszechniej znajomości utworu w naszych dniach świadczy chociażby fakt, że na II Międzynarodowym Festiwalu im. Bułata Okudźawy, który odbył się w Krakowie 22–24 maja 2003 r., *Молитва* rozbrzmiewała trzykrotnie – po rosyjsku, po angielsku i po polsku (zob.: M. Misiorny, *Dopóki Ziemia kręci się*, „Tele Tydzień” 2003, nr 23, s. 13).

Bez wątpienia jest ona rzeczą najbardziej poruszającą „struny naszych (Polaków) dusz”, zwłaszcza w przekładzie Andrzeja Mandaliana i interpretacji Gustawa Lutkiewicza³⁴.

Modlitwę można było usłyszeć w najróżniejszych wykonaniach. Śpiewana była w klubach studenckich i na trasach rajdów. Było w niej coś, co łączyło ludzi różnych pokoleń, różnych upodobań i temperamentów, jednym słowem – była ona rzeczywiście modlitwą tamtych czasów³⁵.

Interesująca i poniekąd zagadkowa jest już sama historia powstania pieśni. W wywiadzie udzielonym w 1985 roku gazecie „Московские новости” Okudźawa powiedział, że pisał *Modlitwę* prawie 10 lat. Jak sam przyznał, jedną linijkę rocznie³⁶. Twierdził również, że stworzył tekst o sobie i o swoim życiu³⁷. Zgodnie z tą wersją, praca była zakończona, kiedy Okudźawa miał około 40 lat. W tym czasie często wspominał o śmierci, i o tym, że być może nie zostało mu już wiele lat życia³⁸. Natomiast w innym wywiadzie opowiedział, że utwór powstał w 1964 roku w Leningradzie, a impulsem do jego napisania była ciężka choroba ubóstwianej żony Ołgi³⁹. Dlatego być może pojawił się ów przepiękny zwrot: „Господи, мой Боже, зеленоглазый мой!”⁴⁰.

Przywołanie w tytule nazwiska François Villona (1431–1463), francuskiego poety, doprowadziło do tego, że początkowo tekst Okudźawy był postrzegany jak tłumaczenie.

Próby odszukania oryginału z góry skazane były na niepowodzenie: wystarczyło zwrócić uwagę na to że pieśń zaczyna się od słów „Пока Земля еще вертится...”, co w czasach Villona nie było jeszcze rzeczą oczywistą.

Zresztą potem i sam Okudźawa twierdził, że utwór absolutnie nie ma żadnego związku z Villonem, a tytuł zmienił po to, aby zamaskować religijny charakter wiersza: „Никакого отношения к Франсуа Вийону эта песня не имеет. Я написал стихи о себе, о своей жизни. Но в редакции не захотели это так печатать, и я назвал их *Молитва Франсуа Вийона*”⁴¹. Natomiast polski poeta i tłumacz literatury rosyjskiej Jerzy Czech pisze: „Autor zatytułował ją wówczas (modlitwę) François Villon, aby, według jego późniejszych słów, nie zgorszyć jakiegoś faryzeusza”⁴².

³⁴ Okudźawa bardzo cenił polskie wykonanie *Modlitwy* przez Gustawa Lutkiewicza. Znany aktor, Piotr Machalica wspomniał, iż Bułat po usłyszeniu *Modlitwy* w interpretacji Lutkiewicza, miał powiedzieć, że o ile on sam śpiewa ten utwór, to Gustaw się naprawdę nim modli. Zob.: J. Wakar, *Lutkiewicz nawet źle napisane role zamieniał w perełki*, <https://www.polskieradio.pl/8/5661/Artykul/1731788,Lutkiewicz-nawet-zle-napisane-role-zamienial-w-perelki> [dostęp: 23.03.2018].

³⁵ J. Czech, *Starszy pan z Gitarą*, „Radar” 1987, nr 22, s. 21.

³⁶ Zob.: Д. Быков, *Булат Окуджава...*

³⁷ Por.: И. Саютина, *Удивительная история песни „Молитва” Булата Окуджавы*, <https://verblan.livejournal.com/1482.html> [dostęp: 23.03.2018].

³⁸ Д. Быков, *Булат Окуджава...*, s. 442.

³⁹ Tamże, s. 441.

⁴⁰ Zob.: B. Okudźawa, *Pieśni, ballady, wiersze...*, s. 164.

⁴¹ Zob.: И. Саютина, *Удивительная...*

⁴² J. Czech, *Starszy...*, s. 21.

Jednakowoż Okudżawa z jakiegoś powodu zasłonił się właśnie francuskim poetą, który za życia, jak wiadomo, miał reputację zawodowego przestępcy, złodzieja, oszusta i fałszerza pieniędzy. Uwzględnienie oczywistego czynnika – tego, że Villon „почитается первым народным певцом”⁴³ – to za mało, aby wyjaśnić okoliczności, dlaczego twórczość człowieka znanego z awanturniczego usposobienia staje się inspiracją *Modlitwy* Bułata Okudżawy. Dlaczego zwrot do Boga (chyba jedyny w swojej twórczości) wznosi Okudżawa jak gdyby w imieniu trzeciej osoby, François Villona, którego pobożność, jak widać, była wątpliwa?

Wybór Okudżawy po części mógł być związany z tym, że moskiewski bard uważał Villona za jednego ze swoich ulubionych poetów, po części zaś pewną rolę odegrać tu mogła rozpoznawalność Villona w środowisku rosyjskich czytelników. Swoją popularność poezja Villona w czasie odwilży zawdzięcza przekładom rosyjskiego pisarza, publicysty i poety Ilii Erenburga:

В 1957 году его переводы стихотворений французского поэта напечатал журнал «Иностранная литература» (№ 1), потом Эренбург вспоминал о Вийоне и цитировал фрагменты его произведений в своих знаменитых мемуарах *Люди, годы, жизнь*, печатавшихся в начале 60-х гг. в «Новом мире»⁴⁴.

Wydaje się ponadto, że wśród czynników, wyjaśniających motyw przywołania nazwiska francuskiego poety, powinien znaleźć się jeszcze jeden, a mianowicie zbieżność stylistyki *Modlitwy* z artystyczną manierą twórczości Villona.

Villon, znany przede wszystkim jako poeta-ironista, nie tylko „często rozprawał się ironicznymi ze swoimi wrogami”⁴⁵, ale i nadawał ironiczny charakter takim swoim lirycznym utworom jak *Testamenty*, *Modlitwa*, *Matka Boska*.

Profesor Uniwersytetu Minnesoty Eugene Shragowitz porównując w swojej monografii styl obu artystów stwierdził, że Okudżawa wykorzystał w swojej *Modlitwie* metodę Villona – „так что легко не заметить иронического характера стихотворения”⁴⁶.

Ironiczna nuta *Modlitwy* przejawia się przy próbie połączenia próśb do Boga z ogólną myślą filozoficzną:

Мелочи вроде „коня” в *Молитве* перемежаются просьбами вполне фундаментального и экзистенциального характера: автор молится и за благотворителя, и за Каина ... Трудно поверить, что смысловая разногласица здесь не намеренная: именно она придает всем просьбам чуть ли не шуточный характер⁴⁷.

⁴³ To słowa samego A. Puszkina, któremu nie przeszkadzała okoliczność, że Villon „...воспевал в площадных куплетах кабаки и виселицу” (zob.: В. Распопин, *Эпоха Ренессанса. Франция. Французское Возрождение и Франсуа Вийон*, <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/raspopin/renessans-franciya/fransua-vijon.htm> [dostęp: 21.07.2018]).

⁴⁴ Г.К. Косиков, *О литературной судьбе Вийона*, [w:] Ф. Вийон, *Стихи: Сборник*, Радуга, Москва 1984, s. 319.

⁴⁵ *Mały słownik pisarzy francuskich, belgijskich i prowansalskich*, Wiedza Powszechna, Warszawa 1965, s. 254.

⁴⁶ Е. Шраговиц, *Загадки творчества Булата Окуджавы: глазами внимательного читателя*, <https://profilib.net/chtenie/80231/evgeniy-shragovits-zagadki-tvorchestva-bulata-okudzhavy-glazami-vnimatel'nogo-chitatel'ya-15.php> [dostęp: 24.07.2018].

⁴⁷ Zob.: tamże.

Uwagę badacza powinno przykuć zastosowanie w *Modlitwie* oksymoronu i antyfrazy – środków stylistycznych maskujących prawdziwy sens wypowiedzi. Ich użyciu, jak wiadomo, towarzyszy ton ironiczny. Szczególnie uwidacznia się on w prośbach o mądrego, tchórzliwego, szczęśliwego i innych: „мудрому дай голову” (mądry i tak ją ma), „трусливому дай коня” (autor nie prosi o odwagę, ale o konia, który będzie potrzebny podczas szybkiej ucieczki), „дай счастливому денег” (życzenie mija się z treścią rosyjskiego przysłowia „Деньги счастья не приносят”), „дай рвущемуся к власти навластвовать всласть” (nierozsądne, śmiałe i niebezpieczne w skutkach życzenie – szczególnie z uwzględnieniem czasu, kiedy ten wers był napisany)... Według może zbyt daleko idącej interpretacji Shragowitza, Okudżawa przez nieco poufałe zwracanie się do Boga jak gdyby zestawia treść wiersza z drugą częścią znanego komunistycznego hasła: „каждому – по потребностям”⁴⁸. Czyż to nie ironia?

Ogólnie rzecz ujmując, ukryty ton ironii kamufluje myśl, którą D. Bykow wyraził w następujący sposób: „Главный пафос Окуджавы – вионовский: Господи, верни этому миру порядок!”⁴⁹. Okudżawie, podobnie jak Villonowi brakuje pokoju, sprawiedliwości, nadziei, wiary i miłości. Swe pragnienia moskiewski bard skrzętnie ukrył w strofach pobożnej modlitwy pod płaszczykiem delikatnej ironii.

Wydaje się zatem, iż Bułat Okudżawa w tym wierszu występuje jako opisany przez R. Rorty’ego ironista skłonny do filozofowania. Znany polski filozof Andrzej Szahaj zauważa:

Rortiański ironista nie jest prześmiewcą czy szydercą, ironią nie chce nikogo ranić czy obrażać, nie prowadzi go też ona do cynizmu. Przeciwnie – można wręcz mówić o „powadze ironii” i o niechęci, jaką żywi Rorty do ranienia innych przez ironię. Ironia nie jest dlań sposobem obrony przed światem, lecz drogą do rozwinięcia wrażliwości etycznej. Służy jedynie obronie przed pułapką dogmatyzmu; zabezpiecza przed całkowitym uwiedzeniem przez jakiś słownik. W ten sposób broni przed fundamentalizmem Wiedzy i Wiary i sprzyja gotowości do podjęcia ponownej próby autoidentyfikacji przez dialog z innymi, konfrontację własnego słownika z innymi słownikami. Ostatecznym celem ironisty jest wciąż ponawiana próba autokreacji, dokonująca się na podstawie swobodnie wybranych wartości, o których się wie, że nie są absolutne⁵⁰.

Na podstawie powyższej analizy wybranych trzech pieśni Bułata Okudżawy można twierdzić, że fenomen moskiewskiego barda zdaje się polegać na mistrzowskim, kompleksowym zastosowaniu ironii pośredniej i wyrafinowanej. Mechanizm osiągania ironii we wszystkich trzech przypadkach jest bardzo podobny. Mamy tu do czynienia z jednolitością przejawów w tekście co najmniej dwóch z trzech jej odmian – ironią antyustrojowo-polityczną, społeczną i posiadającą charakter osobisty. Stosowane przez poetę kamuflaże wydają się na pierwszy rzut oka łatwe do rozszyfrowania, a w rzeczywistości charakteryzują się wielką złożonością i aluzyjnością. I chociaż nieobcy jest poecie gorzki sarkazm, najczęściej w jego utworach przejawia

⁴⁸ Zob.: tamże.

⁴⁹ Д. Быков, *Булат Окуджавы...*, s. 448.

⁵⁰ A. Szahaj, *Ironia i miłość. Neopragmatyzm Richarda Rorty’ego w kontekście sporu o postmodernizm*, Wrocław 1996, s. 88.

się jednak ironiczny uśmieszek mądrego, wszystko rozumiejącego człowieka, którego D. Bykow trafnie nazwał

„Веселый барабанщик“ нынешней России, несущий в себе именно те человеческие ценности, без которых задыхается страна и народ⁵¹.

Literatura

Brooks C., *Ironia jako zasada struktury poetyckiej*, przeł. E. Sowa, [w:] *Współczesna teoria badań literackich za granicą*, red. H. Markiewicz, Wydawnictwo Literackie, Kraków 1976, t. 1, s. 264–276.

Chojnacki A., *Poetyka*, PWN, Warszawa 1978.

Czech J., *Starszy pan z Gitarą*, „Radar” 1987, nr 22, s. 21–22.

Głowiński M., *Ironia*, Słowo/obraz terytoria, Gdańsk 2002.

Łaguna P., *Ironia jako postawa i jako wyraz*, Wydawnictwo Literackie, Kraków–Wrocław 1984.

Mały słownik pisarzy francuskich, belgijskich i prowansalskich, Wiedza Powszechna, Warszawa 1965.

Misiorny M., *Dopóki Ziemia kręci się*, „Tele Tydzień” 2003, nr 23, s. 12–13.

Moratyn A., *Bułat Okudżawa*, „Viva” 1997, nr 16, s. 32–36.

Okudżawa B., *Ballady Bułata Okudżawy*, Polskie Nagrania, „Muza” 1968, SXL 0482.

Okudżawa B., *Pieśni, ballady, wiersze*, wybór pośł. i red. A. Mandalian, Wydawnictwo Literackie, Kraków 1999.

Pawlak E., *Okudżawa: wyrazić bliskie i dalekie*, „Nurt” 1977, nr 2, s. 28–31.

Sperber D., Wilson D., *Relevance Communication and Cognition*, Oxford, 1986 – *Ironia a rozróżnienie między użyciem i przywołaniem*, „Pamiętnik Literacki” 1986, nr LXXVII, z. 1, s. 265–288.

Szahaj A., *Ironia i miłość. Neopragmatyzm Richarda Rorty’ego w kontekście sporu o postmodernizm*, Wydawnictwo Leopoldinum Fundacji dla Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 1996.

Szymak-Reiferowa J., *Posłowie*, [w:] B. Okudżawa, *Zamek nadziei*, wyb. A. Sarachanowa, Wydawnictwo Literackie, Kraków–Wrocław 1984, s. 269–280.

Wakar J., *Lutkiewicz nawet źle napisane role zamieniał w perełki*, <https://www.polskieradio.pl/8/5661/Artykul/1731788,Lutkiewicz-nawet-zle-napisane-role-zamienial-w-perelki> [dostęp: 23.03.2018].

Woronyna Ł., *Wdowa po Okudżawie: Nie każdy poeta miał taki fart*, wyborcza.pl/magazyn/1,124059,16452003,Wdowa_po_Okudzawie_Nie_kazdy_poeta_mial_taki_fart.html [dostęp: 20.03.2018].

Быков Д., *Булат Окуджав*, Молодая гвардия, Москва 2009.

Жванецкий М., *Второе внезапное обращение к детям*, http://www.jvanetsky.ru/data/text/t9/vtoroe_obrashenie_k_deteam [dostęp: 17.03.2018].

Косиков Г.К., *О литературной судьбе Вийона*, [в:] Ф. Вийон, *Стихи: Сборник*, Радуга, Москва 1984, s. 314–320.

Крылов А.Е., *О датировке песни Окуджавы «Мастер Гриша»*, <https://ae-krylov.livejournal.com/69577.html> [dostęp: 31.03.2018].

⁵¹ Cyt. za: Д. Быков, *Булат Окуджав*..., s. 629.

- Мокеева-Гайст Л., *Булат Окуджава: Я выполнил свое предназначение*, „Труд” 2005, nr 82.
- Окуджава Б., *Я выдумал музу иронии*, <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=42222> [dostęp: 17.03.2018].
- Распопин В., *Эпоха Ренессанса. Франция. Французское Возрождение и Франсуа Вийон*, <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/raspopin/renessans-franciya/fransua-vijon.htm> [dostęp: 21.07.2018].
- Саютина И., *Удивительная история песни „Молитва” Булата Окуджавы*, <https://verblan.livejournal.com/1482.html> [dostęp: 23.03.2018].
- Фрумкин В., *Портрет на фоне эпохи: Булат Окуджава в толковании Дмитрия Быкова*, <http://berkovich-zametki.com/2009/Zametki/Nomer12/Frumkin1.php> [dostęp: 20.03.2018].
- Шрагович Е., *Загадки творчества Булата Окуджавы: глазами внимательного читателя*, <https://profilib.net/chtenie/80231/evgeniy-shragovits-zagadki-tvorchestva-bulata-okudzhavy-glazami-vnimatel'nogo-chitatelya-15.php> [dostęp: 24.07.2018].

Ирония в поэтическом творчестве Булата Окуджавы

Резюме

Целью предлагаемой статьи является попытка выяснить, в чем заключается специфика использования иронии в поэзии Окуджавы. Анализу подвергаются три стихотворения, в которых выступают разные виды иронии. В целом же тонкая, чаще завуалированная ирония Окуджавы никого не обижает, но и не является способом защиты поэта перед окружающим его миром. Целью иронии Окуджавы оказывается путь к развитию у читателей эстетической восприимчивости, а также намерение автора создать свой облик поэта-ирониста.

Ключевые слова: Булат Окуджава, ирония, бардовская песня, лирика, оксюморон, антифразис

Irony in the Poetry of Bulat Okudzhava

Abstract

The purpose of this article is to try to explain what the specificity of the use of irony by Okudzhava is. This issue is analyzed on the example of three of his poems, in which it stands out quite clearly. The subtle and delicate irony of Okudzhava does not offend anyone, nor is it a way to defend himself against the world around him. The aim of his irony is the path to the development of aesthetic sensitivity and the attempt to create his own image of a poet-ironist.

Key words: Bulat Okudzhava, irony, bard song, lyricism, oxymoron, antiphrasis

Paweł Ligeza, mgr

Uniwersytet Pedagogiczny im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie
Instytut Neofilologii (filologia rosyjska)

Paweł Ligeza, mgr

Pedagogical University of Cracow
Institute of Modern Languages (Russian Philology)
e-mail: pawel.ligeza@up.krakow.pl
+48 126626749

Paweł Łaniewski

Trauma pierwszej wojny światowej w twórczości Zygmunta Krzyżanowskiego

Pierwsza wojna światowa odegrała decydującą rolę w procesie kształtowania dzisiejszej kultury i świadomości Europejczyków. Konflikt, który objął niemal cały Stary Kontynent oraz liczne kolonie, wiązał się jednak nie tylko z olbrzymimi stratami wynikającymi bezpośrednio z działań zbrojnych. Przede wszystkim wpłynął na odbiór formowanych od tysiącleci wartości, doprowadził do redefinicji pojęć konstytutywnych dla cywilizacji europejskiej, był także czynnikiem, który ukształtował obraz XX wieku i utrwalił zarysowujące się pęknięcia. Okrucieństwa zmagających doprowadziły tym samym do wykształcenia zupełnie nowego kodu kulturowego i głębokiej zmiany w wizji postrzegania rzeczywistości. Kategorie charakterystyczne dla schyłku modernizmu, będącego jego najbardziej wyrafinowaną, burżuazyjną formą, nie przystawały do nowych czasów. Skłoniło to wielu myślicieli i twórców do poszukiwań nowych formuł i sposobów opisu rzeczywistości.

Refleksje na temat pierwszej wojny światowej zyskały szczególną postać w literaturze rosyjskiej. Punkt widzenia obywateli Imperium Romanowów znacznie różnił się od opinii mieszkańców Europy Zachodniej. Na ten fakt znaczny wpływ miały czynniki geograficzne, społeczne oraz kulturowe – przede wszystkim działania zbrojne rozgrywały się w dosyć dużej odległości od obu stolic, skupiając się głównie na terytorium dzisiejszej Polski i Ukrainy, wciąż żywa była także pamięć klęski podczas wojny z Japonią (1904–1905) oraz stłumionej krwawo rewolucji 1905 roku. Coraz bardziej poróżnione i podatne na socjalistyczną agitację społeczeństwo w znacznej mierze odbierało więc konflikt jako krzywdzący i gwałcący podstawowe prawa. Jednocześnie olbrzymie ruchy społeczne, które zaczęły intensywnie oddziaływać na rzeczywistość polityczno-społeczną, zdołały zmienić pryzmat myślowy i rozpocząć proces modernizacji konserwatywnego układu. Postępujące zaangażowanie wojsk rosyjskich w działania zbrojne oraz związane z nim pogorszenie poziomu życia należy uznać za jedno z przyczyn powodzenia i rozprzestrzeżenia dwóch rewolucji roku 1917. Te z kolei trwale zmieniły obraz nie tylko Rosji i Europy, ale również całego świata. Okazały się początkiem przełomu polityczno-kulturowego, który przełożył się nie tylko na rozwój kolejnego aparatu terroru, ale również na wytworzenie dwóch centrów cywilizacyjnych, skojarzonych z przeciwnymi ideologiami.

Wyjątkowe spojrzenie na pierwszą wojnę światową wypracował w swoich utworach prozatorskich Zygmunt Krzyżanowski (1887–1950). Rosyjskojęzyczny

pisarz polskiego pochodzenia ze względu na kwestie społeczne i artystyczne wyjątkowo często porównywany jest do Franza Kafki – takiego zdania był sam Jewgienij Jewtuszenko, który w zbiorze *Строфы века* pisał o nim:

Уникальный дар новеллиста, родственный дарованию Борхеса или Кафки, сразу поставил еще вчера безвестного Кржижановского недалеко от таких титанов русской прозы, как Булгаков, Платонов, Набоков. К слову сказать, в *Театральном романе* Булгакова мельком набросан портрет Кржижановского, – оба писателя были выходцами из Киева, где и познакомились¹.

Unikalny styl oraz przełamujące arystotelesowską logikę spojrzenie na rzeczywistość sprawiają, że jego twórczość wpisuje się w szerokie ramy nurtu, który Gilles Deleuze i Felix Guattari zdefiniowali mianem „literatury mniejszej”. Charakterystyczną cechą literackiego dorobku Krżyżanowskiego jest surrealistyczne spojrzenie na otaczające go fenomeny. Głęboko zaangażowany w rozważania filozoficzne pisarz wykształcił własną ścieżkę myślową, skupioną na kategoriach, które w następnych dziesięcioleciach stały się podstawowymi konceptami filozofii poststrukturalnej. Dominantą wielu utworów jest fantomowość, relacja świata i tekstu, wpływ czynników społecznych na psychikę jednostki. Szczególną uwagę zwraca wyjątkowe podejście do relacji czasoprzestrzennych. Krżyżanowski konfrontuje je ze zdefiniowanymi przez kulturę i naukę kategoriami, skupia się tym samym na aspekcie minorytarnym, dekonstruuje olbrzymie układy kojarzone z działaniem niebezpiecznych dla jednostki struktur (państwo, system polityczny, ideologia).

Okres pierwszej wojny światowej odcisnął na twórczości pisarza piętno. Przede wszystkim to właśnie wtedy rozpoczynał swoją działalność twórczą. Pierwsze wiersze, pisane jeszcze w czasach studiów na Uniwersytecie Kijowskim, są wprawdzie datowane na 1910 rok (tak jak przywoływany przez Jewtuszenkę wiersz *Беаппуче*), jednak na utworach prozatorskich, które przyniosły mu największą sławę, autor skupił się dopiero w 1919 roku². Być może właśnie następujące po sobie konflikty sprawiły, że nie mógł w pełni poświęcić się działalności twórczej. Krżyżanowski bezspornie dopatrywał się w okresie pierwszej wojny światowej momentu przełomowego dla całej myśli humanistycznej oraz formowanego przez setki lat systemu wartości. Czas wielkiej wojny łączył ze zdecydowanie szerszym planem narastającego terroru, który przedłużyła rewolucja październikowa, wojna domowa oraz lata wojennego komunizmu. W jego ujęciu konflikt rozgrywa się na wielu polach – obok przedstawiania samych działań wojennych, Krżyżanowski skupia się również na losach ludzi żyjących na obrzeżach tych zmagających. Krwawe i przedłużające się starcia mają wpływ na sferę polityczną, społeczną i ekonomiczną. Maszyna wojenna niemal namacalnie wkracza do życia obywateli Rosji – żłobi część jej terytorium, wciąga w swój mechanizm kolejne jednostki, rozwarstwia *socius* i staje na drodze rozwoju cywilizacji.

Najbardziej czytelnym nawiązaniem do czasów pierwszej wojny światowej jest napisane w 1922 roku opowiadanie *Dziwak* (*Чудак*). Utwór w wyjątkowy sposób oddaje atmosferę wojennego strachu i terroru, powstał zresztą w czasie, kiedy

¹ Е. Евтушенко, *Строфы века. Антология русской поэзии*, Полифакт. Итоги века, Москва 1999, s. 149.

² Tamże.

pamięć o konflikcie była wyjątkowo żywa. Co prawda od zawarcia pokoju minęły cztery lata, ale wciąż trwała wojna domowa, a dopiero przed rokiem klęską Armii Czerwonej zakończyła się wojna polsko-bolszewicka.

Krzyżanowski, zgodnie z obraną minorytarną poetyką, skupia się na poszukiwaniu nowych sposobów opisu rzeczywistości. W jego prozie dominują kategorie, które są dalekie od przyjętej, naukowej logiki. Dominantą *Dziwaka* staje się strach – w ujęciu pisarza przybiera jednak w pełni wymierne właściwości. Badaniem jego natężenia zajmuje się tytułowy Dziwak – „человек этот, одетый в мешковатую полувоенную-полутуристскую одежду, с портфелем, мирно положенным на колени”³. Szczególnego znaczenia nabiera jego podstawowy atrybut, czyli czarna teczka. To w niej zbiera notatki i spostrzeżenia dotyczące strachu. Mężczyzna towarzyszy żołnierzom uczestniczącym w walkach, jednak wyraźnie odcina się od reszty obecnych w układzie osób. Wyróżnia go spokój i naukowy dystans wobec dziejącej się na jego oczach tragedii. Irracjonalne zachowanie wzbudza zresztą nieufność samego narratora, który podejrzewa nawet, że mężczyzna może być szpiegiem. Tajemnicza postać szybko wyjaśnia jednak, że jego obecność ma czysto naukowe podstawy: „Я пришёл сюда к страху. Люди мне не нужны. Нет: мне в них нужен их – страх. Только” (s. 436).

Badanie strachu wymaga wprowadzenia nowych kategorii opisu. Dziwak skupia się na analizie intensywności, przenosi tym samym rozważania do fenomenologicznego układu, w którym decydujące znaczenie przypisuje nie tyle zdefiniowanym układom, co płaszczyźnie metafizycznych odczuć i napięć. Bezsparnie olbrzymi wpływ na sformułowanie takiej wizji miała filozofia monad stworzona przez Gottfrieda Leibniza, której sam Krzyżanowski poświęcał dużo uwagi. Monady w takim ujęciu są „właściwymi atomami natury i jednym słowem pierwiastkami rzeczy”. Ich charakter jednoznacznie przekłada się także na sposób odbierania fenomenów i postrzegania zjawisk:

I jak to samo miasto z różnych stron oglądane wydaje się inne i jest jakby perspektywicznie pomnażane, tak samo dzięki nieskończonej mnogości substancji prostych istnieje jak gdyby tyleż różnych wszechświatów, które jednak są tylko perspektywami jednego i tego samego wszechświata według różnych punktów widzenia każdej monady⁴.

Dziwak dostrzega niemal osmotyczne powiązanie poszczególnych elementów układu. Zauważa, że dotychczasowe próby opisu strachu kończyły się niepowodzeniem ze względu na przyjęcie błędnej metodologii i wykorzystywanie złych narzędzi: „Я давно наблюдаю страх и не согласен с приёмами Поссю в его *La Paura*: тут нужны не плетизмографы, а пушки” (s. 436). Wojna jest wyjątkową intensywnością, skupiającą w sobie różnego typu natężenia. Badacz wiąże ją z depresją i szerszym kontekstem społecznym – okazuje się bowiem, że strach i tożsame z nim odczucia wykraczają poza teren objęty działaniami wojennymi, wnikają głęboko w tkankę społeczną, dekonstruuja jej instytucje i uderzają w konkretne jednostki.

³ С. Кржижановский, *Чудак*, [в:] С. Кржижановский, *Собрание сочинений в пяти томах*, т. 2, Symposium, Санкт-Петербург 2001, с. 434.

⁴ G. Leibniz, *Monadologia*, <http://filozofiauw.wikidot.com/teksty-zrodlowe> [dostęp: 23.01.2018].

Dziwak wyodrębnia kategorię „trupa”, która znacząco odbiega od jej standardowej recepcji:

Думают – трупы на кладбищах. Вздор. В каждого, – и в того, кого хоронят, и в того, кто хоронит, – вдет труп; и я не понимаю, как они там у их могильных ям не перепутают – себя и их. Труп зреет в человеке исподволь: правда, обыкновенно, он спрятан от глаза, вобран в ткань, но... зреет, и трупные проступи от дня к дню яснее и чётче (s. 436).

„Trupie oznaki” są obecne w każdym niezależnie od dystansu odgraniczającego jednostkę od działań wojennych. Dziwak stwierdza, że to właśnie bój jest intensywnością największą – układem, który w pełni przekształca podmiot i odbiera mu cechy charakterystyczne dla istot żywych. Aparat maszyny wojennej wprowadza nowe kategorie myślenia i przeobraża *socius* zgodnie ze swoimi prawami.

Strach staje się jednym z głównych motywatorów wojennej logiki. Znajduje także bezpośrednie przełożenie na aspekt kinetyczny – „он – то гонит назад, то – гонит вперёд” (s. 437). Te ruchy znajdują zresztą odzwierciedlenie w szerszym ujęciu społecznym i politycznym – „Если вы погнаны им назад, то вам кричат «трус» и стреляют в спину, если же вы погнаны страхом вперёд, нашиливают полосатую ленту на грудь – «за Храбрость»” (s. 437). W niezwykle szybkim tempie maszyna wojenna wkracza także do społeczeństwa. Tworzy na jego ciele znane ze schizoanalizy Deleuze’a i Guattariego żłobienia⁵, rozrysowuje nowe pola, nie pozostawia jednak linii ujścia, dzięki którym możliwe byłoby opuszczenie układu. Napędzana aparatem strachu wytycza linie, które nakładają się nie tylko na pola bitew – są widoczne także w przestrzeni miast i wsi, udaje im się zawładnąć społecznym wyobrażeniem, w odpowiedni sposób zmienić sposób pracy maszyn pragnień.

Pozornie binarny układ rozrysowany przez logikę strachu (przód – tył), rozrasta się i przeradza w zdecydowanie bardziej rozbudowaną siatkę. W jego centrum znajduje się okop – specyficzny rodzaj żłobienia, który odegrał szczególną rolę w trakcie walk na frontach pierwszej wojny światowej. Wykopane w ziemi doły rozrysowały na powierzchniach nowe linie, stały się wyjątkową formą terytorializacji, wymusiły także określoną logikę ruchu. Dziwak zauważa jednak, że „надо бы натягивать проволоку и впереди и позади окопа; от тех и от этих: шаг за черту вперёд – и полями; шаг за черту назад – и под взглядами” (s. 437). Nie tylko fizyczna walka z wrogiem, ale również psychologiczna konfrontacja z *socius* niesie za sobą śmiertelne niebezpieczeństwo. Maszyna wojenna przenika głęboko w jego struktury, jest widoczna niemal na każdym kroku, wpaja nowe postawy i doprowadza do stopniowej faszyzacji państwa:

Koncepcja państwa totalitarnego ma wartość jedynie w skali makropolitycznej – w odniesieniu do sztywnej segmentacji i specjalnego trybu całościowania i centralizacji. Ale faszyzm jest nierozzerwalnie związany z ogniskami molekularnymi, które mnożą

⁵ F. Guattari, G. Deleuze, *Anty-Edyp. Kapitalizm i schizofrenia*, przeł. T. Kaszubski, Wydawnictwo Krytyki Politycznej, Warszawa 2017, s. 591.

się i skaczą z jednego punktu na drugi, wzajemnie na siebie oddziałując, zanim zaczną wszystkie razem współdrgać w państwie narodowosocjalistycznym⁶.

Dziwak opowiada o „глупых самках” zajmujących się przygotowaniem szarpi do opatrywania ran, których malowane usta pytają: „вы не на фронте”? Głębokie żłobienie nie pozostawia nikogo obojętnym – „Даже дети, наученные ими, поднимают на вас спрашивающие глаза” (s. 438). Strukturę przestrzenną zamienia więc struktura strachu – nie można się przed nią nigdzie schronić, jej schemat zarysowuje się nawet na wstęgach orderów – „Полосы на ленте: чёрная – жёлтая, чёрная – жёлтая. И полосы, вернее зоны, страха: чёрная – жёлтая: то чёрная жуть ночи – то полуденный, солнечный жёлтый ужас” (s. 438).

Strach w takim ujęciu jest zresztą podstawowym budulcem wszystkich relacji i głównym motywatorem działań. Z jednej strony zmusza ludzi do zbierania się w bezpiecznych ramach społeczeństw, z drugiej – doprowadza do ich rozbicia, sprawia, że kochankowie poszukują schronienia w swoich ramionach, ale nawet na moment ich nie opuszcza. Wywołuje kolejny ruch, tym razem otwarcie wyrażony w minorytarnej skali – wyraża się w drzeniu, we wszechobecnej trwodze, która obezwładnia jednostki i doprowadza społeczeństwa na skraj upadku.

Wyjątkowe znaczenie posiadają także zawarte w utworze opisy przestrzeni. Wyrażają szczególne intensywności, dzięki nim możliwe staje się odtworzenie ruchu maszyny wojennej, wydzielenie konkretnych stref i linii, wyodrębnienie segmentów w ramach których przemieszczają się żołnierze i pozostałe elementy układu – poruszające się w obłąkańczy sposób dwukółki po patronach, wozy załadowane stertami ludzkich zwłok, zataczające się figury rannych. Sam utwór rozpoczyna się zresztą od takiego opisu:

Меж ввитых в дымы сосен, по искромсанной снарядами лесной дороге, рота тихо пододвинулась к опушке. Обогнув шесть ахающих жерл, она оторвалась от леса и сомкнулась в цепь, стала медленно ползти по отлогому скосу холма, поднятому над полем. Или, со штыками у глаз, по сожжённой боями и зноями растрескавшейся земле, к чёткому верху холма: здесь, на узкой полосе, отделившей опушку от холма – было странно тихо (s. 433).

Szczególnego znaczenia nabierają notatki Dziwaka. Specyficzna logika przestrzenna zespala się w nich z zaszczeploną przez tajemniczego badacza filozofią strachu. Przedstawiany układ zachwyca swoją geometrycznością. Przejrzyste, proste linie i symetria zostają zaburzone przez kłacza i spirale:

Вот уж второй месяц – в зоне страха. Я как-то сразу заблудился в путанице их кротовых ходов, узких кладок, зигзагов окопа, горящихся из земли землянок, напутанной всюду проволоки и серых, одинаково пригибающихся к земле, с одинаковым блеском стальной трёхграни у одинаковых глаз, людей (s. 440).

Całą przestrzeń da się opisać za pomocą nieskończonych ciągów okopów i wiążących się wszędzie drutów kolczastych – te ostatnie wydają się szczelnie owijać ludzi i nie pozwalają opuszczać im układu zdominowanego przez strach. Okopy

⁶ F. Guattari, G. Deleuze, *Tysiąc plateau*, red. J. Bednarek, Fundacja Nowej Kultury Bęc Zmiana, Warszawa 2015, s. 257.

zamieniają się w skomplikowane miasteczko częściowo zakopane w ziemi. Cała strefa walk stopniowo się w niej zagłębia, jest przez nią pożerana, jednocześnie sama odciska na niej swoją inskrypcję i produkuje głębokie żłobienia. Rozpylane gazy bojowe nadają układowi aurę tajemniczości i mistycyzmu – wypierają zresztą z jego ram jakiegokolwiek transcendentne odniesienia, zastępując je logiką strachu, także dzieła sztuki, kultura i cywilizacja są jedynie rezultatem ucieczki przed dojmującym uczuciem strachu. Bohater stwierdza: „Все мы больны материобязнью” (s. 443). Narastająca entropia ma przełożenie na pole ideologiczne i społeczne. „Ciemne suknie ikon” schowane gdzieś daleko w rodzimych izbach straszą swoimi przerażającymi obliczami. „И меч Архангела, занесённый над нищей, и так ниже трав склонённой, в землю влипшей, жизнью” (s. 442). Cerkwie, krzyże, całe bogate pole semiotyczne prawosławia wydaje się nieustannie zagrażać wiernym, deprecjonować ich znaczenie, kształcić ich jedynie w kierunku, który jest przydatny z punktu widzenia maszyny wojennej.

Poszukiwanie nowych sposobów opisu człowieka i otaczającej go kultury w szczególny sposób wyraża się w napisanym w tym samym roku opowiadaniu *Bóg umarł* (*Бог умер*). Otwarte nawiązanie do filozofii Fryderyka Nietzschego wpisuje się w szerszy myślowy kontekst. Katastroficzne przekonanie o końcu pewnej epoki i domknięciu systemu opierającego się na katalogu sprawdzonych, europejskich wartości skłoniło wielu intelektualistów do zarysowywania koncepcji, które sugerowały konieczność budowania ram nowej cywilizacji od podstaw. Zdezaktualizował się modernistyczny czysto burżuazyjny mit o pokojowej przyszłości, w której naczelnym celem człowieka stanie się rozwój i szeroko pojęte poprawianie warunków życia. Filozofia autora *Tako rzecze Zaratustra* wytyczyła linię przełomu – zakwestionowała wartości, które legły w gruzach w czasie wielkiej wojny. Uderzyła nie tylko w wymiar metafizyczny, ale również cywilizacyjny – wraz ze sformułowaniem idei *Übermenscha* zachwiany został konstytutywny dla Europejczyków system wartości oparty na miłosierdziu i humanitaryzmie. Coraz większą popularnością zaczęły cieszyć się szowinistyczne idee zespolone w pewnym stopniu z myślą Nietzschego.

Utwór Krżyżanowskiego rozpoczyna się od wyraźnego zarysowania momentu rozłamu: „Случилось то, что когда-то, чуть ли не в XIX столетии, было предсказано одним осмеянным философом: умер Бог”⁷. Kluczowe dla dziejów świata wydarzenie rozgrywa się w metafizycznej perspektywie – aniołowie, którzy od dłuższego czasu przeczuwali nadejście tej chwili, nie mają jednak odwagi, aby udać się do miejsca, w którym przebywał Bóg. Robi to dopiero cherubin Azazel, który zauważa tam „зияющее черною ямою Ничто” (s. 255). Pozornie w układzie świata nic się jednak nie zmienia – orbity planet zostały zachowane, a czas nie przestawał biec. Dopiero pracownik obserwatorium w Greenwich zauważył zgaśnięcie gwiazdy β z gwiazdozbioru Skorpiona. Dzięki pozostawionej przez niego notatce można zresztą ustalić dokładną datę śmierci Boga: „anno 2204.11.11. 9° 11» Scorpio β/†/ – obiit” (s. 256). Ma to miejsce dokładnie 286 lat po zakończeniu pierwszej wojny światowej. Krżyżanowski zwraca uwagę na procesualny aspekt tego aktu: metaforyczne zdarzenie jest bezpośrednim rezultatem odrzucenia pewnych wartości.

⁷ С. Кржижановский, *Бог умер*, [в:] С. Кржижановский, *Чужая тема. Собрание сочинений*, т. 1, Симпозиум, Санкт-Петербург 2000, с. 255.

Podobnie jak w koncepcji Nietzschego, także w tym przypadku do śmierci Boga doprowadza zachowanie człowieka:

Bóg umarł! Bóg nie żyje! Myśmy go zabili! Jakże się pocieszymy, mordercy nad mordercami? Najświętsze i najmoźniejsze, co świat dotąd posiadał, krwią spłynęło pod naszymi nożami – kto zetrze z nas tę krew? Jakaż woda obmyć by nas mogła? Jakież uroczystości pokutne, jakież igrzyska święte będziemy musieli wynaleźć? Nie jestże wielkość tego czynu za wielka dla nas? Czyż nie musimy sami stać się bogami, by tylko zdawać się jego godnymi?⁸

W 2204 roku wiara i religia nie odgrywają już żadnego znaczenia. Oficjalnie ustalono, że odpowiada za nie bakteria *fideococcus* – „вредитель, паразитирующий на жировом веществе нейрона, деятельностью которого и можно было объяснить «болезнь веры»” (s. 258). Pierwsza wojna światowa, na równi z wielkimi konfliktami religijnymi, do których miało dojść w XX i XXI wieku, jest wymieniana jako jeden z czynników mających wpływ na śmierć Boga. Nieliczna grupa ludzi, którzy pomimo leczenia nie utracili wiary (безнадежно надеющиеся), zostaje umieszczona na „Острове Третьего Завета” (s. 258). W wypełnionej religijnymi atrybutami przestrzeni przeprowadza się na nich eksperymenty, które mają na celu ostateczną rozprawę z kwestią wiary. Eksperyment doprowadza jednak do paradoksalnych rezultatów – pozbawiona Boga ludzkość zaczyna sama go wykształcać, rozwijając przy tym nowy zestaw wartości. Potrzeba wiary i definiowania jasnych norm etycznych okazuje się więc silniejsza od pustki kojarzonej z momentem wojennego załamania.

Olbrzymi kryzys, jaki wywołała wojenna trauma, był oczywistym punktem wyjścia nowych rozważań. Aleksandr Gnes określa uczucia powstałe podczas tego imperialistycznego konfliktu mianem „instynktu braku zaufania”. Jego zdaniem zakończyła się wówczas „sentymentalna, klasyczna kultura europejska, ustępująca stopniowo masowej kulturze Zachodu z jej dynamizmem i ukierunkowaniem na nieograniczoną konsumpcję”⁹. W 1917 roku – w okresie wzmożonych działań wojennych – niemiecki pisarz i myśliciel Rudolf Pannwitz w pracy *Kryzys kultury europejskiej* po raz pierwszy używa terminu postmodernizm¹⁰. To pęknięcie jest widoczne także w prozie Krzyżanowskiego – poszukiwanie nowych kategorii i wykształcenie paradygmatu przeciwnego wobec już ukształtowanych form stało się kluczową cechą jego poetyki. Kryzys wartości kojarzony ze zdarzeniem śmierci Boga wiąże się przede wszystkim z przejściem na drugą stronę binarnego układu „Wszystko – Nic”. Wymusza to na pisarzu poruszanie się w minorytarnych segmentach, wyrażanie przeżywanej traumy za pomocą intensywnych poszukiwań możliwości ucieczki do poprzedniego, harmonijnego układu.

Zachwianie cyklu cywilizacyjnego wiąże się także z zaburzeniem postrzegania czasu. Kolejnym utworem, który został w znacznej mierze zdefiniowany przez

⁸ F. Nietzsche, *Wiedza radosna*, przeł. L. Staff, nakład Jakóba Mortkowicza, Warszawa 1907, s. 168.

⁹ А. Гнесь, *Первая мировая война как культурная катастрофа, „Идеи и идеалы”* 2010, № 1(3), т. 1, с. 43.

¹⁰ Т.Ю. Сидорина, *Философия кризиса: Учебное пособие*, Флинта: Наука, Москва 2003 с. 44.

powojenne refleksje, jest nowela *Wspomnienia z przyszłości* (*Воспоминания о будущем*). Główny bohater – zafascynowany tematyką czasu Maks Sterer – postanawia stworzyć maszynę, która będzie w stanie przenosić go do przeszłości. Główną refleksją inżyniera jest stawiane ojcu pytanie: „А если испортится время – мы его тоже починим?”¹¹ W jego interpretacji czas przybiera właściwości przestrzenne i dzięki wymuszeniu zmian w układzie możliwe staje się podróżowanie z punktu A do punktu B także w wymiarze czasowym.

Impulsem do ucieczki w przeszłość staje się ból:

Что заставляет сознание строить прошлое, в которое можно было бы отодвигать? „Боль”, – отвечал „тогдашний Штерер” (как ретроспектирует Стынский). Ведь в пространстве всякий организм естественно отодвигает или отодвигается от объекта, стимулирующего боль: так как обжигающую мне пальцы спичку можно отшвырнуть, рефлекс ее и отшвыривает; но так как обжигающего меня солнца отшвырнуть нельзя, то я сам прячусь от него в тень (s. 351).

Konstruktor poświęca się w pełni swoim badaniom. Obala tezę o linearności czasu i określa go jako „анакхронизм в хроносе”, dąży do ponownego ułożenia pewnych składowych, które tworzą nasze pojęcie o wymiarze czasowym, odnajduje także interwał, który oddziela przeszłość od teraźniejszości. W swoich interpretacjach wykorzystuje koncepcję monad Leibniza – stwierdza, że zmian można dokonywać w obrębie kompletnego świata poprzez obracanie sfer wokół ich osi. Refleksjom filozoficznym towarzyszy także postępująca budowa maszyny. Sterer rozpoczyna wyścig z czasem – jest coraz bliżej znalezienia odpowiedniego rozwiązania, jednak katastrofalna sytuacja ekonomiczna (jego jedynym źródłem dochodu są zapomogi wysyłane przez ojca) wymusza znaczne przyspieszenie prac.

Nieoczekiwanie do układu wkrada się maszyna wojenna, która przez dłuższy czas była niezauważana przez konstruktora: „Слово «война», сначала затерянное в газетном петите, постепенно укрупняя шрифты, выставилось из всех заголовков всех газет” (s. 366). Rozprzestrzeniający się w niewyobrażalnym tempie konflikt światowy jest decydującym impulsem do opuszczenia bieżącego wymiaru czasowego. Wydaje się, że prace są już na ukończeniu i brakuje jedynie ostatnich elementów. Wkrótce Sterer otrzymuje powołanie do armii. Ucieczka jest niemożliwa – naukowiec próbuje się ukryć, jednak maszyna jest zbyt ciężka i delikatna, lekceważenie wezwania także nie daje rezultatu – w końcu żandarmi doprowadzają go do komendy uzupełnień. Zaawansowany proces zostaje zatrzymany:

Рядовой Штерер, как и прочие рядовые, положенное число недель маршировал под „ать-два”, по команде „стой” прищелкивал каблук к каблуку, а по команде „кругом”, подворачивая левую пятку, вращал тело на 180°; с винтовкой на перевес бросался на соломенное чучело, а в полдень стаскивал зубами „порцию”, нанизанную на деревянный стержень [...] (s. 369).

Młody naukowiec nie odnajduje się w ramach struktur wojny, w których sam musi stać się jednym z trybów olbrzymiego mechanizmu. Szybko dochodzi do

¹¹ С. Кржижановский, *Воспоминания о будущем*, [в:] С. Кржижановский, *Собрание сочинений в пяти томах*, т. 2, Symposium, Санкт-Петербург 2001, с. 344.

wniosku, że jego jedyną szansą jest poddanie się. Trafia do niemieckiego obozu jeńckiego, w którym zajmuje się pracami inżynierskimi. Okres zmagania wojennych jest w jego przekonaniu jedynie pewnym zwieńczeniem starań o znalezienie sposobu na powrót do przeszłości – „пусть иск человека к времени спрятан под серое сукно – пусть; отождав мораторий, он предъявит его снова” (s. 369).

Maszyna wojenna konfrontuje ze sobą przestrzeń i czas. Wytycane przez nią linie frontów wprowadzają wrogość pomiędzy tymi układami. Zdaniem Steriera czas, jako pewnego rodzaju załącznik do przestrzeni, ciągle się spóźnia – ze względu na kształt swojego mechanizmu nie może skorelować się z aspektem przestrzennym. W jego ujęciu „войны и иные катаклизмы объяснялись [...] усилением трения времени о пространство” (s. 371). Inżynier łączy maszynę wojenną przede wszystkim z wrażeniami kinetycznymi i akustycznymi – marszem milionów nóg i wybuchami pocisków. W tym układzie postrzega siebie jako wyjątkowo wrażliwego na wstrząsy naczynie wypełnione kryształami. Jedyna linia ujścia jest związana z opuszczeniem paradygmatu czasowego – konieczne jest przy tym przecięcie naukowych i kulturowych konstruktów charakterystycznych dla klasycznej logiki.

W 1917 roku do Sterera docierają informacje o rewolucji lutowej i śmierci ojca. Naukowiec odbiera kolejne historyczne zawirowania jako efekt działania maszyny wojennej, wpisuje je w ten sam entropiczny schemat. Znowu zarysowują się właściwości przestrzenne konfliktu – rewolucja rozrysowuje kolejne linie, wzbogaca układ kolejnymi żłobieniami, zagraża jednostce w jeszcze większym stopniu:

Сомкнутая вокруг линия проволоки, за ней – ломанная линия окопов, за ней – хаотический разбег, перекрест и свив линий – революция [...] Казалось, сумятица линий, перегородивших путь распутывалась в параллели, чинные и понятные и в чем-то похожие на параллели строк на заштампованном листе (s. 373–374).

Sterier zdaje sobie sprawę, że jedynym sposobem na kontynuację prac nad maszyną i ucieczkę z ogarniętej wojną rzeczywistości jest jak najszybsze wydostanie się z obozu. W końcu, pomimo rozbudowanego aparatu biurokratycznego armii i wielu załamań maszyny wojennej, udaje mu się wrócić do Rosji. W czasie drogi powrotnej da się zauważyć bezpośredni wpływ działania maszyny wojennej na przestrzeń: okazuje się, że drogi, które wcześniej były proste, zamieniły się w kręte spirale. Powrót wydłuża także choroba – Sterer zapada na tyfus. Ostatecznie udaje mu się dotrzeć do kraju już po rewolucji październikowej, przez co traci cały odziedziczony majątek, a prace nad maszyną muszą rozpocząć się na nowo. Naukowiec poświęca na nie „700 дней Голодной степи”, zamieniając przydzielone mu maleńkie mieszkanie w laboratorium.

Zabiegi naukowca dają oczekiwane rezultaty – maszyna, która zyskała nazwę „Времярез”, zdołała przenieść go do przeszłości. Konkluzja wpisuje się jednak w katastroficzny klimat utworów Krzyżanowskiego tego okresu. Wykorzystując podobne brzmienie słów, osoby, które postanowiły zachować i opisać dziedzictwo Steriera, opatrują jego biografię epigrafem:

„Уведи меня в стан понимающих”.
– „Погибающих”, – поправил лингвист.
– Одно и то же (s. 430).

Подобные ощущения, перекладające się на poetykę oraz wykorzystywane kategorie czasowe i przestrzenne, towarzyszyły Krżyżanowskiemu przez cały okres jego działalności twórczej. Trauma związana ze wzmożoną działalnością maszyny wojennej i połączonym z nią kryzysem wartości po raz kolejny stała się dominantą utworów pisarza w czasie drugiej wojny światowej – autor stworzył wówczas obszerne szkice *Moskwa w pierwszym roku wojny*, które wyraźnie nawiązują swoją formą do pierwszych prób prozatorskich, prześląkniętych stanem napięcia towarzyszącym pierwszemu globalnemu konfliktowi.

Literatura

Guattari F., Deleuze G., *Anty-Edyp. Kapitalizm i schizofrenia*, przeł. T. Kaszubski, Wydawnictwo Krytyki Politycznej, Warszawa 2017.

Guattari F., Deleuze G., *Tysiąc plateau*, red. J. Bednarek, Fundacja Nowej Kultury Bęc Zmiana, Warszawa 2015.

Leibniz G., *Monadologia*, <http://filozofiauw.wikidot.com/teksty-zrodlowe> [dostęp: 23.01.2018].

Nietzsche F., *Wiedza radosna*, przeł. L. Staff, nakład Jakóba Mortkowicza, Warszawa 1907.

Гнесь А.А., *Первая мировая война как культурная катастрофа*, „Идеи и идеалы” 2010, № 1(3), т. 1.

Евтушенко Е.А., *Строфы века. Антология русской поэзии*, Полифакт. Итоги века, Москва 1999, с. 149.

Кржижановский С., *Бог умер*, [в:] С. Кржижановский, *Чужая тема. Собрание сочинений*, т. 1, Симпозиум, Петербург 2000.

Кржижановский С., *Воспоминания о будущем*, [в:] С. Кржижановский, *Собрание сочинений в пяти томах*, т. 2, Symposium, Санкт-Петербург 2001.

Кржижановский С., *Чудак*, [в:] С. Кржижановский, *Собрание сочинений в пяти томах*, т. 2, Symposium, Санкт-Петербург 2001.

Сидорина Т.Ю., *Философия кризиса: Учебное пособие*, Флинта: Наука, Москва 2003.

Травма первой мировой войны в творчестве Сигизмунда Кржижановского

Резюме

В статье обсуждается влияние периода первой мировой войны на творчество Сигизмунда Кржижановского – российского писателя польского происхождения. Первая мировая война изменила образ Европы периода модерна, привела к переоценке ценностей, на которых был основан весь цивилизованный мир. Многие мыслители начали тогда искать новые категории для описания мира, появились философские течения, которые нашли отражение в творчестве многих писателей, в том числе в миноритарной литературе Сигизмунда Кржижановского.

Ключевые слова: Кржижановский, первая мировая война, кризис, модернизм, постмодернизм

**Trauma of the World War I
in the Works of Zygmunt Krzyżanowski****Abstract**

The article considers the influence of the period of the First World War on the works of Sigismund Krzhizhanovsky, a Russian writer of Polish descent. The First World War changed the image of Europe of the modern period, led to a reassessment of the values on which the entire civilization was based. Many thinkers then began to search for new categories for the description of the world. Appeared new philosophical movements that were reflected in the work of many writers, especially in the minority literature of Sigismund Krzhizhanovsky.

Key words: Krzyżanowski, crisis, World War I, postmodernism, modernism, war

Paweł Łaniewski
mgr, doktorant
Uniwersytet Śląski w Katowicach

Paweł Łaniewski, mgr
University of Silesia in Katowice
e-mail: pmlaniewski@gmail.com
+48 516569069

Agnieszka Potyrańska

Koncept apokatastazy w wybranych wierszach Siergieja Gorodieckiego z tomu *Ярь*

Wszystko powraca, jest najwyższym przybliżeniem świata
stającego się do świata bytującego: szczytem rozważania¹.

Прошло немногим больше года с той поры, как на литературное поприще выступил Сергей Городецкий. Но уже звезда его поэзии, как Сириус, яркая и влажная, поднималась высоко. Эта звезда первой величины готова закончить свое первое кругосветное плавание. [...] Мы верим в то, что эта звезда-корабль отбросит груз и, строго храня свои чудесные сокровища, заключит первый круг, уже почти очерченный ею, и, поднявшись снова, пройдет путь еще круче и еще чудеснее²

– takimi słowami określił Aleksander Błok Siergieja Gorodieckiego, niedługo po opublikowaniu przez niego zbioru wierszy *Ярь* (1906). Tom ten był zjawiskiem w życiu literackim początku XX wieku. W liście do matki z dnia 21 grudnia 1906 roku Błok nazwał *Ярь* „может быть, величайшей из современных книг”³.

Główną tematyką zbioru *Ярь* są poetyckie rozmyślenia Gorodieckiego o losie ludzkości. Cały tom podzielony jest na kilka części: *Зачало*, *Ярь*, *Темь*. Larisa Pawłowa konstatuje:

в *Зачале* наряду с вселенной рождается человек. Следующий этап, раздел *Ярь* – это расцвет человечества, характеризующийся Городецким как момент единения, гармонии человека с природой, богами, самим собой. Отступление от естественных, изначальных законов бытия приводит человека в *Темь*. Современность, цивилизация – враждебное людям, обреченное на страшную гибель порождение⁴.

¹ F. Nietzsche, *Wola mocy*, tłum. K. Drzewiecki, S. Frycz, Wyd. vis-à-vis. Etiuda, Kraków 2009, s. 233.

² А. Блок, *Собрание сочинений в 8-ми томах*, т. 5, Государственное издательство художественной литературы, Москва-Ленинград 1962, с. 145.

³ А. Блок, *Письма к родным*, т. 1, Academia, Ленинград 1927, с. 161.

⁴ Л. Павлова, *Парадигмы 1907 года: „Ярь” Сергея Городецкого и „Эрос” Вячеслава Иванова*, автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Смоленск 1994, с. 11.

Nakreśla nam to główną myśl poety o nieustannym umieraniu oraz odradzaniu się przyrody i wszelkiego życia, nasuwającą skojarzenia ze specyficzną Nietzscheańską wizją apokatastazy, przejawiającą się w jego idei wiecznego powrotu⁵. W dziele *Tako rzecze Zaratustra* czytamy:

Oto umieram i zanikam – mówiłbyś wówczas – jedno mgnienie, a stanę się nicością. Dusze są równie śmiertelne, jak i ciała. Lecz powróci ten węzeł przyczyn, w który i ja wpłątany jestem – stworzy on mnie ponownie! Ja sam należę do przyczyn wielkiego powrotu. Powtórzę się przez powrót wraz z tym słońcem, tą ziemią, tym orłem i wężem tym – nie do nowego ani lepszego życia, ani też do podobnego; – powracać będę wiecznie do zawsze jednakiego i tego samego życia, zarówno w rzeczach wielkich, jak i małych, tak, abym znowuż o rzeczy wszelkich wiecznym powrocie nauczał⁶.

Naszym zdaniem echa tej koncepcji można odnaleźć w poezji Gorodieckiego.

Już pierwsza część tomu *Ярь* na poziomie tytułu – *Зачало* – sugeruje czytelnikowi pewien początek. Podmiot liryczny znajduje się niejako pomiędzy światłem a ciemnością – promienie słońca oświetlają mrok, w którym egzystuje podmiot liryczny:

Я под солнцем беспечальным
Верю светам изначальным,
Изливаемым во тьму⁷ (49).

Znamienne, że światło opisywane jest poprzez skojarzenia z żywiołem wody (która wlewa się). W tradycji kulturowej z żywiołem wody związana jest kobieta (ta, która daje życie). Mamy więc do czynienia z ciągiem skojarzeń: światło = woda, kobieta = woda, a więc światło = kobieta. W wierszu Gorodieckiego zaś mowa jest o zmroku jako o pierwiastku kobiecym:

Сумрак — женское начало,
Сумрак — вечное зачало (49).

Wynika stąd wniosek: zmierzch = kobieta, a więc poeta łączy pary przeciwieństw w jedność: zmierzch = światło. Nie bez powodu zatem pisze:

Верю свету и ему (49).

Można więc sądzić, że cały wszechświat to jedność. Dopiero nastąpi podział, w wyniku którego obudzi się życie:

⁵ Por. J. Brejdek, *Ewangelia Zaratustry*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2014, s. 90.

⁶ <https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/tako-rzecz-zaratustra.html> [dostęp: 12.02.2018].

⁷ Wiersze Gorodieckiego cytujemy według wydania: С. Городецкий, *Избранные произведения*, т. 1: *Стихотворения*, Художественная литература, Москва 1987. Numer strony podajemy w nawiasie po cytacie.

Свет от Света оторвется,
В недра темные прольется,
И пробудится яйцо.
Хаос внуку улыбнется,
И вселенной сопричтется
Новозданное лицо (49).

W wierszu Gorodieckiego znajduje odzwierciedlenie koncepcja Słowian, którzy uważali świat za gigantyczne jajo⁸. Jajo to symbol tajemnicy stworzenia świata, powstania życia z pierwotnej pustki; w folklorze jajo jest waloryzowane pozytywnie, jako dobry znak powodzenia, bogactwa i zdrowia⁹. W analizowanym wierszu z jaja wykluje się tajemnicza teurgiczna siła: *Новозданное лицо*.

Po upływie określonego czasu krąg życia musi zostać zamknięty ponad Chaosem:

И над Хаосом сомкнется
Возвращенное кольцо (49).

Należy w związku z tym przybliżyć koncepcję Chaosu. Jak podaje encyklopedia *Мифы народов мира*:

К характеристикам Х., [...], относится связь Х. с водной стихией, бесконечность во времени и в пространстве, разъятость вплоть до пустоты или, наоборот, смешанность всех элементов (аморфное состояние материи, исключающее не только предметность, но и существование стихий и основных параметров мира в раздельном виде), неупорядоченность [...]. Важнейшая черта Х. – это его роль лона, в котором зарождается мир, содержание в нем некой энергии, приводящей к порождению¹⁰.

Z owego Chaosu powstaje ziemia, na której przyjdzie egzystować podmiotowi lirycznemu wierszy Gorodieckiego.

„Ja” liryczne ma świadomość tego, że jest jedynie gościem, przybyszem z dalekich stron. Być może jest on nawet jakąś istotą nadprzyrodzoną, która wie, że przebywanie na ziemi będzie trwało tylko chwilę:

⁸ „В центре славянской вселенной, подобно яичному желтку, располагалась Земля. Но верхней стороне желтка находился обитаемый Верхний мир людей, на внутренней его стороне – Нижний Мир, т.е Царство Мертвых. Эти два мира разделяло Океан-море, омывавшее Землю. Над Землей, подобно яичным пленкам в скорлупе, нависали девять различных небес. У каждого из девяти небес имела своя функция: по одному перемещалось солнце, по другому – месяц, по третьему – звезды, по четвертому – тучи, по пятому – ветры и т.д. Все части славянской вселенной – Нижний Мир, Верхний Мир и девять небес связывал воедино центральный столп мироздания – Мировое Древо”. Zob. *Яйцо*, [в:] О.В. Вовк, *Энциклопедия знаков и символов*, Вече, Москва 2006, с. 162.

⁹ Zob.: *Яйцо*, [в:] Дж. Тресиддер, *Словарь символов*, пер. с английского С. Палько, ФАИР-ПРЕСС, Москва 1999, с. 196–197.

¹⁰ Zob. В.Н. Топоров, *Хаос первобытный*, [в:] *Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах*, глав. редактор С.А. Токарев, т. 2, Советская Энциклопедия, Москва 1992, с. 581.

Я далекий, я нездешний,
На земле я только миг (50).

Należy w tym miejscu zwrócić uwagę na koncept „миг”, który w poezji okresu Srebrnego Wieku posiadał znaczenie szczególne: „Миг воспринимался поэтами как окно в вечность. Уделяя огромное значение мигу, поэты Серебряного века наполняют содержание мгновенного вечным, изображают вечность в миге и миг в вечности”¹¹. Można więc powiedzieć, iż wszystko to, co się wydarzyło, każde najkrótsze i najmniej znaczące wydarzenie zostawi ślad w wieczności. Pisz o tym Konstantin Balmont, nazywany twórcą filozofii „chwili” („философия мгновения”)”¹²: „Мгновенья всегда единственны. Они слагались в свою музыку, я был их частью, когда они звенели. Они отзвенели и навеки унесли с собой свою тайну”¹³. Ogromną wartość chwili w życiu każdego człowieka dostrzegał także Briusow: „Не человек – мера вещей, а мгновение. Истинно то, что признаю я, признаю теперь, сегодня, в это мгновение”¹⁴. Współczesny badacz poezji Walerija Briusowa powiada: „мгновение понимается как акт интуитивного познания инобытия, являющегося сущностью мира”¹⁵.

Można więc sądzić, że podmiot liryczny wiersza Gorodieckiego, zesłany na ziemię jedynie na określony czas, ma do odegrania ważną rolę: będąc sam sobie panem („Сам – господь своих вериг”), obdarza życiem otaczający go świat, przyrodę. Leksemy „расцветает”, „голубеет”, „зеленеет” wskazują, że pod wpływem jego siły świat się przeobraża. Szara, pozbawiona koloru przyroda, za sprawą „ja” lirycznego nabiera barw, kwitnie. Można więc mniemać, że podmiot liryczny, mimo że jest rodzaju męskiego, pełni rolę wiosny, na co wskazuje przymiotnik „вешний”:

Всюду вечный, здесь я вешний,
Сам – господь своих вериг.

Расцветает, голубеет,
Зеленеет – это я (50).

Gdy jego rola zostanie spełniona (przyroda ożyje), zostanie wezwany:

¹¹ И.С. Иванова, *Миг и вечность в поэзии Серебряного века*, „Русская речь” 2007, № 3, с. 15.

¹² К. Balmont pisał: „Я живу слишком быстрой жизнью и не знаю никого, кто так любил бы мгновенья, как я. Я иду, я иду, я ухожу, я меняю и изменяюсь сам. Я отдаюсь мгновенью, и оно мне снова открывает свежие поляны. И вечно цветут мне новые цветы”. К. Бальмонт, *Из записной книжки*, [в:] К. Бальмонт, *Полное собрание стихов*, т. 2, Скорпион, Москва 1914, с. 12.

¹³ Тамże.

¹⁴ В.Я. Брюсов, *Истины. Начала и намеки*, [в:] В.Я. Брюсов, *Сочинения в двух томах*, т. 2: *Статьи и рецензии: 1893–1924. Из книги „Далекое и близкое”. Miscellanea*, вступит. ст. Д.Е. Максимова, сост. Д.Е. Максимова, Р.Е. Помирного, коммент. Р.Е. Помирного, Художественная литература, Москва 1987, с. 55.

¹⁵ С. Давтян, *Своеобразие образно-тематической конструкции первой патетической симфонии Брюсова «Воспоминание»*, [в:] *Брюсовские чтения 1996 года*, ред. С. Золян и др., Лингва, Ереван 2001, с. 137.

Посветлеет, заалеет –
Это зов: зовут меня (50).

Do czego zostaje wezwany podmiot liryczny? Zanim poznamy odpowiedź na to pytanie, kolejne dwa wiersze cyklu przybliżą nam istotę „ja” lirycznego. Okazuje się, że jest nim niejako cały świat, gdyż łączy w sobie wszystkie żywioły: wodę, powietrze, ziemię i ogień:

Я, как ветер, над вселенной
Быстро, вольно пронесусь
И волною многопенной
В море вечное вернусь.

Я у солнца взял сиянье,
Сны о счастье — у луны,
У земли — ее страданье,
Силу жизни — у весны.

И рождаюсь, зажигая
Все родные корабли,
Чтоб от края и до края
Жизнь мою огни сожгли (50).

Odpowiedź na pytanie dotyczące powołania podmiotu lirycznego znajdujemy w cyklu wierszy *Рождение*. Zasadnym wydaje się odwołanie do niego, gdyż ukazuje on, jaką rolę musiał spełnić podmiot liryczny przed swoim odejściem. Widzimy, że wszechogarniająca przyroda i jej światło dociera do każdego zakątka:

Свет зеленый, свет небесный
Входит в узкое окно.
В этой башне, тихой, тесной,
Всё им, ласковым, полно (57).

Opisanie owej metamorfozy natury, zachodzącej dzięki działalności światła, nasuwa skojarzenie z myślą rosyjskiego badacza Michaiła Epsteina. Pisz on o istotnej roli światła w metamorfozie przyrody:

Преображение природы представляется прежде всего как небывалое усиление света, заливающего всю планету [...]. Свет – главный, обобщающий символ всего высокого и духовного в человеческой жизни, поэтому преобразование природы – это прежде всего высветление ее изнутри¹⁶.

Co więcej, w analizowanym wierszu podkreślony został wyjątkowy status „ja” lirycznego – jego duch, czyli to, co według arcybiskupa Łukasza (Walentego

¹⁶ М. Эпштейн, *Стихи и стихи. Природа в русской поэзии XVIII–XX вв.*, Бахрах-М, Самара 2007, с. 215.

Wojno-Jasienieckiego) bezpośrednio wiąże człowieka z Bogiem¹⁷, może spojrzeć na Boże oblicze:

Дух мой, небом не смущенный,
Видит Божие лицо.
Мне так ясно (57).

Znaczenie twarzy podkreśla Jan Ciesnow: „самая таинственная и самая загадочная часть нашего тела – лицо. Сейчас мы воспринимаем лицо человека как эквивалент его внутренней духовной сущности”¹⁸. Można więc sądzić, że podmiot liryczny analizowanego wiersza Gorodieckiego doszedł najwyższego zaszczytu.

Ponownie podkreślona została koncepcja apokatastazy:

Просветленный,
Я разбил свое кольцо.

Всё так мирно. Всё, что будет,
Свет неведомый несет.
Капли в мире не убудет,
Время взятое вернет (58–59).

Następnie podmiot liryczny przechodzi do przedstawienia swojej wybranki, z którą ma dokonać swego przeznaczenia. Na uwagę zasługuje opis gorącej namiętności między kochankami, do którego autor wykorzystał symbolikę ognia:

Ты была самой любовью,
Ты огнем ее была.
По тебе горячей кровью
Страсть бессонная текла (58).

Predestynacją kobiety okazuje się być poczęcie nowego życia, na które bohaterka z niecierpliwością oczekuje:

Ты любовно принимала
Силу жизни и звала
Образ первого начала —
Ты зачатия ждала (58).

¹⁷ С. Матвеев, *Тема «Сердце» в трактате Луки (Войно-Ясенецкого) Дух – душа – тело*, [в:] „*Жизнь сердца*”. *Duch – dusza – ciało i relacja Ja-Ty w literaturze i kulturze rosyjskiej XX–XXI wieku*, red. M. Cymborska-Leboda, A. Gozdek, R. Rybicka, J. Tarkowska, M. Ułanek, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2012, s. 76.

¹⁸ Я.В. Чеснов, *Телесность человека: философско-антропологическое понимание*, ИФ РАН, Москва 2007, s. 50.

Jak możemy zobaczyć dalej, podmiot liryczny niejako zaklina rzeczywistość, daje wytyczne początemu życiu, nakazuje mu kontynuowanie swego dzieła, a nawet zastąpienie go w tym, czego sam nie był w stanie dokonać. Podkreśla, by wykorzystał jego spuściznę do tworzenia piękna i życia:

И на моем вздыми лугу
Цветы от твоего огня. (59)

Co więcej, w analizowanym wierszu odczytujemy wyraz najwyższej miłości podmiotu lirycznego do swego potomka. Uobecnia się ona w formule „ты еси”, odsyłającej do Wiacesława Iwanowa, według którego „[...] нельзя любить, не сказав «Ты еси»”¹⁹:

Скатилась семенем звезда:
Да будет сын. И ты еси.
Туга всемирная узда —
Свое звено в цепи неси.

Тебя в отце благословил
Всевосполняющий урон.
Иди сюда. В течение сил
Тобою сбудется мой сон. (59)

Badając twórczość Iwanowa, Maria Cymborska-Leboda konstatuje:

Формула „Ты еси”, как символ проникновения, душевного проникания Другого, знаменательна. Она опровергает постулат, близкий кантовской логике, согласно которому „Я обязан отчетом только перед собой...”, так как я вправе заявить „аз есмь”. Данная логика самоограничивает, или, по Иванову, устанавливает „кольцо обособленного сознания”, в то время как логика „Ты еси” полагает создание *кольца Любви*. По убеждению поэта, оно „воистину есть”, достаточно только человеку „действительно полюбить”²⁰.

„Ja” liryczne porównuje swą rolę dającego życie do ciężkiej pracy na roli, a więc podświadomie odsyła do przypowieści o siewcy:

Когда же, зноем утоленный,
Как пахарь, в поле утомленный,
Я оросил твои поля (59).

Odnajdujemy w tym wierszu także echa mitu o zaślubinach nieba i ziemi:

В Древней Греции во время элевсинских мистерий участники их говорили, обращаясь к небу: „пролейся дождем”, а обращаясь к земле: „будь беременна”. Плутарх

¹⁹ В. Иванов, *Собрание сочинений*, т. 3, Foyer Oriental Chrétien, Брюссель 1979, с. 293.

²⁰ М. Цимборска-Лебода, *Эрос в творчестве Вячеслава Иванова. На пути к философии любви*, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2002, с. 44.

сообщает: „Люди приписали небу отправление должности отца, а земле — отправление обязанности матери. Небо было отцом потому, что оно посредством дождей изливало семя в недра земли, земля, воспринимая это семя, делалась плодородною и матерью”²¹.

U Gorodieckiego czytamy:

И твой ребенок златокудрый
Своим младенчеством премудрый,
Родился от моих небес (60).

Co więcej, narodziny dziecka są niejako zmartwychwstaniem, odrodzeniem podmiotu lirycznego – zmęczony życiem na nowo staje się młodzieńcem (zwinnym, rumianym), życie zatacza krąg:

И в нем я, в жизни обнищалай,
Как прежде, ветреный и алый,
Так совершенно воскрес (60).

Wydaje się, że po spełnieniu swego przeznaczenia bohater liryczny może opuścić ziemię. Przebieg jego odejścia możemy śledzić w cyklu *Смерть* (1905–1906). Zwrócenie się ku tematyce śmierci poeta wyjaśnia w następujący sposób:

Весной того же катастрофического для царской России 1904 года под влиянием несчастной войны от моего подсознания пластами стали мучительно отставать пережитки старого верования, как будто утверждающего гармонию в мире и душе каждого человека. Юноши моего круга в те годы переживали поражение родины как свою собственную гибель. Тема смерти вскоре вспыхнула и среди моих юношеских жизнерадостных стихов²².

Cykl pięciu wierszy połączonych wspólnych tytułem *Смерть* powstawał nieco ponad rok: od 1 września 1905 roku do 24 października 1906 roku. Warto zwrócić uwagę, że autor nie opublikował tych utworów w kolejności chronologicznej. Wiersz zamieszczony w zbiorze dzieł Gorodieckiego jako rozpoczynający cykl został napisany 14 maja 1906 roku, drugi – 1 września 1905 roku, trzeci – 24 października 1906 roku, czwarty – 5 maja 1906 roku, a piąty – w kwietniu 1906 roku (bez daty dziennej). Widzimy więc, że chronologicznie pierwszy utwór zamieszczono jako drugi. Zabieg ten nieco utrudnia czytelnikowi zrozumienie cyklu, gdyż dopiero po przeczytaniu wierszy w kolejności ich powstawania opowiadana historia układa się w jedną całość.

Chronologicznie pierwszy (napisany 1 września 1905), a graficznie drugi wiersz o incipicie *Пришла и постучалась...* opisuje przyjście antropomorfizowanej śmierci do bohatera lirycznego. Jej fizjonomia jest zgoła ludzka: podmiot liryczny

²¹ М.И. Шахнович, *Мифы о сотворении мира*, <https://history.wikireading.ru/392497> [dostęp: 10.01.2018].

²² С. Городецкий, *Мой путь*, [в:] С. Городецкий, *Жизнь неукротимая. Статьи, очерки, воспоминания*, Современник, Москва 1984, с. 8.

dostrzega na twarzy oko i okalającą je brew, czoło, ponadto włosy i rękę. Wykonuje ona też zwykłe czynności ludzkie: chodzi, mówi, siada, patrzy. Znamienne, że owa postać śmierci łączy cechy kulturalnego „ludzkiego” gościa (*Пришла и постучалась*. [61]) i cechy istoty nadprzyrodzonej (*Не я ее выпустил* [61]) – bez pomocy protagonisty znalazła się ona wewnątrz pomieszczenia, pozostawiając na drzwiach niezwykle ślad:

На двери тень осталась,
Печать нездешних сил (61).

Również jej wygląd zewnętrzny owiany jest tajemnicą – jej twarz skryta jest za zasłoną i dopiero w momencie ostatecznego spotkania ujawnia się przed podmiotem lirycznym:

Поднявши покрывало,
Лицо мне показала (61).

Zgodnie z niektórymi wierzeniami zobaczywszy oblicze śmierci człowiek natychmiast umiera. Prawdopodobnie w wierszu Gorodieckiego podkreślono, że śmierć przyszła właśnie po bohatera lirycznego, jej wizyta nie jest przypadkowa. Pokazuje ona twarz właśnie jemu, a więc to jego chce zabrać ze sobą, nie kogoś innego. To, co zobaczył bohater liryczny pod zasłoną, przeraziło go:

Ужасен был изгиб
Одной брови над глазом.
Зрачок горел алмазом (61).

Mowa jest o jednej brwi i jednej źrenicy, nie jest jednak do końca jasne, czy śmierć z wiersza Gorodieckiego jest jednooka. Znamienne jest jednak to, że blask źrenicy porównany jest do diamentu. Ponadto został tu zaakcentowany związek z żywiołem ognia („горел”). Wzmocniony zostaje więc blask diamentu, symbolizującego przeciwieństwo słońce i światło. Jako najtwardszy ze wszystkich kamieni, diament kojarzy się ze stałością, stabilnością i nieprzekupnością²³. Można więc w związku z tym mniemać, że decyzja śmierci dotycząca wezwania bohatera lirycznego do siebie i jej zamiary są nieodwracalne.

Należy zauważyć, że śmierć z wiersza Gorodieckiego posiada zdolność metafizycznego patrzenia w serce:

И, медленная, села
И в сердце мне глядела,
И сердце холодело,
И сердце замерло (61).

²³ Zob. Алмаз, [в:] *Энциклопедия. Знаки, символы, эмблемы*, ред. В. Андреева, ООО Издательство Астрель; ООО Издательство АСТ, Москва 2004, с. 29.

Maria Cymborska-Leboda, poddając refleksji badawczej dzieła wybitnych myślicieli rosyjskich, takich jak Florenski, Gerszenzon, Wyszesławcew, Iljin, Karsawin i in. powiada, że „koncept «serce» jest istotną częścią dyskursu antropologicznego i wiąże się z personologią filozoficzną – z pojmowaniem człowieka jako osoby, posiadającej hierarchiczną, trychotomiczną strukturę (duch-dusza-ciało)”²⁴. Badaczka podkreśla ponadto, że Wyszesławcew, wyróżniając siedem poziomów owej trychotomicznej struktury człowieka, najwyżej stawia właśnie serce²⁵. Co więcej, „сердце оказывается вместилищем морального (религиозного) сознания, высшим критерием нравственной оценки и достоинства поступка, восприятия красоты и безобразия мира”²⁶. Nie bez znaczenia jest fakt, że serce bohatera lirycznego wiersza Gorodieckiego dotykał nieznany chłód, który w interpretacji Aleksandra Potiebni wyraża ścisły związek ze słowami oznaczającymi „smutek”, „zmartwienie”, „okrucieństwo”²⁷.

Wydawać by się mogło, że w rezultacie wizyty tajemniczego, niezwykle gościa podmiot liryczny umiera: *и сердце замерло* (61). Jednak w kolejnym (chronologicznie) wierszu cyklu czytamy, że bohater liryczny, mimo że znajduje się w trumnie, nie utracił zdolności percepcji ani możliwości ruchu:

Я в гробу лежу и слышу:
Ветер дышит надо мной.
Я локтем приподнял крышу,
Стонет гроб мой парчевой (62).

Warto zauważyć, że bohater liryczny mając świadomość swej sytuacji i faktu, że powinien być martwy, animizuje otaczające go elementy: według niego wiatr odrycha, a trumna jęczy. Zabieg ten ma na celu ukazanie kontrastu między tym, co powinno być martwe i powinno tkwić w bezruchu, a tym, co pozostaje żywe. Jednak tak się nie stało, gdyż „ja” liryczne jest w stanie unieść wieko swej trumny. To, co widzi, nie napawa optymizmem:

Щель темна, узка и скрыта (62).

Wyraża to związek z tradycją kulturową; wszak Aleksander Brückner, badając mitologię Słowian, jako krainę smutną, ciemną i chłodną charakteryzował zaświaty²⁸. Nasila to uczucie ciężkości, ciasnoty, grozy, a nawet niebezpieczeństwa, w jakim znajduje się bohater liryczny wiersza Gorodieckiego. Ciasnota przestaje być tylko dyskomfortem w sensie fizycznym, staje się także ciasnotą w sensie metafizycznym. Jak powiada Aleksandr Machow: „одним из адских мучений, должна,

²⁴ M. Cymborska-Leboda, *Słowo wstępne*, [w:] „*Życie serca*”..., s. 10.

²⁵ М. Цимборска-Лебода, *Ното cordis absconditus. Текст сердца и фигуры сердца в русской философии и литературе XX века (введение в тему)*, [w:] „*Życie serca*”..., s. 20.

²⁶ Tamże, s. 19.

²⁷ А.А. Потебня, *Слово и миф*, Правда, Москва 1989, s. 305.

²⁸ A. Brückner, *Mitologia słowiańska i polska*, PWN, Warszawa 1985, s. 259.

вероятно, служить его теснота – и отсюда представление об аде как замкнутом пространстве [...]; крепости с узким входом”²⁹.

Z kolejnego wiersza cyklu (zamieszczonego w tomie pod numerem „4”), dowiadujemy się, że bohater liryczny sam siebie pogrzebał w swoim umyśle. Wykonał bowiem typowe dla pogrzebu czynności: opłakał zmarłego, pochował, zmówił modlitwę pożegnalną, postawił krzyż na mogile:

Я оплакал себя, схоронил,
Отходную себе произнес³⁰.
Новый крест в куче старых могил
Бугорок надо мною вознес (62).

Jednak czynności te nie przyniosły ukojenia, bohater liryczny nadal pozostaje bezradny:

И не знаю, что делать теперь,
Что мне делать теперь без меня (62).

Nie bez znaczenia jest fakt, że planuje on przez dziewięć dni przygotowywać się do wyjścia:

Обметая могильную дверь,
Поживу до девятого дня (62).

Znamienna w związku z tym jest symbolika liczby dziewięć. „Девятка – это утроенная триада, символ абсолютного совершенства и законченности”³¹. To właśnie przez dziewięć miesięcy dojrzewa płód w łonie matki. Być może więc w wierszu Gorodieckiego po upływie dziewięciu dni nastąpią symboliczne ponowne narodziny bohatera lirycznego, a więc dokona się apokatastaza? Co więcej, „В мистицизме «девять» считается тройственным синтезом мысли, тела и духа или загробного мира, земли и неба”³². Jak zobaczymy w kolejnym wierszu cyklu, taką właśnie syntezę myśli bohatera lirycznego, ciała (przebywającego w grobie) i ducha („podróżującego” na ziemię), a także syntezę świata podziemnego (przebywanie w grobie), ziemi i nieba (opisanych w kolejnym wierszu) wyraża liczba dziewięć.

Wydaje się, że w czwartym chronologicznie wierszu (a graficznie pierwszym) bohater liryczny przez wąską szczelinę swego grobowca widzi świat zewnętrzny. Miejsce swego przebywania porównuje do miejsca bitwy, a konkretniej – do otworu strzelniczego. Przez tenże otwór widoczne jest niebo, które określane jest jako bezokie i puste, a więc niczego nie widzące i niczym się nieinteresujące:

²⁹ Zob. Ад, [в:] А.Е. Махов, *Сад демонов. Словарь inferнальной мифологии средневековья и возрождения*, Intrada, Москва 2007, с. 22.

³⁰ Wiersz ten Gorodiecki wysłał Błokowi w liście z dnia 28 czerwca 1906 roku. Drugi wers brzmiał: „И могильную речь произнес”. В.П. Енишерлов, *Комментарии*, [в:] С. Городецкий, *Избранные произведения...*, с. 427.

³¹ Zob. Числа, [в:] О.В. Вовк, *Энциклопедия...*, с. 45.

³² Zob. Девять, [в:] Дж. Тресиддер, *Словарь...*, с. 33.

Глядит в отверстие бойницы
Всё тот же синий небосвод.
Всё тот же синий и безглазый (60).

Może to sugerować, że podmiot liryczny czuje się opuszczony przez Boga i pozostawiony sam sobie. Jedynym przejawem Jego istnienia są krople deszczu, porównywane do diamentów (podobnie jak oczy śmierci). W ten sposób zaakcentowano związek śmierci z niebem:

И в синеве своей пустой
Струящий мелкие алмазы
На иглы башни кружевной (60).

Z nieznanych protagoniście powodów antropomorfizowane niebo śmieje się i dąży do tego, by dusza człowieka zapadła w sen, a ten, jak wiadomo, w tradycji kulturowej uważany jest za brata śmierci:

Всё тот же синий и смешливый,
Но чем смеется — не узнать.
Торопит в сонные заливы
Души разлившуюся гладь (60).

Przebywając w takim zawieszeniu protagonista traci poczucie czasu:

Проходит год или мгновенье,
Не различить, не уловить (60).

Traci również nadzieję na powrót do świata żywych, symbolem czego jest tutaj przerwana nić. Nasuwa to bezpośrednie skojarzenia z mitologicznym labiryntem i nicią Ariadny:

Истлела в мертвом цепенье
Возврата порванная нить (60).

Podmiot liryczny podkreśla statyczność, a zarazem obojętność niebios wobec jego sytuacji. W wierszu trzykrotnie powtarza się określenie „Всё тот же синий”. Niebiosa nieustannie śmieją się z niewiadomego powodu (a więc podobnie jak wiatr czy trumna opisywane w poprzednich wierszach poddawane są procesowi antropomorfizacji). Końcowe słowa wiersza sugerują, że podmiot liryczny już nie żyje i nie jest w stanie się bronić ani odpowiedzieć na śmiech:

О, череп белый, прозорливый,
Умей же смеху отвечать! (61)

Kolejny cykl zatytułowany *Отец и сын* stanowi niejako ukazanie egzystencji podmiotu lirycznego, który po śmierci nadal czuwa nad światem. Opisuje on miejsce swego przebywania „na końcu świata”:

Над провалами, за увалами,
Над скалами немалыми,
В облачных обрывах,
На закатных нивах,
Где миру конец —
Моя обитель (63).

Ponownie łączy on w sobie przeciwności – ojciec i syn, niszczyciel i stwórca, podkreślając, że panował od wieków, panuje obecnie i będzie sprawował władzę na wieki:

От века я властвую,
Отец и губитель;
Ныне я властвую,
Сын и зиждитель;
Навеки я властвую,
Дух и творец (63).

Jak powiada Mircea Eliade: „всякое творение повторяет в высшей степени космогонический акт – Сотворение Мира”³³, toteż podmiot liryczny wiersza Gorodieckiego utożsamia się z Bogiem, stwórcą wszechświata:

Я захотел — и мир сияет:
Планеты, солнце и земля (63).

Jednak jest on niejako Jego zaprzeczeniem, gdyż dzień siódmy, według Biblii przeznaczony na świętowanie i czczenie Boga, w wierszu Gorodieckiego jest przepełniony pustką:

Но день седьмой пустой зияет, —
Так воля волила моя (63).

Podmiot liryczny podkreśla swą wszechogarniającą władzę oraz nieustanność istnienia, zataczanie kręgu przez wszelkie istnienie:

И заменю миры иными,
И снова им небытие,
Зане над долами земными
Пребудет царствие мое (64).

Jak widać z przeprowadzonych analiz i interpretacji, w wierszach Gorodieckiego odnajdujemy wyraz jego kosmogonii: wiarę w cykliczny rytm życia i przyrody, nieustanne umieranie i odradzanie się. Jak powiada, cytowana już, Larisa Pawłowa:

³³ М. Элиаде, *Миф о вечном возвращении (архетипы и повторение)*, [в:] М. Элиаде, *Избранные сочинения*, пер. А.А. Васильева, Ю.Н. Стефанов, Н.К. Гарбовский, Ладомир, Москва 2000, с. 35.

„У Городецкого модель, которая соответствует процессу человеческого бытия, – это кольцо. Все начинается с Хаоса и Света”³⁴. W kolejnych wierszach tomu *Ярь* obserwujemy kontynuację tego cyklu.

Literatura

- Brejdak J., *Ewangelia Zaratustry*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2014.
- Brückner A., *Mitologia słowiańska i polska*, PWN, Warszawa 1985.
- Nietzsche F., *Wola mocy*, tłum. K. Drzewiecki, S. Frycz, Wyd. vis-à-vis. Etiuda, Kraków 2009.
- „*Życie serca*”. *Duch – dusza – ciało i relacja Ja-Ty w literaturze i kulturze rosyjskiej XX–XXI wieku*, red. M. Cymborska-Leboda, A. Gozdek, R. Rybicka, J. Tarkowska, M. Ułanek, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2012.
- Бальмонт К., *Из записной книжки*, [в:] К. Бальмонт, *Полное собрание стихов*, т. 2, Скорпион, Москва 1914.
- Блок А., *Письма к родным*, т. 1, Academia, Ленинград 1927.
- Блок А., *Собрание сочинений в 8-ми томах*, т. 5, Государственное издательство художественной литературы, Москва–Ленинград 1962.
- Брюсов В.Я., *Истины. Начала и намеки*, [в:] В.Я. Брюсов, *Сочинения в двух томах*, т. 2: *Статьи и рецензии: 1893–1924. Из книги „Далекие и близкие”. Miscellanea*, вступит. ст. Д.Е. Максимова, сост. Д.Е. Максимова, Р.Е. Помирного, коммент. Р.Е. Помирного, Художественная литература, Москва 1987.
- Вовк О.В., *Энциклопедия знаков и символов*, Вече, Москва 2006.
- Городецкий С., *Избранные произведения*, т. 1: *Стихотворения*, Художественная литература, Москва 1987.
- Городецкий С., *Мой путь*, [в:] С. Городецкий, *Жизнь неукротимая. Статьи, очерки, воспоминания*, Современник, Москва 1984.
- Давтян С., *Своеобразие образно-тематической конструкции первой патетической симфонии Брюсова „Воспоминание”*, [в:] *Брюсовские чтения 1996 года*, ред. С. Золян и др., Лингва, Ереван 2001.
- Иванов В., *Собрание сочинений*, т. 3, Foyer Oriental Chrétien, Брюссель 1979.
- Иванова И.С., *Миг и вечность в поэзии Серебряного века*, „Русская речь” 2007, № 3, с. 12–16.
- Махов А.Е., *Сад демонов. Словарь inferнальной мифологии средневековья и возрождения*, Intrada, Москва 2007.
- Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах*, глав. редактор С.А. Токарев, т. 2, Советская Энциклопедия, Москва 1992.
- Павлова Л., *Парадигмы 1907 года: „Ярь” Сергея Городецкого и „Эрос” Вячеслава Иванова*, автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Смоленск 1994.
- Потебня А.А., *Слово и миф*, Правда, Москва 1989.
- Тресиддер Дж., *Словарь символов*, пер. с английского С. Палько, ФАИР-ПРЕСС, Москва 1999.

³⁴ Л. Павлова, *Парадигмы...*, с. 11.

Цимборска-Лебода М., *Эрос в творчестве Вячеслава Иванова. На пути к философии любви*, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2002.

Чеснов Я.В., *Телесность человека: философско-антропологическое понимание*, ИФ РАН, Москва 2007.

Шахнович М.И., *Мифы о сотворении мира*, <https://history.wikireading.ru/392497>.

Элиаде М., *Миф о вечном возвращении (архетипы и повторение)*, [в:] М. Элиаде, *Избранные сочинения*, пер. А.А. Васильева, Ю.Н. Стефанов, Н.К. Гарбовский, Ладомир, Москва 2000.

Энциклопедия. Знаки, символы, эмблемы, ред. В. Андреева, ООО Издательство Астрель; ООО Издательство АСТ, Москва 2004.

Эпштейн М., *Стихи и стихи. Природа в русской поэзии XVIII–XX вв.*, Бахрах-М, Самара 2007.

Концепт апокатастасиса в избранных стихотворениях

Сергея Городецкого из сборника «Ярь»

Резюме

В настоящей статье предметом интерпретации являются стихотворения Сергея Городецкого из сборника *Ярь*. Поэтическое творчество Городецкого рассматривается в контексте народных верований. Посредством анализа разнообразных поэтических характеристик лирического героя в произведениях Городецкого воссоздаются контексты художественного мышления поэта и прослеживаются отсылки к разным пластам культурной традиции. Обращаем внимание на факт, что Городецкий указывает на связь человеческого существования со стихией земли, воздуха и огня. Кроме анализа проблемы, указанной в заглавии, в настоящем исследовании мы делаем попытку ответа на вопрос, как она соотносится с философскими взглядами поэта, с его мировоззрением.

Ключевые слова: апокатастасис, смерть, народные верования, фольклор, вечное возвращение, стихия

The Concept of Apocatastasis in Siergiej Gorodetsky's Selected Works from Collection of Poems *Yar* (*Ярь*)

Abstract

The matter of analysis in this paper are poems of Sergey Gorodetsky from collection of poems *Yar* (*Ярь*). Gorodetsky's poetic work is considered through a context of folk beliefs. Through analysis of various poetic characteristics of lyrical subject in Gorodetsky's poems, contexts of poet's artistic thinking are recreated and links to different layers of culture tradition are traced. We focus on the fact, that Gorodetsky indicates the relation of human existence with elements of earth, air and fire. Except for analysis of problem, mentioned in a title, in this research we tend to give an answer to a question, how it correlates with philosophical views of the poet, with his worldview.

Key words: apocatastasis, death, folk beliefs, folklore, eternal return, element

Agnieszka Potyrańska, dr
Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie
Instytut Germanistyki i Lingwistyki Stosowanej

Agnieszka Potyrańska, dr
Maria Curie-Skłodowska University,
Institute of German Studies and Applied Linguistics
e-mail: agnieszka.potyrska@poczta.umcs.lublin.pl
tel.: +48 792220419

Agnieszka Ścibior

«Прихоть истории»: к рецепции***Бурной жизни Лазика Ройтшванеца*****Ильи Эренбурга в российской и польской критике**

В одном из писем Евгению Замятину Ильи Эренбург (1891–1967) по поводу романа *Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца* отмечает: «Теперь буду кончать моего Ройтшванеца, который выйдет, вероятно... в переводах»¹. Писатель, по-видимому, предчувствовал, что «книга о том, что маленькому человеку нет счастья и покоя, а если он, к тому же, еще и еврей, то нет и места на земле»² будет обречена на издательский неуспех. Действительно, *Бурная жизнь...*, впервые вышедшая в свет в Париже в 1928 году, в довоенной и послевоенной Польше била рекорды популярности, о чем будет сказано в дальнейшем, в то время как на родине автора ее издание было запрещено почти до распада СССР. Именно поэтому интересно исследовать путь и характер восприятия эренбургского романа российской и польской литературной критикой. Материалом для исследования послужат в основном предисловия, статьи, очерки, отзывы, размещенные как в российских, так и польских газетах и журналах, а также среди прочего фрагменты писем Эренбурга.

1. Российская критика. Бесспорно, немаловажным источником сведений об истории возникновения *Бурной жизни...* являются труды российского историка литературы Бориса Фрезинского³. Например, в написанных им *Комментариях*⁴ к *Собранию сочинений* Эренбурга, воспроизведено множество деталей, касающихся истории возникновения романа, поэтому в данной статье не будем вновь подробно на них останавливаться, а коснемся лишь некоторых аспектов. Итак, замысел создания романа, по словам исследователя, появился у автора *Бурной жизни...* в 1927 году. Источник вдохновения писателя – это, во-первых, роман Ярослава Гашека *Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны*, во-вторых, хасидские легенды в переводе на немецкий

¹ Цит. по: Б.Я. Фрезинский, *Комментарии*, [в:] И.Г. Эренбург, *Собрание сочинений*, т. III, Художественная литература, Москва 1991, с. 577.

² Там же, с. 578.

³ Напр., Б.Я. Фрезинский, *Об Илье Эренбурге (Книги, люди, страны): Избранные статьи и публикации*, «Новое литературное обозрение», Москва 2013.

⁴ Б.Я. Фрезинский, *Комментарии...*

язык, осуществленном Мартином Бубером. И хотя на русском языке эти легенды никогда не были изданы, Эренбург познакомился с ними благодаря еврейскому писателю Ойзеру Варшавскому⁵. Об этом пишет и сам писатель в мемуарах *Люди, годы, жизнь*. Приведем в качестве иллюстрации сказанного фрагмент:

В конце двадцатых годов я познакомился на Монпарнасе с еврейским писателем из Польши Варшавским, с его друзьями. Они мне рассказывали смешные истории о суевериях и хитроумии старозаветных местечковых евреев. Я прочитал сборник хасидских легенд, которые мне понравились своей поэтичностью. Я решил написать сатирический роман. [...] Я описал наших нэпманов и захоластных начетчиков, польских ротмистров эпохи санации, немецких мещан, французских эстетов, лицемерных англичан. [...] Моего героя западные критики называли «еврейским Швейком»⁶.

Кстати, попутно нельзя не отметить, что конец 20-х годов XX века складывался для Эренбурга далеко не гладко, поскольку советские издательства отказались печатать его роман *Белый уголь, или Слезы Вертера*. К тому же *Рвач* стал запрещен, а издание романа в *Проточном переулке* тоже оказалось невозможным⁷. Возвращаясь к только что процитированному фрагменту, остановимся на словах «сатирический роман». Именно сатирический характер *Бурной жизни*... – это, кажется, главная причина, говоря словами Фрезинского, «непроходимости» романа, в котором – замечает Венедикт Сарнов, русский литературовед и литературный критик – «жало художественной сатиры было направлено в самые разные стороны. И в советскую власть. И в еврейский местечковый быт [...]»⁸. Нелепые ситуации, в которые попадает эренбурговский герой, естественно, напрямую чередуются с советской действительностью. Достаточно вспомнить хотя бы гражданку Пуке, обвиняющую Лазика в якобы контрреволюционных вздохах (доносительство); разведение короликов на бумаге (бюрократизм) или предисловие Лазика к роману *Мыловаренный гуд* Архипа Стойкого (насмешка над «шедеврами» пролетарской литературы). Подобных примеров, конечно, можно было бы привести гораздо больше, но не вдаваясь в излишние подробности, перейдем теперь к фрагментам корреспонденции Эренбурга.

25 июля 1927 года писатель в письме Елизавете Полонской, подруге, русской писательнице и поэтессе, охарактеризовал *Бурную жизнь*... следующими словами: «Это – современность глазами местечкового еврея. Метод осмеяния – чрезмерная логичность»⁹. О Лазики Эренбург писал Полонской еще раз в письме от 24 сентября 1927 года:

⁵ См. там же.

⁶ И.Г. Эренбург, *Люди, годы, жизнь*, т. IX, кн. VI, [в:] И.Г. Эренбург, *Собрание сочинений в девяти томах*, Художественная литература, Москва 1967, с. 570.

⁷ Б.Я. Фрезинский, *Комментарии*...

⁸ Б.М. Сарнов, *Случай Эренбурга*, Эксмо, Москва 2006, с. 206.

⁹ Б.Я. Фрезинский, *Письма Ильи Эренбурга Елизавете Полонской 1922–1966*, «Вопросы литературы» 2000, № 2, <http://magazines.russ.ru/voplit/2000/2/eren.html> [до-

Я вернулся в Париж и думаю кончить Ройтшванеца. Почему он Лазик? «Я сказал себе *лезь, Лазик!*, и я лезу». Тебе понравился Швейк? По-моему, это замечательная книга. Меня она совершенно потрясла¹⁰.

Действительно, потрясать может уже само заглавие романа, а точнее, фамилия героя. Напомним, как Лазик подтрунивает над всякого рода переименованиями (это тоже признак сатиры), например над тем, что «Семейные бани» стали «Красными банями». Однако объясняя свою фамилию, герой настаивает на том, что первая ее часть, т.е. «ройт» («красный») присутствовала изначально, а не появилась вследствие политической конъюнктуры. В качестве иллюстрации обратимся к тексту Эренбурга:

А я от рождения – Ройтшванец [...]. В самой фамилии мне сделан тонкий намек. Но я вижу, что вы ничего не понимаете, так я объясню вам: «Ройт» – это значит «красный». Товарищ Горбунов усмехнулся и со скуки спросил: – Так... а что же значит «шванец»? [...] «Шванец» – это ничего не значит. Это пустой звук¹¹.

Вторая часть фамилии – другое дело. «Шванец» – это отнюдь не «пустой звук»: в сленге идиш «schwantz» означает, эвфемично говоря, мужской половой орган¹², или, по словам упомянутого уже Сарнова, «то же, что русское слово *хер*»¹³. Кстати, даже рассказчик, кажется, насмехается над фамилией «Ройтшванец», что видно из фрагмента: «А фамилия... Можно ли гулять под ручку с человеком, у которого такая глупая фамилия? *С кем идет Раечка? – Да с Ройтшванецем... – Хи-хи*»¹⁴. Таким образом, думается, что лексическое значение фамилии героя тоже «работало» на издательскую неудачу романа в «благопристойном» советском пространстве, о которой будет сказано ниже.

Итак, когда роман был готов, писатель отослал рукопись в московское издательство «Круг», но оно отказалось печатать книгу. Год спустя, т.е. в январе 1928 года, в издательстве «Геликон» вышло парижское издание *Бурной жизни...* и в том же году в издательстве «Петрополис» – берлинское. Однако в СССР издание романа было запрещено. Поэтому Эренбург надеялся на помощь Николая Бухарина, знакомого по московской гимназии, государственного деятеля, члена Исполкома Коминтерна. Прочитируем фрагмент письма писателя:

Париж, 22/2 [1928 года]

Дорогой Николай Иванович,
недели две тому назад я послал Вам через НКИ мою новую книгу – *Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца*. Мне думается, что она Вам должна прийтись по вкусу.

ступ: 22.11.2017].

¹⁰ Там же.

¹¹ И.Г. Эренбург, *Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца*, Издательский Дом «Кристалл», Санкт-Петербург 2002, с. 8.

¹² См. Н. Mondry, *Exemplary Bodies: Constructing the Jew in Russian Culture, since the 1880s*, Academic Studies Press, Boston 2010, с. 100.

¹³ Б.М. Сарнов, *Случай...*, с. 206.

¹⁴ И.Г. Эренбург, *Бурная жизнь...*, с. 8.

Ежели я не ошибаюсь в этом, то помогите Лазику увидеть свет. Дело в том, что Главлит не хочет пропускать эту книгу. Я вспоминаю, что *Хуренито* тоже вышел только благодаря Вашему отзыву, и поэтому Вам пишу касательно *Лазика*.

[...] Но если Вы найдете запрет несправедливым, Вам легко будет снять его: предисловием или как-нибудь иначе. [...]

Илья Эренбург¹⁵.

Ответом на письмо была статья Бухарина *Чего хотим от Горького*, посвященная приезду Максима Горького в СССР, напечатанная в «Правде» (29 марта 1928 года). Бухарин резко высказался в ней о творчестве автора *Бурной жизни*...:

А у нас? Уж если заскулят, так заскулят! Собачьи переулки, Проточные переулки, Лазики Ройтшванецы (последний роман Эренбурга), – дышать нельзя! Размазывать этакую безыдейную, скучную, совсем неправдивую в своей односторонности литературную блевотину, это дело неподходящее! Это не борьба, и не творчество, и не литература; это – производство зеленой скуки для мертвых людей¹⁶.

Читающая публика узнала о существовании романа только 7 марта 1963 года из выступления секретаря ЦК КПСС Леонида Ильичева, которое было опубликовано в «Литературной газете». В качестве иллюстрации – фрагмент:

Надо сказать, что И. Эренбург не испытывал ограничений в изложении своих взглядов... Он волен был в повести *Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца*, изданной в Берлине в 1928 году, предвзято рисовать советскую действительность того времени. В повести изображаются страдания и мытарства бедного портного из Гомеля, советский строй представляется враждебным простому человеку, как государство, где процветают лишь мошенники, где задавлена всякая живая мысль, где «власти», состоящие из лицедеев и проходимцев, душат честного человека, не дают ему возможности жить¹⁷.

Фрезинский отмечает, что «по неизъяснимой прихоти истории»¹⁸ *Бурную жизнь*... в СССР впервые опубликовал журнал «Звезда»¹⁹ в 1989 году, т.е. год после реабилитации Бухарина, снабдив ее статьей-послесловием Александра Рубашкина²⁰. Потом роман на родине автора переиздавался по парижскому изданию пять раз: в 1990 году – московским издательством «Художественная

¹⁵ Б.Я. Фрезинский, *Илья Эренбург и Николай Бухарин (Взаимоотношения, переписка, мемуары, комментарии)*, «Вопросы литературы» 1999, № 1, <http://magazines.russ.ru/voplit/1999/1/frez.html> [доступ: 28.11.2017].

¹⁶ Цит. по: Б.Я. Фрезинский, *Комментарии*..., с. 579.

¹⁷ Л.Ф. Ильичев, *Об ответственности художника перед народом*, «Литературная газета», 9.03.1963.

¹⁸ Там же, с. 580.

¹⁹ И.Г. Эренбург, *Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца*, «Звезда» 1989, № 7, с. 149–179; № 8, с. 169–187; № 9, с. 132–173.

²⁰ А.И. Рубашкин, *Швейк из Гомеля. О романе «Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца»*, «Звезда» 1989, № 9, с. 170.

литература», в 1991 году – петербургским издательством «Внешсигма» и московским издательством «Советский писатель – Олимп», в 2002 году петербургским издательством «Кристалл» и в 2011 году – петербургским издательством «Азбука».

К тому же в апреле 1999 года Московским еврейским театром «Шалом» был поставлен спектакль *Шлимазл по Бурной жизни...*, поставленный Александром Левенбуком. Фрезинский в рецензии, вышедшей в «Литературной газете», справедливо замечает: «Конечно, хорошо, что театр напомнил публике о существовании писателя Ильи Эренбурга и его знаменитого романа [...]»²¹. Действительно, театр «напомнил», поскольку *Бурная жизнь...* в газетной и журнальной критике особого освещения не получала и не получает и, кажется, всё еще ожидает внимания со стороны российской читающей публики. Что касается исследовательских работ, подчеркнем, как в Советском Союзе, так и в Российской Федерации, никто, кроме многократно упоминаемого здесь Фрезинского, творчеством Эренбурга не занимался.

2. Польская критика. До Второй мировой войны творчество автора *Бурной жизни...* за десять с лишним лет (начиная с 1924 года – первого польского перевода романа *Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников*²²) в Польше привлекало к себе неиссякаемый интерес читателей и критиков. В послевоенный период писатель был не менее известен²³. Логичным может быть предположение, что большая читаемость его произведений объясняется появлением польских переводов. После Первой мировой войны, в числе прочих, были изданы такие романы, как *Трест Д. Е., Лик войны, Лето 1925*²⁴. Тогда в прессе печаталось много статей, касающихся творчества писателя в целом²⁵. Как верно отмечает польский литературовед и транслатолог Петр Фаст: «Писательская деятельность Эренбурга во второй половине 20-х годов имела особенно широкий резонанс в Польше. Издательство «Руй» приготвило тогда десяти томное издание его произведений [...]. Писали о нем много и чрезвычайно горячо»²⁶.

²¹ Б.Я. Фрезинский, *Еврейский Швейк поет и пляшет в театре «Шалом»*, «Литературная газета» 1999, № 25.

²² I. Erenburg, *Przygody Julio Jurenity*, tłum. T. Jakubowicz, Tow. Wyd. Ignis, Warszawa-Poznań 1924.

²³ См. J. Urbańska, *Radziecka powieść rosyjska w Polsce w latach 1918–1932*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, Wrocław-Warszawa-Kraków 1966.

²⁴ I. Erenburg, *Trust D. E.*, tłum. A. Fredani, Wende i S-ka, Warszawa 1926; I. Erenburg, *Oblicze wojny*, tłum. J. Maliniak, Dom Książki Polskiej, Warszawa 1926; I. Erenburg, *Lato roku 1925*, tłum. M. Kuncewiczowa, Rój, Warszawa 1927.

²⁵ Например, A. Dan, *Pochwała erenburgizmu*, «Kurjer Lwowski», 30.01.1926; A. Stern, *W oparach wojny, zaraza sentymentalizmu*, «Wiadomości Literackie» 1927, nr 11.

²⁶ Перевод мой – А.С.: «Działalność pisarska Erenburga miała w drugiej połowie lat dwudziestych szczególnie szeroki rezonans w Polsce. Wydawnictwo „Rój” przygotowało wtedy aż dziesięciotomową edycję jego dzieł [...]. Pisano o nim wiele i niezmiernie gorąco». P. Fast, *Ilja Erenburg – szkic twórczości*, «Język Rosyjski» 1988, nr 3, c. 133.

Следует, однако, заметить, что появлялись также критические статьи в адрес Эренбурга. Публицист Артур Прендский обратил внимание на один факт: «Критика распадается на два противоположных лагеря, один из которых возносит его [Эренбурга – А.С.] под небеса (как, например, французский писатель Эдмон Жалу, который назвал его *Вольтером наших времен*), а второй отказывает ему в *чисто художественных* ценностях»²⁷. В свою очередь, Витольд Вандурский, литературный критик, в 1924 году в статье, опубликованной в журнале «Вядомости Литерацке» («Wiadomości Literackie»), отдавая дань таланту Эренбурга, писал: «Проза этого писателя очаровывает необыкновенной простотой и носит в себе нечто суровое и в то же время человеческое»²⁸. Однако три года спустя в журнале «Дзвигня» («Dźwignia») тот самый критик совсем по-другому относился к творчеству писателя. В качестве иллюстрации – фрагмент:

Талант Эренбурга напоминает мне породистую легавую с острым нюхом, которая [...] не пройдет спокойно рядом с падалью [...] всюду вынюхает мертвечину [...] Набрав в шерсть вони и частиц разлагающегося тела, бежит довольная, ластится и виляет хвостом. От такой дерзкой легавой никому радости не будет²⁹.

Характеристика Вандурского созвучна с мнением Стефана Наперского, утверждающего, что Эренбург – это «один из наихудших фельетонистов в Европе, скучный, кошмарно зазнавшийся, как каждый наполовину цивилизованный самоучка...», а его романы – это «разносные бульварные газетенки [...] их *идеи* [...] на том же уровне, что и грязные коробочки от сарделей [...]»³⁰.

Приведенные выше высказывания – свидетельство того, что Эренбург как писатель и его творчество в Польше 20-х годов XX века – явление спорное. Проблема восприятия произведений писателя в польском критическом пространстве не исчерпывается, конечно, вышеизложенными примерами и имеет большой потенциал для дальнейшего исследования. Однако данный

²⁷ Перевод мой – А.С.: «Krytyka rozpada się na dwa krańcowe obozy, z których jeden podnosi go [Erenburga – А.С.] nieledwie pod niebiosy (tak np. wybitny pisarz francuski Edmund Jaloux nazwał go *Voltairem naszych czasów*), drugi zaś odmawia mu wartości *czysto artystycznych*». А. Прендский, *Jak pracuje autor «Rwacza»*. *U Ilji Erenburga*, «Wiadomości Literackie» 1926, nr 22.

²⁸ Перевод мой – А.С.: «Proza tego pisarza czaruje niezwykłą prostotą i ma w sobie coś surowego i bardzo ludzkiego zarazem». W. Wandurski, *Nowa proza rosyjska*, «Wiadomości Literackie» 1924, nr 32.

²⁹ Перевод мой – А.С.: «Talent Erenburga przypomina mi rasowego wyżła o czujnym węchu, który [...] nie przejdzie spokojnie koło padliny [...] wszędzie zwęszy ścierwo [...]. Nabrawszy w sierść smrodu i cząstek rozpadającego się padła, biegnie zadowolony, łaszcząc się i merdając ogonem. Z takiego znarowionego wyżła nie będzie miał nikt pociechy». W. Wandurski, *O źródłach zatrutych, skorpionach literackich, o mechanicznym Witrjonie rewolucji i o znarowionym wyżle*, «Dźwignia» 1927, nr 2/3.

³⁰ Перевод мой – А.С.: «jeden z najgorszych obecnie felietonistów w Europie, nudny, potwornie zarozumiały, jak wszelki na poły cywilizowany samouk...»; «kolportażowe brukowce [...] *idee* ich [...] są [...] na tym samym poziomie, co brudne pudełka od sardynek [...]». S. Napierski, *Wrażenia*, «Wiadomości Literackie» 1927, nr 52.

вопрос выходит за рамки нашей статьи, поэтому перейдем непосредственно к рецепции *Бурной жизни*...

Итак, польскоязычная версия романа была впервые опубликована в 1928 году в издательстве «Руй» («Rój») в переводе Марии Грабовской (Marja Grabowska – оригинальное написание)³¹. Одной из первых попыток осмыслить *Бурную жизнь*... считается статья *Nowe wcielenie Żyda wiecznego tułacza*, напечатанная в 34 номере журнала «Вядомости Литерацке» («Wiadomości Literackie»), вышедшего в 1929 году³². Павел Хулька-Лясковский дает в ней пронизательную оценку романа, подчеркивая, что *Бурная жизнь*... – это «шедевр трагизма, лишённого патетики самой фигурой героя»³³. Кроме того, критик метко характеризует Лазика, обращая внимание на то, что его «притчи и примеры, замечательно анахронизированные, попросту очаровывают, а судьба этого Агасфера раскрывает нам всю необъятность еврейского вопроса»³⁴. В качестве самых интересных критических отзывов о первом издании польского перевода романа следует отметить статью Д. Робина или Д. Робины³⁵, опубликованную в газете «Глос поранны» («Głos Poranny»)³⁶. Критик справедливо указывает, в частности, что *Бурная жизнь*... является «точной и изощренной сатирой на Европу»³⁷. Притом как Хулька-Лясковский, так и Робин заостряют внимание на главном обстоятельстве: первое польское издание романа отличается от исходного текста отсутствием нескольких фрагментов³⁸. Первый из упомянутых критиков едко высказался о тогдашней цензуре, подчеркивая опущение в польском переводе отрывков, касающихся пребывания Лазика в Польше и рассказа о папе римском:

Неужели дела с польским читателем обстоят так плохо, что он не перенес бы мысли о том, что как большевики или не-большевики кажутся нам смешными, так и мы им не во всем импонируем? [...] Польский читатель [...] покупает русский оригинал и с недовольством отмечает этот избыток заботы о своей нравственности. Если бы

³¹ I. Erenburg, *Burzliwe życie Lejzorka Rojtszwańca*, tłum. M. Grabowska, Towarzystwo Wydawnicze «Rój», Warszawa 1928.

³² P. Hulka-Laskowski, *Nowe wcielenie Żyda wiecznego tułacza*, «Wiadomości Literackie» 1929, nr 34.

³³ Перевод мой – А.С.: «arcydzieło tragizmu, odpatetyzowanego samą postacią bohatera». Там же.

³⁴ Перевод мой – А.С.: «przypowieści i przykłady, anachronizowane w sposób zachwycający, po prostu czarują, a los tego Żyda wiecznego tułacza odśłania nam cały ogrom sprawy żydowskiej». Там же.

³⁵ К сожалению, нам не удалось расшифровать полное имя автора статьи (статья подписана «D. Robin»).

³⁶ D. Robin, *Powieść o wiecznym tułaczku*, «Głos Poranny» 1929, nr 139.

³⁷ Перевод мой – А.С.: «trafną i wyrafinowaną satyrą na Europę». Там же.

³⁸ Информация от издательства: «Ze względu na polskiego czytelnika uważaliśmy za konieczne opuścić dwa ustępy, zaznaczone kropkami: jedenaście stron rosyjskiego tekstu, dotyczących pobytu Rojtszwańca w Polsce i ustęp, wynoszący dziesięć stron rosyjskiego tekstu, podający żydowską legendę o papieżu».

немцы, французы, большевики подчеркивали абзацы, касающиеся их слабых сторон, от книжки не осталось бы ничего³⁹.

В 1957 году *Бурная жизнь...* была опубликована в варшавском издательстве «Czytelnik» в переводе Марии Поповской⁴⁰. Это было первое послевоенное издание, ставшее величайшим открытием для тогдашней читающей публики, о чем свидетельствуют театральные постановки по мотивам романа (в числе прочих Крыстыны Скушанки в Людовом театре в Новой Гуте)⁴¹ и высказывания в прессе. Тогда на страницах газеты «Трыбуна Литерацка» («Trybuna Literacka») вышла из печати статья Зыгмунта Калужиньского *Lejzorek na granicy historii*⁴², в которой автор, вслед за прежними критиками, отмечает, что из первого перевода романа вычеркнуты спорные фрагменты. Тридцать лет спустя, т.е. в 1957 году *Бурная жизнь...* была издана в Польше в полном виде. В 1957 году в еженедельнике «Жице Литерацке» («Życie Literackie») вышла в свет статья *Z paryskich lat Erenburga*⁴³, в которой автор, кроме других героев романов Эренбурга, дает и характеристику *Лазика*. Судя по отзывам литературных критиков, а также по количеству упоминаний о *Бурной жизни...* в тогдашних газетах и журналах, роман пользовался популярностью среди польской читающей публики. Притом, обратим внимание, что вслед за вторым изданием романа появляются труды польских исследователей. Имеются в виду такие работы, как *Twórczość powieściowa Ilji Erenburga* Андрея Янковского⁴⁴, *Ilja Erenburg* Флориана Неуважного⁴⁵ и *Nurt paraboliczny w prozie Ilji Erenburga. Między poetyką a interpretacją*⁴⁶ Петра Фаста. При этом в отношении количества работ, посвященных творчеству автора *Бурной жизни...*, пальму первенства, бесспорно, следует отдать Фасту, отмечая не только его многие статьи, фрагменты которые здесь приводились, но и переводы эренбурговских произведений: *В розовом домике* (*W różowym domku*⁴⁷), фрагменты *Вне перемурья* (*Gdzie rozejm*

³⁹ Перевод мой – А.С.: «Czyżby z czytelnikiem polskim było doprawdy tak źle, że nie zniósłby myśli o tem, iż podobnie jak bolszewicy czy nie bolszewicy wydają się śmieszni nam, tak i my nie we wszystkim im imponujemy? [...] Czytelnik polski [...] kupuje oryginał rosyjski i spostrzega z niezadowoleniem ten nadmiar troski o swoją moralność. Gdyby Niemcy, Francuzi, Anglicy, bolszewicy poskreślali ustępy dotyczące ich słabych stron, z książki nie zostałoby nic». D. Robin, *Powieść...*

⁴⁰ Поповска (Popowska) – это фамилия переводчицы Марии Грабовской (Marii Grabowskiej) по мужу.

⁴¹ P. Fast, *Ilja Erenburg – szkic twórczości*, «Język Rosyjski» 1988, nr 3, c. 133.

⁴² Z. Kałużynski, *Lejzorek na granicy historii*, «Trybuna Literacka» 1958, nr 48.

⁴³ W. Maciąg, *Z paryskich lat Erenburga*, «Życie Literackie» 1957, nr 44, c. 2.

⁴⁴ A. Jankowski, *Twórczość powieściowa Ilji Erenburga*, Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Jana Kochanowskiego, Kielce 1982; A. Jankowski, *Polityczno-panoramiczna powieść Ilji Erenburga «Upadek Paryża»*, «Studia Rossica Posnaniensia» 1979, t. XII.

⁴⁵ F. Nieuważny, *Ilja Erenburg*, Wiedza Powszechna, Warszawa 1966.

⁴⁶ P. Fast, *Nurt paraboliczny w prozie Ilji Erenburga. Między poetyką a interpretacją*, Katowice 1987.

⁴⁷ I. Erenburg, *W różowym domku*, tłum. P. Fast, Katowice 1992.

*nie sięga*⁴⁸), *В тихом городе (W cichym miasteczku)*⁴⁹). В 1988 году издательством «Czytelnik» была переиздана *Бурная жизнь...* из 1957 года. В польской прессе появлялись тогда небольшие по объему рецензии на роман или замечания лишь только справочного характера, как, например, статья Лешка Бугайского на страницах еженедельника «Жице Литерацке»⁵⁰, в которой автор сообщает о третьем издании романа в Польше, предлагает его прочитать, подчеркивая, что он актуален и поныне. В 1993 году варшавским издательством «Werszet» вышло из печати четвертое издание *Бурной жизни...* (польский перевод этого и следующих изданий – Поповска), а три года спустя, т.е. в 1996 году – издательством «Videograf II» пятое. В польской публицистике появлялись тогда, как и после предыдущих изданий, положительные отзывы критиков, в том числе статья Фаста⁵¹ или безымянная рецензия в газете «Слѣнск» («Śląsk»)⁵². Последнее польское издание *Бурной жизни...* было опубликовано в 2011 году варшавским издательством «Polityka».

Итак, подводя итоги, можно констатировать следующее: специфика «бурного» восприятия эренбурговского романа в российской критике обусловлена преимущественно политическим контекстом. Ведь даже в Польше роман, хотя впервые вышел из печати в 1928 году, т.е. на 61 (!) год раньше, чем на родине автора (1989 год), из-за спорных фрагментов был испорчен цензурой вплоть до 1957 года, т.е. второго издания. Очевидно, именно дата первой публикации *Бурной жизни...* являлась исходной точкой, определяющей путь и характер рецепции романа как в российской, так и в польской критической мысли. Российское критическое восприятие романа, в отличие от польского, как было показано, не отличается большим количеством работ, видимо, в силу вышеназванной причины. Быть может, отчасти это объясняется тем, что русскоязычная рецепция романа, вероятно, началась слишком поздно. Тем не менее есть и общий знаменатель – упомянутые в данной статье работы как польских, так и российских литературоведов и литературных критиков были изданы во второй половине XX века, а следовательно, в наше время *Бурная жизнь...* и творчество Эренбурга в целом серьезного осмысления в литературной критике, к сожалению, не получает.

Литература

Ильичев Л.Ф., *Об ответственности художника перед народом*, «Литературная газета», 9.03.1963.

Рубашкин А.И., *Швейк из Гомеля. о романе «Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца»*, «Звезда» 1989, № 9, с. 170.

⁴⁸ I. Erenburg, *Gdzie rozejm nie sięga* (fragmenty), tłum. P. Fast, «Śląsk» 2002, nr 5, с. 62–63.

⁴⁹ I. Erenburg, *W cichym miasteczku*, tłum. P. Fast, Rosner & Wspólnicy, Warszawa 2004.

⁵⁰ L. Bugajski, *Miedzy ksiazkami*, «Życie Literackie» 1988, nr 22, с. 15.

⁵¹ P. Fast, *Być człowiekiem: Ilja Erenburg i «Burzliwe życie Lejzorka Rojtszwańca»*, [w:] I. Erenburg, *Burzliwe życie Lejzorka Rojtszwańca*, Videograf II, Katowice 1996, с. 145–150.

⁵² Rec. I. Erenburg, *Burzliwe życie Lejzorka Rojtszwańca*, tłum. M. Popowska, Videograf II, Katowice 1996, «Śląsk» 1996 nr 9, с. 72 (nota...).

- Сарнов Б.М., *Случай Эренбурга*, Эксмо, Москва 2006, с. 206.
- Эренбург И.Г., *Бурная жизнь Лаика Ройтшванеца*, Издательский Дом «Кристалл», Санкт-Петербург 2002.
- Фрезинский Б.Я., *Еврейский Швейк поет и пляшет в театре «Шалом»*, «Литературная газета» 1999, № 25.
- Фрезинский Б.Я., *Илья Эренбург и Николай Бухарин (Взаимоотношения, переписка, мемуары, комментарии)*, «Вопросы литературы» 1999, № 1, <http://magazines.russ.ru/voplit/1999/1/frez.html> [доступ: 28.11.2017].
- Фрезинский Б.Я., *Комментарии*, [в:] И.Г. Эренбург, *Собрание сочинений*, т. III, Художественная литература, Москва 1991.
- Фрезинский Б.Я., *Об Илье Эренбурге (Книги, люди, страны): Избранные статьи и публикации*, Новое литературное обозрение, Москва 2013.
- Фрезинский Б.Я., *Письма Ильи Эренбурга Елизавете Полонской 1922–1966*, «Вопросы литературы» 2000, № 2, <http://magazines.russ.ru/voplit/2000/2/eren.html> [доступ: 22.11.2017].
- Эренбург И.Г., *Бурная жизнь Лаика Ройтшванеца*, Издательский Дом «Кристалл», Санкт-Петербург 2002.
- Эренбург И.Г., *Люди, годы, жизнь*, т. IX, кн. VI, [в:] И.Г. Эренбург, *Собрание сочинений в девяти томах*, Художественная литература, Москва 1967.
- Bugajski L., *Między książkami*, «Życie Literackie» 1988, nr 22.
- Dan A., *Pochwała erenburgizmu*, «Kurjer Lwowski», 30.01.1926.
- Erenburg I., *Burzliwe życie Lejzorka Rojtszwańca*, tłum. M. Grabowska, Towarzystwo Wydawnicze «Rój», Warszawa 1928.
- Fast P., *Być człowiekiem: Ilja Erenburg i «Burzliwe życie Lejzorka Rojtszwańca»*, [w:] I. Erenburg, *Burzliwe życie Lejzorka Rojtszwańca*, Videograf II, Katowice 1996.
- Fast P., *Ilja Erenburg – szkic twórczości*, «Język Rosyjski» 1988, nr 3.
- Fast P., *Nurt paraboliczny w prozie Ilji Erenburga. Między poetyką a interpretacją*, Katowice 1987.
- Hulka-Laskowski P., *Nowe wcielenie Żyda wiecznego tułacza*, «Wiadomości Literackie» 1929, nr 34.
- Jankowski A., *Polityczno-panoramiczna powieść Ilji Erenburga «Upadek Paryża»*, «Studia Ros-sica Posnaniensia» 1979, t. XII.
- Jankowski A., *Twórczość powieściowa Ilji Erenburga*, Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Jana Kochanowskiego, Kielce 1982.
- Kałużyński Z., *Lejzorek na granicy historii*, «Trybuna Literacka» 1958, nr 48.
- Maciąg W., *Z paryskich lat Erenburga*, «Życie Literackie» 1957, nr 44.
- Mondry H., *Exemplary Bodies: Constructing the Jew in Russian Culture, since the 1880s*, Academic Studies Press, Boston 2010.
- Napierski S., *Wrażenia*, «Wiadomości Literackie» 1927, nr 52.
- Nieuważny F., *Ilja Erenburg*, Wiedza Powszechna, Warszawa 1966.
- Prędski A., *Jak pracuje autor «Rwacza»*, «Wiadomości Literackie» 1926, nr 22.
- Rec. I. Erenburg, *Burzliwe życie Lejzorka Rojtszwańca*, tłum. M. Popowska, Videograf II, Katowice 1996, «Śląsk» 1996 nr 9 (nota...).

Robin D., *Powieść o wiecznym tułacz*, «Głos Poranny» 1929, nr 139.

Stern A., *W oparach wojny, zaraza sentymentalizmu*, «Wiadomości Literackie» 1927, nr 11.

Urbańska J., *Radziecka powieść rosyjska w Polsce w latach 1918–1932*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, Wrocław–Warszawa–Kraków 1966.

Wandurski W., *Nowa proza rosyjska*, «Wiadomości Literackie» 1924, nr 32.

Wandurski W., *O źródłach zatrutych, skorpionach literackich, o mechanicznym Witryjnie rewolucji i o znarowionym wyżle*, «Dźwignia» 1927, nr 2/3.

«Прихоть истории»:

к рецепции *Бурной жизни Лазика Ройтшванца* Ильи Эренбурга в российской и польской критике

Резюме

Статья посвящена анализу рецепции сатирического романа И. Эренбурга (1891–1967) *Бурная жизнь Лазика Ройтшванца* в российском и польском критическом пространстве на материале статей, отзывов, предисловий и очерков. В результате проведенного анализа автор делает следующий вывод: более «бурное» восприятие романа в России, чем в Польше объясняется его политической интерпретацией.

Ключевые слова: Илья Эренбург, Лазик Ройтшванец, рецепция, польский перевод, цензура, статья, очерк, литературная критика

„The Whim of History” – the Reception of *The Stormy Life of Lasik Roitschwantz* by Russian and Polish Criticism

Abstract

The article is devoted to scrutiny of the acceptance of the satirical novel written by I. Ehrenburg (1891–1967) called *The Stormy Life of Lasik Roitschwantz* in Polish and Russian criticism, based on articles, reviews and prefaces. As a result of conducted analysis, the author concludes that more critical reception to the novel in Russia than in Poland can be explained by its political interpretation.

Key words: Ilya Ehrenburg, Lasik Roitschwantz, reception, polish translation, censorship, article, essay, literary criticism

Agnieszka Ścibior, mgr
Uniwersytet Jagielloński
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej

Agnieszka Ścibior, Master of arts
Jagiellonian University
The Institute of Eastern Slavonic Studies
e-mail: agnieszka.scibior63@gmail.com
+48 690463921

Нина Раковская

Авторские миры в критическом дискурсе конца XIX – начала XX веков

В течение последних двадцати пяти лет литературоведы активно занимаются исследованиями литературного процесса конца XIX – начала XX в. Создан ряд интересных концепций, среди которых особое место занимают идеи Н. Лейдермана и его школы, А. Мережинской, М. Гирняк, М. Лановик и др. Вместе с тем, в области изучения литературной критики этого периода остается ряд лакун, среди них исследование парадоксов, проявляемых в фигурах мышления и речи авторов критических текстов.

На наш взгляд, следует разделять парадокс как свойство логических приемов или психологических феноменов, присущих литературе, от парадоксальности, проявляющейся в концепциях литературных критиков. Заметим, что парадоксальность в литературе проявляется в сюжете, мотивах, ситуациях, нарративных конструкциях и т. д. В критике парадоксальность суждений связана прежде всего с коммуникативно-рецептивной системой.

Интересна мысль Анджея Валицкого о парадоксальной специфике индивидуального начала:

Парадоксальным образом, даже временное признание личностной природы Бога и бессмертия души было шагом в этом направлении: бессмертие души представлялось метафизической гарантией сохранения индивидуальности, утверждения автономии и активного характера души¹.

Более того, парадокс в литературной критике позволяет часто обнаружить и раскрыть главный объект исследования. Однако, как и в литературе, так и в литературной критике понятие «парадокс» связывают с такими понятиями как абсурд, фантазм, метафора, афоризм и т. д.

Как известно, понятие «парадокс» в греческом языке означает высказывание, противоречащее «доксе», то есть господствующему общепринятому мнению и ожиданию. Любопытно суждение Р. Лахманн: «Парадокс – это мир, вывернутый наизнанку, изнаночный мир (*mundus inversus*)»². Топос «мир,

¹ А. Валицкий, *История русской мысли от Просвещения до марксизма*, Москва 2013, с. 134.

² Р. Лахманн, *Дискурсы фантастического*, Москва 2009, с. 54.

вывернутый наизнанку» является выражением человеческой способности представлять порядок вещей в целом как противоречащий самому себе. Однако «выворачивание наизнанку» означает и концептуальное, символическое или ритуальное построение антимодели существующему миру, создание альтернативного мира с обратным знаком, оппозиционной структурой (верх – низ) и т. д.

В связи с этим, в критике парадокс обусловлен противоречивостью критического сознания и мышления, авторефлексивностью и циркулярностью. С точки зрения Ролана Барта, всякий критический текст заключает в себе парадокс. Неслучайно Вольф Шмидт солидарен с точкой зрения Р. Барта в том, что синтаксической редукцией парадокса является оксюморон. Немецкий ученый отмечает, что «Парадокс (с его синтаксической редукцией – оксюмоном [...]) содержит некое противоречие (между двумя сторонами бытия или двумя точками зрения) [...] и в итоге ведет к обнаружению скрытой истины»³. Однако заметим, что поскольку парадокс «разоблачает доксу» как неистинное мнение, пересматривает существующие общепринятые ценности, т. е. «подрывает» «твёрдую» оппозицию, создавая структуру типа или/или, которую Р. Барт обозначает термином «тертиум», то понятие истины вообще становится относительным, т. е. в таком случае можно поставить под сомнение возможность существования истины вообще. Ж. Жанетт указывает, что парадоксы чаще всего являются средствами выражения эпистемологической критики, а также всевозможных форм агностицизма и с точки зрения «доксы» нигилизма. На наш взгляд, очевидно, что парадокс доминирует в переходные неклассические, неупорядоченные общепринятыми нормирующими системами периодами, которые М. Фуко⁴ обозначает как периоды «эпистемологического беспокойства». Вспомним, что эпохи и контексты, наиболее подверженные парадоксальному мышлению, – это поздняя античная культура, мистицизм позднего Средневековья, модернизм и т. п.

В русском литературно-критическом процессе конца XIX – начала XX в. явление парадокса тесно связано с культурно-исторической ситуацией, острой полемикой внутри религиозно-философских течений: возникновением ницшеанства, богоискательства, и, естественно, саморефлексией. На наш взгляд любопытно, что после работ о С. Кьеркегоре (С. Киркегарде в написании Л. Шестова) и Ф. Достоевском, Л. Толстом и Ф. Ницше, построенных на жестком логическом системном уровне, Л. Шестов категорически пересматривает свои собственные идеи. Он излагает их как в теоретических работах, так и в статьях о русских писателях.

Приведем некоторые примеры.

Судьба и характеры в художественном тексте чаще всего определяются онтологической сущностью, потому центральное место в творчестве А. Пушкина, с точки зрения Л. Шестова, занимают парадоксы онтологии. Эту же идею высказывает и С. Франк. Их классическая разновидность – парадоксы жизни и смерти, «жить – это умирать». А. Пушкин создаёт крайне прозаическую

³ В. Шмидт, *Заметки о парадоксе*, [в:] *Парадоксы русской литературы*, под ред. В. Марковича, В. Шмида, Санкт-Петербург 2001, с. 10–11.

⁴ М. Фуко, *Мысль о Внешнем*, [в:] *Современные стратегии культурологических исследований*, «Труды Ин-та европейских культур» № 2, Москва 2008, с. 318–347.

вариацию такого парадокса в *Гробовщике*, где герой живёт за счет смерти своих клиентов. Жизнь за счёт смерти – это никак не абсурд, а парадоксальная истина существования гробовщика. Гробовщик давно превратил не осознанный им парадокс своего ремесла в нелепость. Во-первых, он сам живёт в своём новом доме, жёлтом как лица мертвецов, будто бы в гробу, принадлежа больше смерти, чем жизни, уставив кухню и гостиную гробами, которые, как показывает известный рисунок А. Пушкина, нагромождены устрашающими горами и вытесняют всякую жизнь. Во-вторых, гробовщик мыслит и говорит о мёртвых как о живущих в изготовленных им гробах, как в домах. Поэтому бригадир от имени всей «честной компании» мертвецов, явившихся на новоселье, может объявить, что «только те, которым уже невмочь, которые совсем развалились, да у кого остались одни кости без кожи» «остались дома». Но думается, что здесь от парадокса до абсурда – лишь один шаг. Стоит только забыть об оговорках, присущих парадоксальной речи, понимая фигуральное в буквальном смысле, и сразу же парадокс превращается в нелепость.

Пожалуй, более всего Л. Шестова интересуют парадоксы в романе А. Пушкина *Капитанская дочка*. Пугачёв является противоречивой фигурой – и кровожадным нарушителем законов, и щедрым благодетелем. Но парадокс осуществляется прежде всего в логике развития действия. Подарив бродяге, «вожатому», заячий тулуп, Петр Гринев получает ответный подарок намного ценнее: он трижды оказывается спасён своим жестоким покровителем. М. Виролайнен замечала, что здесь осуществляется древний парадокс утраты как пользы, восходящий к стоической аттической комедии Менандра и Филемона. Этот парадокс проявляется ещё и в другой ситуации. Старый Гринёв, отправляя сына в дальний гарнизон, напутствует его пословицей «Береги платье снову, а честь смолоду», мать же наказывает ему «беречь [...] здоровье». Все три блага – платье, честь и здоровье, замечает Л. Шестов, выпущенный в жизнь молодой человек вполне берегает, но лишь парадоксальным образом, вновь и вновь ставя их на карту и этим нарушая родительские наставления.

В этом же плане размышляя о В. Шекспире, Л. Шестов указывал, что его экзистенциал является не метафорическим «отравлением» (о чем он и дискутировал в статье *Шекспир и его критик Брандес*), а трагическим опытом художника, стремлением соединить «разорванную связь времен»⁵.

В творчестве Л. Толстого, в частности, в романе *Война и мир*, критик обращал внимание на парадоксальную, с его точки зрения, оценку писателем женских персонажей, в частности Сою: «она пустоцвет, как на клубнике». Отсутствие воли Л. Толстому кажется странным, поэтому писатель произносит парадоксальный приговор, над одной за то, что она не нарушила правил благонравного поведения (Соня), а над другой за то, что преступила (речь идет об Анне Карениной). Парадоксальность Л. Толстого, с точки зрения критика, заключается в создании им альтернативных миров, один – первобытный, мнотологический (то есть познание осуществляется непосредственно) и второй – рефлектирующий (где познание осуществляется опосредованно, через

⁵ С.А. Поляков, *Философия Льва Шестова: опыт структурно-исторического анализа*, Москва 2009.

рефлексию). Эту же точку зрения высказывают В. Розанов и А. Закржевский. Так, парадоксальность карамазовщины, отмечает А. Закржевский, заключается в том, что нарушены божественные истины и сам Ф. Достоевский является идеалом истины. Можно говорить и о множестве парадоксов в суждениях В. Розанова о Ф. Достоевском. Критики полагают, что парадоксы Ф. Достоевского связаны с оппозицией автора и читателя, противоречивостью сознания писателя.

Однако если вести речь о создании теоретической концепции, то следует заметить, что она была изложена Л. Шестовым в работе *Апофеоз беспочвенности*. Противоречивость концепции очевидна уже в самом названии, более того, в отличие от предшествующих работ, имеющих целостный текст, «апофеоз» состоит из двух частей, каждая из которых разделена на ряд фрагментов, внешне не связанных друг с другом. Неслучайно во введении Л. Шестов пишет:

...нужно оправдываться: вопрос лишь с чего начать с оправдания формы или содержания. У нас полагают, что книга или статья должна представлять собой последовательно развитую систему мысли, но у меня растет недоверие ко всякого рода общим идеям и всяким предрассудкам⁶.

Л. Шестов указывает, что в конце концов «идеи» и «последовательности» приносятся в жертву то, что больше всего должно оберегаться в литературном творчестве – свободная мысль. Он замечает, что его «письмо», где всегда есть заключительные «итак», даже простые и иные «невинные» союзы оказываются своеобразными тиранами, а он бессловесным рабом, ибо самое тягостное – это создание «общей идеи».

Критик ищет формы «письма» для изложения своей концепции. Одновременно Л. Шестов предостерегает читателя от соблазна увидеть в его работе лишь «странную причуду» автора, представившего не связанные между собою мысли.

Очевидно, что данная работа была движением от континуально-анализирующего мыслительного потока, свойственного работам Л. Шестова, к дискретно-парадоксальному. В *Апофеозе* происходит полный разрыв прежнего опыта с новым, ориентируемым на внутренний опыт, где ни логика, ни страдание не помогают (разрыв с семьей, отъезд из Киева, болезнь, впоследствии гибель сына), «остается упасть на пол, кричать и биться головой о стену»⁷. Вследствие личностного опыта приходит осознание того, что ни о чем происходящем нельзя составить ясное представление, ибо «твоя суть умерла» (Л. Шестов). В таком случае, указывает критик, всякие общие идеи только терзают человека, нужно жить без предсказаний, вольно, считать истину – тайной, а творчество – явлением, возникающем из ничего, из бессознательного.

⁶ Л. Шестов, *Собрание сочинений*: 6 т, т. 4, Санкт-Петербург 1911, с. 84.

⁷ Там же, с. 11.

Об этом же напишет А. Закржевский в работе *Подполье*⁸. Он полагает, что идеи Л. Шестова связаны с концепцией Ф. Ницше.

Заметим, что на наш взгляд, речь может идти не только о Ф. Ницше. Если рассматривать Л. Шестова в контексте русской критики XIX в., то в приведенных выше строках авторского предисловия к *Апофеозу...* нетрудно уловить культурно-историческую преемственность по отношению к рассуждениям предшественников. Так, в одной из неопубликованных заметок начала 1820-х годов В. Одоевский говорит о «парадоксальной одежде новейшего мышления». Афористическая форма представляется автору *Русских ночей* явлением, безусловно плодотворным, однако – исключительно как залог «грядущего оцельнения», построения на основании «беглых набросков» совершенного, цельного «здания». Актуальная для любомудра идея безусловного обретения истины полной, окончательно разрешающей все сомнения и вопросы, изложена в фрагментарной и афористической форме (*Психологические заметки*, 1848).

Подобное утверждение можно найти у М. Погодина, который неслучайно столь настойчиво и неуклонно отстаивает «бесформенную форму» своих *Исторических афоризмов*, что вновь заставляет нас почувствовать пунктирную линию существеннейшей взаимосвязи Л. Шестова и его предшественников. Неслучайно Х. Фрике⁹, указывает на некую «подземно-тематическую» общность философской критики, которая проявляется в тяготении к особой фигуре мышления и её изложения в письме. Однако и В. Одоевский, и М. Погодин стремятся к постижению целого, к обретению абсолютной и полной истины. В то время как Л. Шестов, начиная с утверждения принципиального «несхождения концов» в реальной жизни (ср. строку из Генриха Гейне в эпиграфе к первой части *Апофеоза...*: «Zu fragmentarisch ist Welt und Leben» – «Мир и жизнь слишком фрагментарны»), приходит к утверждению того, что фрагментарность и афористичность способствуют особому осмыслению творчества, сутью которого является авторское мироощущение.

В данном плане показательна идея Дануты Улицкой, что «анализ акта чтения открывает [...] всю сложность человеческого положения субъекта, одновременно свободного и непременно должного сделать выбор...»¹⁰. Так, собственно личностное усмотрел в работе Л. Шестова В. Розанов. Его статья, опубликованная в 1905 году на страницах «Нового времени», посвящена исключительно той «новой форме философии», которая обнаруживается в «афористическом хаосе» сочинения Л. Шестова: «Вся книга представляет собой сырую руду души автора»¹¹. Потеряв «систему» – книга выиграла в истине и точности... Тут есть не только философия, культура, но и вера, заключенная в словах: «мир Божий лучше человеческого»...

⁸ А. Закржевский, *Подполье: Продолжение*, «Искусство и печатное дело», № 5, Санкт-Петербург 1910, с. 181–190.

⁹ H. Fricke, *Aphorismus*, Stuttgart 1984.

¹⁰ Д. Улицкая, *Этичный «поворот» у літературознавчих дослідженнях*, [в:] *Феноменологічна філософія літератури*, Київ 2008, с. 410.

¹¹ В.В. Розанов, *Новые вкусы в философии*, «Новое время», № 10612, Санкт-Петербург 1905.

«Мир Божий лучше человеческого»¹² – именно эта фраза является, на наш взгляд, ключевой для понимания особенной позиции В. Розанова и А. Закржевского на фоне всех современных Л. Шестову отзывов на *Апофеоз...* Осмысление *Мира Божьего* «как он есть», без «оформляющего» (структурирующего, единообразующего) вмешательства человеческого *ratio*, лежит в основе работ В. Розанова (*Уединенное*) и А. Закржевского (*Реквием*). В этом же аспекте решается и проблема взаимоотношений автора и читателя. Она предполагает, с точки зрения критиков, исключительную свободу автора, который просто впускает в себя читателя, никак от него не «закрываясь» какой-либо «постройкой» литературной формы. Если же мы рассмотрим фрагменты работ В. Розанова и А. Закржевского «с точки зрения концепции Л. Шестова», то получим утверждение полной свободы читателя, которому дается право самостоятельной интерпретации смысла авторского высказывания, право выбора ответа на все поставленные автором (точнее, «миром») вопросы.

Эта особая форма взаимоотношений автора и читателя не раз достаточно определенно оговаривалась самим Л. Шестовым в текстах, которые могут быть названы сопутствующими *Апофеозу...*, например, в статье *Похвала Глупости*, написанной в ответ на *Трагедию и обыденность* Н. Бердяева.

В статье дан своеобразный абрис необходимого Л. Шестову читателя: помочь – догадаться – быть мыслящим, свободным, то есть это – читатель, который помогает состояться авторскому высказыванию именно тем, что «догадывается» о его смысле, т. е., но сути, сам достраивает этот смысл, своим собственным внутренним миром восполняет то, что не сказано – ибо не может быть сказано, не может быть сообщено (выражено), но может быть только самостоятельно пережито.

Большие (равные) права, которые таким образом предоставляет Л. Шестовым своему читателю, суть также большие обязанности. Ведь Л. Шестов как автор *Апофеоза беспочвенности* просто не может состояться без помощи такого читателя: «Когда слушаешь собеседника или читаешь книги, не придавай большого значения отдельным словам и даже целым фразам» – читаем в одном из фрагментов *Предпоследних слов*, опубликованных в сборнике Л. Шестова *Начала и концы*, материалы которого непосредственно связаны с замыслом *Апофеоза*:

Забудь отдельные мысли, не считайся даже с последовательно проведенными идеями. Помни, что собеседник твой и хотел бы, да не может иначе проявить себя, как прибегая к готовым формам речи. Приглядывайся к выражению его лица, прислушивайся к интонации его голоса – это поможет тебе сквозь слова проникнуть в его душу. Не только в устной беседе, но даже в написанной книге можно подслушать звук, даже и тембр голоса автора и подметить мельчайшие оттенки выражения глаз и лица его¹³.

Тема возможности – невозможности адекватного сообщения личной истины, которая преломляет важнейшую для Л. Шестова проблему соотношения

¹² В.В. Розанов, *О Пушкинской академии*, [в:] *Мысли о литературе*, Москва 1989.

¹³ Л. Шестов, *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 91.

жизни и логического познания, разворачивается в данном фрагменте в виде своеобразных «рекомендаций читателю». В основе их – оппозиция «знать – понимать» («Не лови на противоречиях, не спорь, не требуй доказательств: слушай только внимательно...»). В том случае, если читатель будет способен занять первую из двух позиций, может родиться некая общая и одновременно индивидуальная для обеих сторон истина, по отношению к которой автор не является абсолютным субъектом, а читатель – абсолютным объектом.

Читатель – суть прямого антипода «внимающего ученика», в то время как сам автор стремится избежать роль прорицаемого истины учителя. Текст, возникающий как результат таких напряженно-равноправных взаимоотношений автора и читателя дает возможность запечатлеть то мировидение, которое выражается в словах «мир Божий лучше человеческого», и которое на языке Л. Шестова звучит как «творчество из ничего».

Осмысление текста Л. Шестова В. Розановым и А. Закржевским обусловлено тем, что оно направлено на систематическое «высвобождение» смыслов, которые также возникают, изменяются, гибнут в зависимости от господства звучащих в нем «подголосков». «Иной слушает слова, понимает их связь и связано на них отвечает, но он не уловил «подголосков», теней звука «под голосом», – а «в них-то, и притом в них одних, говорила душа»¹⁴ – писал В. Розанов.

В. Розанов создает текст-дискурс, имманентной составляющей которого становятся различного рода обстоятельства, вызвавшие к жизни тот или иной «лист». Этот текст сближает его с шестовским *Апофеозом*, ибо это вехи и хронотопы состояний человеческой жизни, опредмеченные в слове-тексте и соотносящиеся с тем или иным моментом жизни души. Розановский семиозис включает и сферу мелодической пунктуации: специфическую систему пробелов, мелизмов, точек, тире — и использование курсива, фотографий и т. д.

Размышления А. Закржевского связаны со стремлением передать читателю неуловимые изменения и течения внутреннего «я», души человека, которые выливаются в «слово», заранее не прогнозируемое, и «мысль», заранее не придуманную, чтобы зафиксировать непрерывный поток сознания-переживания, существующий в человеке в постоянно кристаллизующейся мысли, в желании остановить мгновение, сделать его зеркалом вечности.

Л. Шестов, В. Розанов, А. Закржевский ставят читателя перед взаимосвязью двух состояний человека, раскрываемых как взаимоотношения Я и Другого. Они представлены через антитезу вневременного бытия «души» и конечного временного пребывания «плоти» «во всей наготы и ужасе тления в минуту болезни и умирания». Но читатель в *Уединенном* есть не что иное, как литературный образ, связанный с чувствами, умонастроением и творческими интенциями писателя. Чтобы оценить мир другого, его боль, состояние, надо «воплотиться» («два в одну плоть бысть»), полностью выйти за пределы самого «себя». Чтобы воспринимать другого как ценность, надо включить механизм памяти. Эта мысль звучит в *Реквиеме* А. Закржевского и является коннотацией бесконечного одиночества души.

¹⁴ В.В. Розанов, *Новые вкусы...*, с. 233.

А. Закржевский, как и Л. Шестов, полагается только на интуицию, отсюда его первые субъективные оценки Александра Блока, Андрея Белого, их связи с идеями Ф. Достоевского. Интерес к интеллектуальному, попытка ответа на «проклятые вопросы» о смысле бытия, свобода, страдание и вера как единое целое – таковы идеи А. Закржевского. Своей исповедальностью и даже экзальтацией он близок В. Розанову. Его *Реквием* – это лирическая фрагментарная миниатюра, как *Опавшие листья* В. Розанова.

Матиус Фрайзе и Бейтсон в работах о психодиахронологии замечают, что человек, стиснутый противоречием в коммуникативном акте, разрешить их может на бессознательном уровне, реализуемым в тексте метафорой и парадоксом. Таким образом, литературная критика конца XIX – начала XX в., стремится избежать однозначного ответа на существенные вопросы, что приводит к экзистенциальному одиночеству личности.

Литература

- Валицкий А., *История русской мысли от Просвещения до марксизма*, Москва 2013.
- Закржевский А., *Подполье: Продолжение*, «Искусство и печатное дело», № 5, Санкт-Петербург 1910, с. 181–190.
- Лахманн Р., *Дискурсы фантастического*, Москва 2009.
- Поляков С.А., *Философия Льва Шестова: опыт структурно-исторического анализа*, Москва 2009.
- Розанов В.В., *Новые вкусы в философии*, «Новое время», № 10612, Санкт-Петербург 1905.
- Розанов В.В., *О Пушкинской академии*, [в:] *Мысли о литературе*, Москва 1989.
- Улицкая Д., *Етичний «поворот» у літературознавчих дослідженнях*, [в:] *Феноменологічна філософія літератури*, Київ 2008, с. 389–413.
- Фуко М., *Мысль о Внешнем*, [в:] *Современные стратегии культурологических исследований*, «Труды Ин-та европейских культур», № 2, Москва, 2008, с. 318–347.
- Шестов Л., *Собрание сочинений: 6 т*, т. 4, Санкт-Петербург 1911.
- Шмид В., *Заметки о парадоксе*, [в:] *Парадоксы русской литературы*, под ред. В. Марковича, В. Шмида, Санкт-Петербург 2001, с. 9–16.

Fricke H., *Aphorismus*, Stuttgart 1984.

Авторские миры в критическом дискурсе конца XIX – начала XX веков

Резюме

В статье актуализируется парадоксальность критического мышления Л. Шестова, обусловленная его концепцией мировидения и афористичностью письма. Делается акцент на парадоксальных суждениях критика о русской литературе.

Ключевые слова: индивидуальность, авторский мир, критика, парадоксальность, дискурс, экзистенциал

**The Author's Worlds in a Critical Discourse
of the End of XIX and the Beginnings of the XX Centuries**
Abstract

In article the paradoxicality of critical thinking of L. Shestov is staticized caused by his concept of a worldseeing and aphoristic nature of the letter. The acceptance is made on paradoxical judgments of the critic about the Russian literature.

Key words: identity, the author's world, criticism, paradoxicality, discourse, existential

Нина Раковская

Кандидат филологических наук, доцент,

Зав. кафедрой мировой литературы

Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова

Nina Rakovskaya, associate professor

the Chair Holder of World Literature Department

Odessa I.I. Mechnikov National University

Светлана Фокина

Флейта как знак дионисийского мироощущения в авторском мифе Андрея Ширяева

Лирика современного русского поэта Андрея Ширяева начинает получать признание. В 2016 году, посмертно поэт был удостоен премии «Писатель XXI века» за несомненную незаурядность дара и книгу стихов *Случайный ангел*. В предисловии к вышеупомянутому изданию Ю. Степанов отмечает: «Андрей Ширяев – выдающийся поэт, один из ярчайших представителей нашего литературного поколения»¹. При этом ширяевский авторский мир еще практически не исследован. Нет сомнения в том, что поэтические тексты А. Ширяева представляются не только самобытными и заслуживающими внимания, но весьма привлекательными для научной интерпретации.

В стихотворении *Четыре флейты в ряд и скрипочка в миноре...* А. Ширяев наиболее последовательно актуализирует дионисийское мироощущение, мистериальный аспект которого воплощает в авторском мифе современного поэта экзистенциалы познания лирическим «я» себя, своей жизненной и музыкальной темы.

Четыре флейты в ряд и скрипочка в миноре,
Звучащие легко в каком-то октябре,
Щебечут так, что ей покажется: над морем
Звенит её вино в высоком серебре.

И прятая тоска, и пьяная черешня
Растает на губах, как нежная сестра.
А пальцы у неё тонки и безутешны,
И ночь её длинна – дожить бы до утра.

Дожить бы. А пока – вторая флейта стонет
И тонет в темноте, и падает рука
Навстречу облакам, и женщина в ладонях,
Как скрипочка, легка*

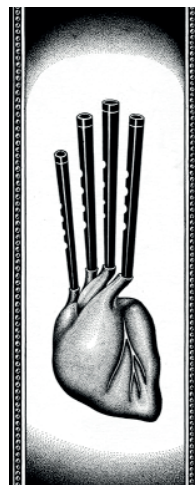

Иллюстрация Виктора Яковлева к стихотворению А. Ширяева

¹ Ю. Степанов, *Выдающийся поэт Андрей Ширяев*, [в:] А.В. Ширяев, *Случайный ангел*, Москва 2016, с. 5.

* А. Ширяев, *Четыре флейты в ряд и скрипочка в миноре...*, [в:] *Мастер зеркал – поэзия и проза*: <http://www.shiryaev.com/chetyre-fleity-v-ryad>.

В начале стихотворения тема четырех флейт задает отсылку к смысловым доминантам *Времен года*, обыгрывая мотив четырех периодов жизни в их символическом значении и тему бытия как музыкальной мистерии. Такую трактовку подкрепляет и иллюстрация к стихотворению, выполненная Виктором Яковлевым, где четыремя флейтами изображены клапаны сердца, образуя подобие волынки. Моделируемый в тексте концерт включает «скрипочку в миноре», видимо, подразумевая тоскующую душу и открывая широкий смысловой потенциал для интерпретаций ширяевского стихотворения.

Ефим Эткинд в статье *Флейтист и крысы* отмечает, что «в пору “серебряного века” к ней [флейте] стали все чаще обращаться как символу. Почему именно к флейте, а не к другим традиционным образам – лире, кифаре, цитре? Не потому ли, что флейта приводится в действие не пальцами, требующими технической беглости, а дыханием и что она оказывается словно бы звучащей душой»². В ширяевском стихотворении тема четырех флейт задает различные отсылки: к дионисийскому культурному пласту и соответствующим меланхолическим и пасторальным коннотациям, к мифу о Марсии, к истории Крысолова, к *Волшебной флейте* Вольфганга Амадея Моцарта.

Флейта, будучи символом «сакрализованной вертикальности мира, восходящего движения»³, – один из инструментов, которые в контексте древнегреческих представлений находились на пересечении двух противоположных тенденций. Две крайние позиции этой парадигмы можно очертить следующим образом. Одна из них – стремление к «усилению музыкального эффекта»⁴ и соответственно достижению максимальной силы воздействия, надрыва, экстаза. Противоположной же была установка ограничения и контроля над стихийной составляющей музыки. В данном случае целью было избежать непредсказуемости последствий музыкальной суггестии и «перехода в опасное состояние»⁵. Альтернативой этому становилась принципиальная уравнированность и гармонизация.

Не менее важен и другой аспект, связанный с семиосферой флейты и тем эмоциональным фоном и мифологическими комплексами, которые присутствие флейты в тексте провоцирует. Согласно мифологической логике «флейта – страдальца как и скрипка [...], словно напоминая о традиционном участии флейты в обряде погребения»⁶. Тема флейт задает аспект дионисийской эмблематики, сокрытый в подтексте стихотворения современного поэта. Ведь мифологически флейта соотносима с музыкальным сопровождением дионисийского культа. По наблюдению Карла Кереньи, «при перечислении

² Е. Эткинд, *Флейтист и крысы* (*Поэма Марины Цветаевой «Крысолов» в контексте немецкой народной легенды и ее литературных обработок*), «Вопросы литературы» 1992, № 3, с. 70.

³ В.В. Топоров, *Флейта водосточных труб и флейта-позвоночник (внутренний и внешний контексты)*, [в:] *Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы*, т. 1, Москва 2010, с. 440.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Л.Л. Гервер, *Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов (первые десятилетия XX века)*, Москва 2001, с. 78.

мелодий, исполняемых на флейтах, среди различных жалобных песней встречается и давящая песнь для флейты. [...] Жалобная песнь, [...] ведь речь шла о разрывании божества на части»⁷. Флейта на уровне мифологических пластов становится знаком дионисийского начала, связывая воедино темы рас-терзанности, возрождения и экстаза.

Внимание к метаописательному потенциалу флейты в культуре Серебряного века открыл, прежде всего авангард, акцентировав связь этого музыкального инструмента с мифом о сатире Марсии. Начало этой парадигмы задает «вышедший в 1911 году сборник Б. Лившица *Флейта Марсия*, в котором флейта [...] символизирует поэтическое творчество, за которое платят жизнью»⁸. Характерно включение в подтекст стихотворения мифа о Марсии, несмотря на его драматичность и экзистенциальный посыл, не столь излюбленного как история Орфея. Видимо, образ Марсия становится привлекательным для А. Ширяева как метафора судьбы поэта, живущего с «содранной кожей» – своего рода эквивалент орфической тематики.

Если миф о Марсии, как и античные реминисценции в целом, явно актуален для ширяевского универсума, то тема Крысолова, остается лишь намеченной и практически не раскрытой. По наблюдению Сабин Баринг-Гоулд, музыка Крысолова оказывала гипнотическое воздействие на слушателей:

И едва он извлек из нее три ноты, такие прекрасные и нежные, какие еще никогда не звучали [...] Отовсюду к нему сбегались дети, подобно птицам, что во время сева слетаются на поля. Галдя, смеясь и хлопая в ладоши, они последовали за чудесной музыкой⁹.

В стихотворении А. Ширяева нет гибели полчищ крыс, нет и зачарованных и покидающих родной Гаммельн детей. Но чары флейты дают лирическому «я» – поэту, в мифе А. Ширяева неизменно во многом синонимичному автору, возможность ухода от тревог и печалей, метафорически заменяющих гаммельнских прожорливых крыс. Аналогичная замена касается и темы гаммельнских детей – в ширяевском тексте предстающих человеческими радостями. Те и другие очарованы, подчинены зову флейты и тонут в стихии музыки. В авторском мифе А. Ширяева поэт оказывается подобен Гаммельнскому Крысолову и способен подчинить своей музыке страсти и отрады, выведя их из своего сердца, чтобы завожив, явить самой жизни, что *Звенит её вино в высоком серебре*.

Музыкальная тема актуализирует мотивы соблазна и гибели, которые сопряжены с магией флейты, преображающей мир вокруг, и заставляющей балансировать между радостью и трагичностью. Скрипка, символизирующая человеческую душу и женское начало, оказывается подчинена завоживающему зову четырех флейт, пробуждающих то ангельское, то бесовское, что отзывается минором и жадой найти успокоение и ощущение внутреннего света или же окончательно погрузится в надрыв-экстаз.

⁷ К. Кереньи, *Дионис: Пробораз неусыпаемой жизни*, Москва 2007, с. 58–59.

⁸ Е. Эттингер, *Флейтист и крысы...*, с. 71.

⁹ С. Баринг-Гоулд, *Мифы и легенды Средневековья*, Москва 2009, с. 306.

В ширяевском стихотворении тема *Волшебной флейты*, отсылающая к одноименной опере В.А. Моцарта, обыгрывается в плане идеи погружения в ночную стихию вдохновения и экстаза, в то же время победы над минорным настроением и тьмой в душе поэта. Характерно, что в опере В.А. Моцарта именно Царица Ночи «дарит Тамину волшебную флейту, которая поможет преодолеть ему опасности в пути. Птицелов Папагено [...] должен сопровождать принца. Ему дарят волшебные колокольчики»¹⁰, которые даруют способность веселить сердца. Принц Тамин пройдя ряд испытаний, преодолев соблазны и достигнув духовного совершенства, разрушает чары Царицы Ночи. А. Ширяев контаминирует в лирическом «я» на уровне подтекста образы Тамина и его комического альтера эго Папагено. Поэтический дар уравнивает космические силы волшебной флейты со звенящими папагеновскими колокольчиками. Так четыре флейты в мифе Ширяева щебечут и даруют душе-скрипке радость чарующего звона ее музыки.

Взгляд на музыкальные инструменты, когда «точкой отсчета является человеческое тело»¹¹, неизменно активизирует мифологический потенциал. По замечанию Татьяны Цивьян, «музыкальные инструменты, с одной стороны, оказываются тесно связанными с вещным миром [...], а с другой – входят в область сакрального, являясь областью ритуала»¹². Авторский миф Ширяева строится на мифологемах связанных с музыкальностью, приобретающей некий мистериальный характер. Мифологема жизни как оркестра активизирует мотив метаморфозы, обозначающей смену различных экзистенциалов и состояний лирического «я». Возникающий в воображении звуковой рисунок, обусловленный доминантами лирического сюжета, отражает балансирование между пасторальной умиротворенностью и погружением в меланхолию. Пасторальный сюжет Ширяева соответствует вполне традиционным темам и мотивам, но главным образом обыгрывает их как своего рода дионисийскую мистирию.

Другой не менее важной доминантой пасторальности становится ее возможная связь не только с идиллией и представлением о земном рае, но и со смысловыми потенциалами меланхолии. Как отмечает Наталья Пахсарьян, группой французских ученых были выявлены «трагические, драматические потенции пасторальной тематики»¹³. Одним из вариантов трагического модуса пасторальности рассматривается меланхолия. Именно «пасторальная меланхолия становится важным моментом рефлексии одновременно над любовным чувством и над социальным положением»¹⁴. Этот смысловой комплекс помимо барокко и романтизма наиболее был востребован в культуре

¹⁰ А.А. Гозенпуд, *Волшебная флейта (Die Zauberflöte)*, [в:] *Оперный словарь*, Санкт-Петербург 2005, с. 81.

¹¹ Т.В. Цивьян, *Музыкальные инструменты как источник мифологической реконструкции*, [в:] *Язык: тема и вариации: избранное: в 2 кн, кн. 2.: Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика*, Москва 2008, с. 33.

¹² Там же, с. 30.

¹³ Н.Т. Пахсарьян, «Свет» и «тени» пасторали в новое время: пастораль и меланхолия, [в:] *Пасторали над бездной*, отв. ред. Т.В. Саськова, Москва 2004, с. 3.

¹⁴ Там же, с. 5.

XX века, а в случае Ширяева, унаследован и лирическими поисками начала XXI столетия. Варьирование на уровне лирического сюжета ширяевского стихотворения пасторальности и меланхоличности с соответствующими им любовной тематикой и трагичностью, обыгрывает проявления дионисийского начала, предстающего в различных масках. В ряде случаев то, сближаясь с аполлонической ипостасью, то вполне традиционно ей противопоставляясь.

Показательна близость меланхоличности дионисийскому началу. Карен Юханнисон, осмысляя культурологические аспекты меланхолии, выделяет ряд черт характеризующих данный феномен. С точки зрения исследовательницы, меланхолия неизменно обозначая страдание, имеет пограничный характер и предстает как «сумма настроений и состояний»¹⁵, а в качестве явления культуры «высвечивает отношения между личностью и окружающим миром»¹⁶. Культ Диониса для преображения также требовал балансирования между экстазом и меланхолической печалью, даже отчаянием, активизируя эротический потенциал, подвижность и трансформации сознания, преодолевающего границы обычной телесности, обретая, таким образом, бессмертие. Для ширяевского стихотворения подобный дионисийский контекст может стать интерпретантой диалога пасторальных, эротических и меланхолических кодов. Согласно наблюдениям Вадима Михайлина,

неразрывное в древнегреческом восприятии единство поэзии и музыки подается в «немой» вазописи либо через пляску (с обилием дионисийских коннотаций), либо через изображение музыкантов и музыкальных инструментов (с обилием коннотаций эротических)¹⁷.

Пасторальность апеллирует к дионисийским музыкальным инструментам: свирели и флейте. По замечанию культуролога Виктории Давыдовой, специализирующейся на изучении семиотического аспекта флейты, именно этот музыкальный инструмент стал «выразителем пасторальной идиллии», сохранив «до сегодняшнего времени свою связь с топикой любви как одной из форм воплощения светлого и положительного начала»¹⁸. В ширяевском стихотворении обозначены «четыре флейты в ряд», которые образуют некое космогоническое единство, повторяя конфигурацию свирели Пана, что усиливает скрытые пастушеские коннотации, активизируя потенциал для реализации современным поэтом пасторального метасюжета.

Минорная тональность («скрипочка в миноре») задает развитию лирического сюжета явно меланхолические параметры. А. Ширяев открыто манифестирует темы самопознания поэта, экстатического переживания вдохновения, страстей и любовного томления. По мысли Жана Старобинского,

¹⁵ К. Юханнисон, *История Меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь*, Москва 2011, с. 20.

¹⁶ Там же, с. 26.

¹⁷ В. Михайлин, *Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции*, Москва 2005, с. 283.

¹⁸ В. Давыдова, *Образ флейты: поэтические вариации*, http://zvukinadezdy.ucoz.ru/publ/stati/publicistika/obraz_fleity_poehticheskie_variatsii-viktorija-davydova/23-1-0-184.

«привязанность к прошлому, которым уже невозможно овладеть, [...] один из самых великолепных примеров превращения влюбленного состояния в состояние меланхолическое»¹⁹. Тема безвозвратно утраченного будь то прошлое, полнота бытия, любовное чувство или же непосредственно сам объект страсти, стимулирует включение в текст мотива оплакивания, обыгрывая на уровне подтекста меланхолическую интерпретацию пасторального метасюжета. В данном контексте минорность и ощущение страдания («А пальцы у неё тонки и безутешны») становятся не только кодами напряженной игры музыканта, но позволяют с помощью музыкальных метафор семиотизировать, переживаемые автором и его поэтическими двойниками, страсти.

Меланхолия может связываться с определенными локусами и топосами, соответствующими ощущению заброшенности, одиночества, печали, разрушения, увядания, таинственности. В данном контексте временем года, соотносимым с меланхолическим модусом, несомненно, будет именно осень.

Характерно, что из времен года автором избрана в качестве темпоральной маркировки середина осени («звучащие легко в каком-то октябре»), соответствуя зрелости и минорности обыгрываемой мелодии. Музыкальные решения тематики *Времен года* являются кодами пасторальности. По утверждению Ольги Кристалюк, «пастораль становится темой для инструментального, камерно-вокального, инструментально-хорового творчества (цикл концертов *Времена года* А. Вивальди, оратория *Времена года* Й. Гайдна)»²⁰. Современный поэт активизирует в своем стихотворении пасторальные коннотации, противопоставляя прямо названую осень («в каком-то октябре») аллюзивно обозначенному лету («пьяная черешня») как эмблематические времена печали и блаженства. Согласно поэтическому замыслу А. Ширяева преобразование человеческого бытия в виде возникающего музыкального концерта превращает тело и душу в инструменты, порождающие музыку и в этом обретающие свой высший удел.

Тема октября становится знаком середины жизни – обретением зрелости. Парадоксален тот факт, что позже жизнь Андрея Ширяева, согласно его решению оборвалась именно в октябре. Некоторые критики считают, что это можно расценивать как своего рода предсказание – проявления легендарного феномена предвидения поэтов своей смерти. Так или иначе, но очевидно, что для А. Ширяева по какой-то причине октябрь – месяц знаковый.

В плане акцентирования меланхоличности показательно и темпоральное упоминание. Октябрь – время сбора винограда, связан с темой Диониса. По утверждению К. Кереньи, «в Фалере в прежние времена основной гавани Афин, Диониса чествовали довольно замысловатым способом. [...] Происходило это в начале месяца пианопсиона (приблизительно *наш октябрь* [курсив С.Ф.]), который согласно аттическому календарю считался месяцем сбора винограда»²¹. Дионисийское мироощущение связано в целом с тональностью

¹⁹ Ж. Старобинский, *Чернила меланхолии*, Москва 2016, с. 477.

²⁰ О.А. Кристалюк, *Что скрывает пастораль, или размышления об историко-стилевых метаморфозах*, [в:] *Профессиональное музыкальное искусство: отечественные традиции в контексте мировой музыкальной культуры*, Самара 2014, с. 90.

²¹ К. Кереньи, *Дионис...*, с. 101–102.

ширяевского лирического послания и в плане его меланхоличности и экзатичности, и в варьировании пасторального сюжета с элементами перерождения и самопознания. Аспект упоминания октября в ширяевском тексте соотносим как с античными дионисийскими мистериями и соответствующими мифологемами, так и с особым восприятием бытия и человека в мире.

Характерно, что тема времен года также этимологически связана с мифом о Дионисе – умирающем и воскресающем боге. По наблюдению Галины Варакиной, генеологию Диониса и специфику дионисийского духа определяют, прежде всего, «экстатическое безумство и бессмертие души»²², а «отголоски будущего дионисийского экстаза» заметны «уже в древнейшем культе, связанном с магическим воздействием на плодородие земли»²³. Представление об амбивалентном и непредсказуемом дионисийском духе на уровне подтекста стихотворения задает идею внутреннего преображения, болезненного и отрадного одновременно. Лирический герой в мифе Ширяева – его поэтический двойник, подобно меняющемуся, страдающему и опьяняющему Дионису, переживает превращение своей жизни на телесном и духовном уровне в музыкальное звучание, подразумевая легендарное предназначение поэта.

По мысли Татьяны Саськовой, «контрастно соотнесенные природные циклы, времена года сливаются с психологическими переживаниями»²⁴ и задают особое развитие пасторальному лирическому сюжету. Такой эмоциональный фон мифологического противопоставления лета и осени как оппозиционных доминант рассвета жизненных сил и угасания, активизируя образы античных умирающих и воскресающих божеств, обуславливает «взаимопроникновение природно-объективного и эмоционально-субъективного», обеспечивая «динамическую целостность»²⁵. В ширяевском поэтическом тексте звон музыки, оборачивающийся вином «в серебре», возносится и очаровывает, означая полет и воспарение. Такой аспект темы пробуждает ряд различных образов: Афродиты, родящейся из морской пены; птиц, осенью летящих на юг («щечечут, над морем»); шхуны, отправившейся в плаванье по морю (вариация бодлеровского *Плаванья и Пьяного корабля* А. Рембо); чаши Грааля, на поиски которой отправлялись средневековые рыцари.

Смена лета – времени блаженства – октябрём, актуализирует как смысловые горизонты меланхолии, так и обыгрывает на уровне подтекста мифологему сюжета о Дафнисе и Хлое. Показательно, что Дафнис, согласно мифологическим представлениям изобретатель буколической поэзии, которого «единокровный брат Пан научил играть на свирели и петь пастушеские песни»²⁶. При этом Дафнис, аналогично Дионису, – божество, связанное с природными культами и идеей умирания и возрождения. В мифе о Дафнисе

²² Г.В. Варакина, *Между Дионисом и Аполлоном: Очерки о русской культуре «серебряного века»*, Рязань 2007, с. 14.

²³ Там же, с. 14.

²⁴ Т.В. Саськова, *Синтез искусств в идиллии Ю. Верховского «Хлоя покинутая. Вариации»*, «Вестник Университета Российской Академии Образования» 2014, № 2, с. 42.

²⁵ Там же.

²⁶ *Мифология. Большой энциклопедический словарь*, гл. ред. Е.М. Мелетинский, Москва 1998, с. 175.

изначально сокрыт меланхолический потенциал, ведь за неверность в любви он был наказан и «раздираемый печалью, блуждал [...] по острову, пытаясь утешить себя музыкой и пением, но потом бросился со скалы в море»²⁷. Радости любви и даже возможная неверность Дафниса или же страдания от утраты взаимности в тексте современного поэта явлены взаимоотношениями с некой возлюбленной, чей мерцающий образ, предстает то желанной женщиной, то своей собственной душой, то мифологической Психеей, то музой.

Чары музыки преображают мир вокруг и причащение тоской и опьянением, оборачивается радостью и упоением лета («И прятная тоска, и пьяная черешня / Растает на губах, как нежная сестра»). *Пьяная черешня* становится заменой запретного плода из Эдемского сада, тайной познания, желаний, наслаждения и чаяний, отрадой любви и сосредоточием жизненных сил. Образ тающей на губах ягоды, своего рода эвфемизм поцелуя как эротического, так и божественного, обладает одновременно «дионисийским» оттенком («пьяная»), так и не лишен «аполлонических» коннотаций («нежная сестра»).

Образ черешни обладает сильным эмблематическим потенциалом. Латинское название черешни «*Prunus avium*» переводится – «птичья слива» или «птичья вишня», что на уровне подтекста вполне востребовано в ширяевском лирическом сюжете, где достаточно «птичьих» метафор: «щебеча», «над морем», «навстречу облакам», видимо связанных с темой полета и мифологемой Психеи.

Своеобразные дионисийские коды меланхолии, можно заметить в представлении о том, что данный феномен связывается с символическим умиранием и преображенным воскрешением. По замечанию К. Юханнисон, «некоторые черты меланхолии считались особым даром (ясновидение и экстаз), другие назывались грехом и пытались исправить (тоска и безразличие)...»²⁸. Показательно, что меланхолия подобно инспирации, достигаемой с помощью экстатических озарений, присущих дионисийскому культу, в культурологической рецепции соотносилась с обретением пророческих способностей и в то же время некой роковой отчужденности – следствием пограничности сознания. В определенном смысле закономерно, что радости приобщения к любви и природе, соответствующие канону пасторали, потенциально подразумевает трагический аспект решения пасторально-музыкальной темы. Этимологическая укорененность пасторали в традиции дионисийских мистерий, с обыгрыванием соответствующих мифологем и мотивов, задает пасторальному метасюжету связь не только с мотивом отчаянья от неразделенной любви, но и с темами обретения провидения, ощущения растерзанности, прохождением метаморфоз.

Образ «нежной сестры» также пробуждает ряд ассоциаций, проявляясь в ширяевском тексте в качестве мифологем: Хлои, музы и Психеи-души. Именно меланхолический модус ширяевского пасторального сюжета, помимо дионисийских и дафниских мифологем, актуализирует в преображенном виде миф о Психее, в образе скрипки-души, погружающейся в темноту и ночь («и тонет в темноте») и при этом с помощью музыки способной к воспарению.

²⁷ Там же.

²⁸ К. Юханнисон, *История Меланхолии...*, с. 263–264.

Согласно Юлии Котариди, «мотив крыльев Психеи, волочащихся за нею в пыли, вероятно, восходит к платоновскому представлению о крылатой душе (*Федр*), стремящейся к прекрасному, но все-таки обреченной соприкасаться с материальным»²⁹. Ширяевский образ возлюбленной-Психеи, превращающейся в ходе мистериального концерта в «скрипочку в миноре», также обыгрывает тему испытаний, которые Психея должна пройти («И ночь её длинна – дожить бы до утра»), прежде чем станет способна достигнуть совершенства.

В ширяевском лирическом сюжете принципиальна множественность идентификации мерцающего женского образа: жизнь, душа лирического «я», муза, спутницы Диониса: неистовствующая вакханка и его избранница Ариадна, до этого пережившая ощущения горечи и покинутости на острове Наксос, сестра – то есть духовный двойник, возлюбленная, скрипка.

Мытарства Психеи, как и страдания покинутых Хлои или же Ариадны, в стихотворении современного поэта трансформируются, видоизменяя традиционный пасторальный метасюжет. Так женскому *alter ego* лирического героя приписывается вдовство и ощущение осиротелости с соответствующей безутешностью и оплакиванием некой утраты («А пальцы у неё тонки и безутешны, / И ночь её длинна – дожить бы до утра»). В то же время, эмоциональный фон, переживаемый женской ипостасью, оказывается близок к экстазу и должному последовать за ним катарсису. Эротические коды ширяевского текста соотносятся с темой близости и завороченности («...женщина в ладонях, / Как скрипочка, легка») выполняя функцию жизнеутверждающего начала, которое следует за дионисийскими темами растерзанности и жертвенности.

На основании проведенного анализа можно заключить, что пасторальный метасюжет для современного поэта Андрея Ширяева стал своего рода «зеркалом» меланхолии, самопознания, преображения и дионисийского экстаза, отражая тему жизни поэта как воображаемого мистериального концерта.

Литература

- Баринг-Гоулд С., *Мифы и легенды Средневековья*, Москва 2009.
- Варакина Г.В., *Между Дионисом и Аполлоном: Очерки о русской культуре «серебряного века»*, Рязань 2007.
- Гервер Л.Л., *Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов (первые десятилетия XX века)*, Москва 2001.
- Гозенпуд А.А., *Волшебная флейта (Die Zauberflöte)*, [в:] *Оперный словарь*, Санкт-Петербург 2005, с. 81–83.
- Давыдова В., *Образ флейты: поэтические вариации*, http://zvukinadezdy.ucoz.ru/publ/stati/publicistika/obraz_flejty_poeticheskie_variacii_viktorija_davydova/23-1-0-184.
- Кереньи К., *Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни*, Москва 2007.

²⁹ Ю.Г. Котариди, *Лики Психеи в литературе западноевропейского романтизма*, [в:] *Мифологические образы в литературе и искусстве*, отв. ред. М.Ф. Надъярных, Е.В. Глухова, Москва 2015, с. 43.

- Котариди Ю.Г., *Лику Психеи в литературе западноевропейского романтизма*, [в:] *Мифологические образы в литературе и искусстве*, отв. ред. М.Ф. Надъярных, Е.В. Глухова, Москва 2015, с. 36–45.
- Кристалюк О.А., *Что скрывает пастораль, или размышления об историко-стилевых метаморфозах*, [в:] *Профессиональное музыкальное искусство: отечественные традиции в контексте мировой музыкальной культуры*, Самара 2014, с. 84–93.
- Михайлин В., *Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции*, Москва 2005.
- Мифология. Большой энциклопедический словарь*, гл. ред. Е.М. Мелетинский, Москва 1998.
- Пахсарьян Н.Т., «Свет» и «тени» пасторали в новое время: пастораль и меланхолия, [в:] *Пасторали над бездной*, отв. ред. проф. Т. В. Саськова, Москва 2004, с. 3–10.
- Саськова Т.В., *Синтез искусств в идиллии Ю. Верховского «Хлоя покинутая. Вариации»*, «Вестник Университета Российской Академии Образования» 2014, № 2, с. 41–48.
- Старобинский Ж., *Чернила меланхолии*, Москва 2016.
- Степанов Ю., *Выдающийся поэт Андрей Ширяев*, [в:] А.В. Ширяев, *Случайный ангел*, Москва 2016, с. 3–5.
- Топоров В.В., *Флейта водосточных труб и флейта-позвоночник (внутренний и внешний контексты)*, [в:] *Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы*, т. 1, Москва 2010, с. 438–446.
- Цивьян Т.В., *Музыкальные инструменты как источник мифологической реконструкции*, [в:] *Язык: тема и вариации: избранное: в 2 кн., кн. 2.: Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика*, Москва 2008, с. 24–38.
- Ширяев А., *Четыре флейты в ряд и скрипочка в миноре...*, [в:] *Мастер зеркал – поэзия и проза*: <http://www.shiryaev.com/chetyre-fleity-v-ryad>.
- Эткинд Е., *Флейтист и крысы (Поэма Марины Цветаевой «Крысолов» в контексте немецкой народной легенды и ее литературных обработок)*, «Вопросы литературы» 1992, № 3, с. 43–73.
- Юханнисон К., *История Меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь*, Москва 2011.

Флейта как знак дионисийского мироощущения в авторском мифе Андрея Ширяева

Резюме

Внимание автора статьи сосредоточено на осмыслении знаковой природы флейты в авторском мифе современного поэта Андрея Ширяева. Музыкальный инструмент рассмотрен с точки зрения его эмблематического и смыслопорождающего аспектов. Проанализирована специфика дионисийского мироощущения. В лирическом сюжете стихотворения А. Ширяева изучена взаимосвязь дионисийского контекста с кодами меланхолии и пасторальности. Выявлена высокая степень интерпретационного потенциала данного поэтического текста (*Четыре флейты в ряд и скрипочка в миноре...*).

Ключевые слова: флейта, дионисийское мироощущение, авторский миф, пасторальный метасюжет, меланхолия, экстаз, музыкальные коды

**Flute as the Sign of Dionysian Attitude
in the Author's Myth by Andrey Shiryaev**
Abstract

In article the attention is concentrated on judgment of the sign nature of a flute in the author's myth by the modern poet Andrey Shiryaev. The musical instrument is considered from the point of view of his emblematic and sense-generation's aspects. The specifics are analysed of dionysian attitude. In a lyrical plot of the poem by A. Shiryaev is studied the interrelation of a dionysian context with codes of melancholy and a pastoralist. High degree is revealed of interpretative potential of this poetic text (*Four flutes in a row and the violinist in a minor...*).

Key words: flute, dionysian attitude, author's myth, pastoral metaplot, melancholy, ecstasy, musical codes

Светлана Фокина

Кандидат филологических наук

Доцент кафедры мировой литературы

Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

Svetlana Fokina, associate professor

Odessa I.I. Mechnikov National University

e-mail: svetlana_fokina@ukr.net

+380 974054990

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ / PRZEKŁADOZNAWSTWO

*Marcin Dziwisz***Rzeczywistość radziecka
i rosyjska w przekładzie
(na materiale tłumaczeń anegdot rosyjskich
na język polski)**

W każdej kulturze funkcjonują określone elementy rzeczywistości, które wyróżniają ją spośród innych kultur. Mają one znaczący wpływ na językowy obraz świata istniejący w świadomości użytkowników danego języka. Elementy te, tzw. realia, obarczone są znacznym wachlarzem różnorodnych konotacji, odnoszących się różnych przejawów ludzkiej działalności.

Siergiej Włachow i Sidier Florin rozumieją realia jako:

Предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны и не встречающиеся у других народов¹.

Rozszerzając powyższą definicję, badacze stwierdzają, że owe elementy kultury znajdują odbicie w języku. Na tej podstawie definiują oni tzw. nazwy realiów, którymi mogą być:

слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов в других языках) и, следовательно, не поддаются переводу на общих основаниях, требуя особого подхода.

Uzupełnienia zaprezentowanej charakterystyki odnajdujemy w pracach innych badaczy przekładu. Roman Lewicki określa nazwy realiów² jako „oznaczenie nazw obiektów nie występujących w języku przekładu, tj. specyficznych dla języka

¹ С. Влахов, С. Флорин, *Непереводимое в переводе*, Изд-во Высшая школа, Москва 1986, с. 53.

² Więcej o przekładzie nazw realiów oraz o wykorzystaniu różnych technik translatorских patrz: R. Lewicki, *Zagadnienia lingwistyki przekładu*, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2017.

oryginału”³. Ponadto badacz wplata dane zagadnienie w znacznie szerszy kontekst badań nad konotacją obcości w tekście przekładu.

O specyficznych elementach kulturowych mówi także Krzysztof Hejwowski, mając na myśli

(...) takie elementy tekstu, które w sposób szczególny łączą się z kulturą danego kraju (...) Tak rozumiane elementy kultury obejmują większość imion własnych, nazwy i zwroty związane z organizacją życia w kraju kultury wyjściowej, obyczajami i przyzwyczajeniami, cytaty i aluzje mające ścisły związek z literaturą danego kraju, aluzje do historii kraju i do innych sfer kultury, takich jak muzyka, film, malarstwo⁴.

Jak widać, pojęcie nazw realiów jest bardzo szerokie i obejmuje bardzo różne przejawy ludzkiej działalności. W niniejszym artykule postaramy się pokazać jak w tekście przekładu zostały oddane leksemy odnoszące się do realiów Związku Radzieckiego oraz Rosji współczesnej. Nośnikami wyżej wymienionych elementów, które poddamy szczegółowej analizie będą oryginały i przekłady radzieckich i rosyjskich anegdot.

Uniwersalny słownik języka polskiego pod redakcją S. Dubisza, definiuje dany gatunek jako „krótkie opowiadanie o jakimś zabawnym zdarzeniu z życia znanej osoby, zakończone dowcipną puentą”⁵. Z kolei *Большой толковый словарь* pod redakcją S.A. Kuzniecowa podaje, że anegdota to: „один из жанров фольклора, короткий юмористический рассказ, обычно высмеивающий кого-либо, что-либо”⁶.

Warto w tym miejscu przytoczyć definicję anegdoty, którą proponują E.J. Szmielowa i A.D. Szmielow:

Анекдот – это короткий связный текст, (...) произносимый говорящим намеренно, со специальной целью рассмешить слушающего, понятный слушающему, (...) произносимый в определенной ситуации, (...) и связанный интертекстуальными связями с другими анекдотами и стереотипами анекдотического пространства⁷.

Przytoczone definicje słownikowe wyraźnie różnią się od siebie. Pierwsza zwraca uwagę, że bohaterem anegdoty jest przede wszystkim ktoś znany, konkretna osoba. Natomiast definicja rosyjska jest nieco bardziej szeroka, mówiąca, o tym, że w centrum sytuacji komicznej może znajdować się tylko *ktos*, ale również *coś*, a więc zdarzenie, czy właśnie wspomniane wyżej realia. Zdecydowanie najciekawszą (zwłaszcza z punktu widzenia przekładu) jest definicja ostatnia, zwracająca uwagę na fakt konieczności zaistnienia określonych relacji pomiędzy osobą opowiadającą anegdotę, a tą, która jej słucha. Niezbędna w tym przypadku jest pewna zgodność

³ R. Lewicki, *Obcość w odbiorze przekładu*, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2000, s. 48.

⁴ K. Hejwowski, *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2006, s. 70.

⁵ *Uniwersalny słownik języka polskiego*, red. S. Dubisz, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2008, s.78.

⁶ *Большой токовый словарь*, ред. С.А. Кузнецов, изд-во Норинт, Санкт-Петербург 2006, c. 40.

⁷ Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев, *Русский анекдот. Текст и речевой жанр*, Изд-во Языки славянской культуры, Москва 2002, c. 26.

zasobów wiedzy uprzedniej obydwu uczestników aktu komunikacji, a więc: znajomość tych samych realiów kultury, historii, mentalności narodowej itp.

Przenosząc dalsze rozważania na grunt przekładoznawstwa, przywołajmy słowa rosyjskiego badacza W.N. Komissarowa, który stwierdza, że:

Принадлежность оригинала к особому функциональному стилю может оказывать влияние на характер переводческого процесса и требовать от переводчика применения особых методов и приемов⁸.

Widać zatem, że także anegdota jako gatunek może wywoływać określone trudności przekładowe. Mają one przede wszystkim charakter ekstralingwistyczny oraz kulturowy, wynikający z faktu, że omawiany typ tekstu jest swego rodzaju nośnikiem mentalności narodu. To właśnie w anegdocie uwidacznia się stosunek użytkowników języka do tego, co może zostać uznane za komiczne, do współczesnych oraz historycznych realiów, także a do aktualnych relacji społecznych. Z drugiej strony, anegdoty często zawierają zwroty charakterystyczne dla języka potocznego, a także różne gry słowne lub kalambury. Wszystkie te elementy utrudniają ich przekład, a także odbiór przez adresata, do którego tłumaczenie jest skierowane.

Pierwszym i zarazem najtrudniejszym do oddania w przekładzie aspektem będzie kwestia denotatywności, a więc prawidłowej identyfikacji bohatera lub wydarzenia i umieszczenie go we właściwym kontekście społeczno-historycznym. Prześledźmy zatem pierwszy przykład.

Надежда Константиновна ночью бутит мужа:

- *Володя*, давай!
- Ты, что *Наденька*, услышат!
- Ну, *Володечка*, мы потихонечку!
- Да нет, перегородки тонкие.
- Ну черт с ними! Прошу тебя, *мне очень хочется!*
- Ну ладно, только тихо:
- „*Союз нерушимый республик свободных...*”

Jak widać, oś komizmu w przytoczonej anegdocie skupia się na grze słów, co skutkuje powstaniem elementu dwuznaczności, kierującego całą sytuację w stronę intymnych relacji damsko-męskich. Powyższy tekst staje się jeszcze zabawniejszy jeśli weźmiemy pod uwagę fakt, że ów krótki dialog prowadzą ze sobą Nadieżda Krupska i Włodzimierz Lenin. W polskim przekładzie czytamy:

Надieżда Константиновна буди mężа в нocy:

- *Wołodia*, chcesz?
- Coś ty, *Nadiu*, usłyszq!
- No *Wołodeńka*, my cichuteńko!
- Chyba nie, ścianki są cienkie.
- Do diabła z nimi! Proszę cię, *mam taką ochotę!*

⁸ B.N. Комиссаров, *Теория перевода (лингвистические аспекты)*, Изд-во Альянс, Москва 1990, s. 109.

– *No dobrze, tylko cichutko:*

„Niezlomny jest związek republik swobodnych...”

Porównując polski przekład z rosyjskim oryginałem można zauważyć, że tłumaczowi udało się oddać wspomniany wyżej wydźwięk komiczności. Problematycznym natomiast staje się fakt: czy odbiorca finalny zdoła odnieść personalia bohaterów anegdoty, do konkretnych postaci historycznych. W kręgu kultury polskiej Lenin i Krupska nie są tak dobrze rozpoznawalni, zwłaszcza, że w tym konkretnym przypadku nie padają ich nazwiska, a jedynie imiona, a w przypadku Krupskiej również patronimik. Podobnie sytuacja przedstawia się jeśli chodzi o pierwsze słowa hymnu radzieckiego. Można z dużą dozą prawdopodobieństwa założyć, że polski odbiorca (szczególnie młodego pokolenia) nie odczyta sensu omawianej anegdoty w sposób pełny, a więc ekwiwalentny w stosunku do reakcji, jaką tekst oryginalny wywoła u odbiorcy prymarnego.

Podobne trudności dostrzec można w kolejnym przykładzie:

1937 год. Муж с женой чутко

спят в своей квартире. Вдруг среди ночи –

шум и топот ног на лестнице.

Резкий звонок в дверь, сопровождаемый громким стуком.

Ни жив, ни мертв, муж пошел открывать,

через минуту он возвращается:

– **Не волнуйся,** - говорит он,

– **это всего лишь пожар.**

Tekst docelowy brzmi następująco:

1937 rok. Mąż i żona czujnie śpią w swoim mieszkaniu.

Nagle pośród nocy rozlega się szum

i tupot nóg na klatce schodowej.

Ostry dzwonek do drzwi i mocne stukanie.

Mąż ledwo żywy ze strachu poszedł otworzyć drzwi.

Po chwili wraca i mówi do żony.

– **Nie denerwuj się, to tylko pożar.**

Analizę powyższego fragmentu rozpoczniemy od uwypuklenia źródła komizmu całej sytuacji, które zawarte zostało w wersji, gdzie mąż uspakaja żonę słowami: *to tylko pożar*. Pożar postrzegany powszechnie jako zjawisko bardzo groźne, podświadomie wywołujące poczucie strachu i paniki zostaje tu wykorzystane w charakterze uspokojenia, potwierdzenia, że nic strasznego się nie dzieje. Świadczy o tym użycie słowa *tylko*, którego wykorzystanie bagatelizuje całą sytuację. Skoro zatem tak niebezpieczny żywioł jak ogień okazuje się sprawą zupełnie błahą, co to zatem przeraziło małżonków? Odpowiedź znajduje się już w pierwszej linijce anegdoty. Mowa tu bowiem o roku 1937, roku wielkiego terroru, czystek w wojsku, masowych zsyłek do łagrów, pokazowych procesów i znikających z ulic i mieszkań obywateli. To właśnie nocą agenci NKWD nachodzili „podejrzanych” w domach i doprowadzali

ich na przesłuchania. Również w tym przypadku niezbędna jest konkretna wiedza uprzednia, aby prawidłowo odczytać sens tekstu wtórnego. Analogiczny problem napotykamy w dwóch innych anegdotach:

*Новая статья советской
конституции: Граждане СССР
имеют право **на посмертную
реабилитацию.***

*Nowy artykuł radzieckiej
konstytucji: Obywatele ZSRR
mają prawo **do pośmiertnej
rehabilitacji.***

*Два старых большевика:
– Помнишь, Вася, как мы
брали Зимний?
– Дааа, уж **погорячились мы...***

*Dwóch starszych bolszewików:
Pamiętasz Wasia, jak braliśmy **Pałac Zimowy?**
– Taak, **zbyttnio żeśmy się pośpieszyli.....***

Historyczne konotacje w obydwu przytoczonych przykładach są doskonale widoczne. Co ciekawe, w przykładzie drugim tłumacz wychodzi naprzeciw odbiorcy polskiemu, stosując konkretyzację w odniesieniu do oryginalnego leksemu *Зимний*, co ma za zadanie ułatwić właściwy odbiór przekładanego tekstu.

Przejdziemy teraz do analizy anegdoty odnoszącej się do Rosji współczesnej. Zobaczymy, że problem przekładu realiów kulturowych jest nadal aktualny. Zmianie nie ulega bowiem sam mechanizm, a jedynie konkretne realia. Sytuację taką ilustruje poniższy przykład:

*Разговаривают два **новых русских**:
– Вань, слышь, вчера Серега
в **Питере** на шестисотом
мерсе **в мужика на лошади** врезался!
– И как последствия?
– Ну, Серега в больнице, мерс всмятку....
– А как тот мужик на лошади?
– А ему то что? **Он же бронзовый!**...*

*Rozmawia dwóch **Nowych Ruskich**:
– Wania, słyszałeś, że wczoraj Sieriooga
w **Pitrze** na merolu sześćsetce wpakował się
w faceta na koniu!
– No i co?*

- No wiesz, *Sierioża* w szpitalu,
merol na złom...
- A co z tym facetem na koniu?
- A co ma być?
- Przecież **on jest z brązu!**...

Powyższa anegdota jest bardzo ciekawa. Zawiera bowiem aż trzy elementy, które możemy odnieść do realiów rosyjskich. Pierwszy, mający odniesienie socjologiczne to *новые русские*. Oryginalny związek wyrazowy oznacza grupę ludzi, klasę średnią, która po upadku ZSRR znacznie się wzbogaciła, podniosła swój status materialny⁹. Właśnie owo wzbogacenie się i prowadzenie nieco snobistycznego trybu życia sprawiło, że wspomniana warstwa społeczna stała się obiektem żartów.

W polskim przekładzie określenie oryginalne zostało oddane jako *Nowi Ruscy*, co jest naszym zdaniem zabiegiem dosyć udanym. Łączy ono bowiem potoczny, nieco obraźliwy przymiotnik *Ruski* (używany obecnie najczęściej w odniesieniu do wszystkiego, co znajdowało się na wschodnią granicą Polski) ze słowem *Nowy*, sugerującym, iż nastąpiła jakaś zmiana (całkiem z resztą słusznie), że cały związek wyrazowy odsyła do innego wycinka rzeczywistości pozajęzykowej niż sam leksem *Ruski*. Takie rozwiązanie zmusza odbiorcę finalnego do zastanowienia się o jakiej grupie ludzi jest tu mowa.

Drugi element powyższej anegdoty – leksem *Питер* – ma podłoże już nie socjologiczne, a czysto lingwistyczne, gdyż jest to potoczna, skrócona forma nazwy *Sankt Petersburg*. W tym przypadku tłumacz zdecydował się na zastosowanie ekwiwalentu *Piter*. Jak widać, występuje on w formie odmienionej (miejscownik) w *Pitrze*, co sprawia, że forma polskiego odpowiednika brzmi nieco sztucznie, dziwnie, (choć jest całkowicie poprawna z punktu widzenia gramatyki).

Trzecim komponentem analizowanego tekstu, który zostanie poddany analizie jest fraza *в мужика на лошади врезался (...)* *Он же бронзовый!*... W tym przypadku mamy do czynienia z realiami, które można odnieść do historycznego, rosyjskiego dziedzictwa materialnego, gdyż mowa jest tu o pomniku Piotra Wielkiego (Медный всадник), który znajduje się na brzegu Newy, nieopodal Pałacu Zimowego. Dla Rosjan jest to pomnik-symbol, jedno z najbardziej rozpoznawalnych dzieł sztuki i hołd dla założyciela Wenecji Północy. Fakt ten stanowi jeden z elementów budowy sytuacji komicznej w opisywanym tekście, gdzie wspomniany *Nowy Ruski* uderza weń samochodem. Dla odbiorcy polskiego sens całej anegdoty nie jest już tak oczywisty. Wątpliwym jest, aby skojarzył on zawarty w anegdocie opis pomnika z konkretnym miejscem, czy postacią historyczną. Cały wachlarz konotacji związany z Miedzianym Jeźdźcem nigdy nie zaistnieje w jego świadomości, a więc nie będzie on w stanie całościowo odczytać istoty danego tekstu.

Kolejny przykład pokazuje, w jakim stopniu zastąpienie oryginalnego wycinka rzeczywistości pozajęzykowej elementem charakterystycznym dla kultury przekładu może wpłynąć na recepcję tłumaczenia.

⁹ Informacja za: Е.Я. Шмелева, *Новые русские в пространстве русского анекдота*, [в:] *Русский язык сегодня. Активные языковые процессы конца XX века*, Изд-во „Азбуковник”, Москва 2003, s. 539.

Останавливает молодой **гаишник** водителя,
проехавшего на красный свет:

– Ваши документы!

– Понимаешь, друг, забыл! Выпили с друзьями по двести, и забыл.

Гаишник не знает, что делать, бежит к начальнику патруля:

– Товарищ лейтенант! Там пьяный за рулем, еще и без документов!

– Ну-ка дыхните!

Тот дышит.

– Вроде не пьяный...

– Документы есть?

– Пожалуйста, - протягивает документы.

– А что ж **сержант** говорит, что пьяный и без документов?

– Вы его послушайте, он еще скажет, что я красный свет проехал!

Polski przekład oddają tę anegdotę w następujący sposób:

– Młody **posterunkowy** zatrzymuje kierowcę, który przejechał na czerwonym świetle.

– Dokumenty proszę!

– Rozumiesz, przyjacielu, zapomniałem! Wypiliśmy z kumplami po 200 gramów i zapomniałem!

Posterunkowy nie wie co robić, biegnie do dowódcy patrol;

– Towarzyszu poruczniku! Tam jest pijany kierowca i na dodatek bez dokumentów!

– Proszę chuchnąć!

Tamten chucha.

– Tak jakby trzeźwy...

– Dokumenty są?

– Proszę – podaje dokumenty.

– A dlaczego **sierżant** mówi że pan jest pijany i bez dokumentów?

– Jak go pan jeszcze posłucha to może powie, że na czerwonym świetle przejechałem!

Rosyjskie słowo **гаишник** zostało oddane w tekście wtórnym za pomocą ekwiwalentu **posterunkowy**. Widać zatem, że translat odnosi się do nieco innego fragmentu rzeczywistości niż wyraz rosyjski. Słowo **posterunkowy** określa najniższy stopień w polskiej służbie policyjnej. Użycie tego terminu zaciera oryginalne konotacje związane ze słowem **гаишник**, czyli funkcjonariuszem ГАИ – государственной автоинспекции (służba państwowa będąca odpowiednikiem polskiej policji drogowej). Uniemożliwia to odbiorcy przekładu odniesienie tego fragmentu tekstu do konkretnego elementu rzeczywistości rosyjskiej. Ponadto znaczenie słowa **posterunkowy** nie jest tożsame ze znaczeniem słowa **гаишник**. Można tu zauważyć odwrócenie funkcji i pozycji zawodowej reprezentowanej przez te dwa terminy, gdyż dokonany przez tłumacza wybór pociąga za sobą konsekwencję w postaci błędu rzeczowego.

W oryginale czytamy:

– А что ж **сержант** говорит, что пьяный и без документов?

Słowo *сержант* określa stopień policyjny, który posiada ów *зашник*. W polskim przekładzie można zauważyć sytuację, w której *posterunkowy* nazywany jest przez przełożonego *sierżantem*. Określenia te oznaczają różne stopnie w polskiej policji, zatem wykluczają się wzajemnie. Osoba pełniąca funkcję *posterunkowego* nie może jednocześnie być *sierżantem*. Mamy więc tu do czynienia z pewnym zniekształceniem obrazu oryginalnej sytuacji.

Podsumowując: problem przekładu anegdot, które zawierają elementy charakterystyczne dla kultury rosyjskiej czy radzieckiej jest zadaniem niełatwym. Związane jest to z nieprzystawalnością realiów, w jakich funkcjonują użytkownicy obydwu języków: polskiego i rosyjskiego. Ponadto ogromną rolę odgrywa tu tzw. wiedza uprzednia (ros. *фоновые знания*), czyli ogólny poziom wiedzy odbiorcy przekładu, uzyskany np. z innych tekstów, prasy, wykształcenia itd. Można zatem wysnuć wniosek, że odbiorca sekundarny zmuszony jest do znacznie większego wysiłku intelektualnego, aniżeli odbiorca tekstu rosyjskiego.

Teraz przyjrzymy się sytuacji, w której komizm nie jest budowany za pomocą aluzji do określonego wycinka rzeczywistości, lecz poprzez zastosowanie gry słownej. Tadeusz Szczerbowski, w jednej ze swoich prac, za „podstawowe narzędzie i kryterium analizy gier językowych w przekładach przyjmuje oryginalność stosowanych przez tłumacza strategii translatorskich”¹⁰. Przyjrzyjmy się zatem pierwszemu z analizowanych przykładów.

- *Как Вас зовут?* – **Роза**.
- *Где Вы работаете?* – **В банке**.
- *Как романтично:* **роза в банке...**

W polskim przekładzie czytamy:

- *Jak ma Pani na imię?* – **Róża**.
- *A gdzie pani pracuje?* – **w banku**.
- *Jak romantycznie:* **róża w banku**.

W tekście rosyjskim komizm słowny jest w tym przypadku doskonale widoczny, chodzi bowiem o to, że rosyjska forma *в банке* jest obecna w paradygmacie dwóch rzeczowników: *банк* (bank) oraz *банка* (słoik). Co więcej, leksem *Róża* występuje w tekście anegdoty w dwóch funkcjach: nazwy własnej oraz nazwy pospolitej. Podobnie sytuacja przedstawia się w polskim przekładzie. Problem pojawia się natomiast w przypadku przekazania identyczności form miejscownika słów *банк* oraz *банка*. Jak widać, tłumacz decyduje się na oddanie obydwu translandów za pomocą tego samego ekwiwalentu – *bank*, co powoduje prawie całkowitą utratę efektu komiczności sytuacji. Jest to związane z faktem, że w języku polskim analogiczna para leksemów nie występuje. W tym przypadku konieczne stało się wprowadzenie przez tłumacza przypisu kontekstowego, dzięki któremu żart stał się zrozumiały dla odbiorcy przekładu, jednocześnie tracąc swoją nadrzędną funkcję – wywołanie

¹⁰ T. Szczerbowski, *Gry językowe w przekładach „Ulissesa” Jamesa Joyce’a*, Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, Kraków 1998, s. 12.

u niego określonej reakcji, gdyż jak wiadomo, żart wymagający objaśnień przystaje być śmieszny.

Ciekawy przykład gry słownej można zaobserwować w kolejnym przykładzie.

– *В гибели Титаника виноваты евреи!*

– *Ты что? Какие такие евреи?*

– *Как какие? А Лоцман, Боцман, и Штурман. А больше всех Айсберг.*

Winnymi katastrofy Titanika są Żydzi!

– *Coś ty? Jacy znowu Żydzi?*

– *Jak to jacy?*

– *A Locman, Bosman, Szturman, a najbardziej Ajsberg.*

Gra słowna stanowiąca oś komizmu w powyższej anegdocie jest bardzo ciekawa, gdyż mamy tu do czynienia z wykorzystaniem nazw zawodów związanych z żeglugą w funkcji nazwisk, a konkretnie nazwisk osób pochodzenia żydowskiego. Są to: *лоцман* – odpowiednik polskiego pilota morskiego, *боцман* – bosman, *штурман* – nawigator, *айсберг* – dosłownie góra lodowa. Prawdopodobnie dane leksemy zostały wykorzystane w funkcji antroponimów z racji tego, że swoją strukturą przypominają popularne personalia żydowskie; por. *Szpilman, Edelmann, Lesman* (spolszczone Leśmian).

Prawidłowa recepcja tekstu przekładu przez odbiorcę polskiego będzie uzależniona od jego znajomości terminologii związanej z żeglugą. Zaproponowane przez tłumacza translaty bez większych problemów zostaną skojarzone z żydowskimi antroponimami. Problematycznym stanie się zaś odniesienie omawianych leksemów do grupy nazw pospolitych.

Podsumowanie. Przeprowadzona analiza wykazała, że źródłem komizmu w anegdocie może być: a) czynnik językowy, tj. gra słowna (kalambur, polisemia, homonimia); b) czynnik pozajęzykowy, tj. odwołanie do rzeczywistości pozajęzykowej (osób, zdarzeń), w tym wszelkiego rodzaju aluzje. Co więcej, za rzecz niezwykle istotną uznać należy zachowanie w przekładzie związku z kulturą języka wyjściowego. Efekt ten można uzyskać poprzez zachowanie w tekście docelowym pewnych elementów języka oryginału, które zostaną odebrane przez czytelnika jako obce.

Na podstawie przeanalizowanych przekładów, a także tekstów oryginalnych, można stwierdzić, że wymagają one od tłumacza nie tylko kompetencji językowych, ale również szerokiej wiedzy z zakresu kulturoznawstwa czy historii, a także znajomości mentalności narodu, w obrębie kultury którego dany tekst funkcjonuje. W związku z powyższym można wskazać pewne prawidłowości, które udało się nam zaobserwować:

- główną przeszkodą uniemożliwiającą pełne przekazanie sensu anegdoty, a tym samym wywołanie u odbiorcy przekładu identycznej reakcji z tą, jaką wywołuje tekst oryginalny są bariery natury kulturowej – przede wszystkim nieznaną rzeczywistość realiów społecznych czy historycznych, a także dysproporcje dotyczące zasobów wiedzy uprzedniej użytkowników języka wyjściowego i docelowego.
- na drodze do możliwie dokładnego przekazania treści anegdoty mogą stać także różnice tkwiące w elementach poszczególnych systemów językowych. Fakt, że różnią się one od siebie może utrudniać przekaz informacji zawartych

w tekście wyjściowym, gdyż język przekładu nie zawsze dysponuje odpowiednimi środkami (gramatycznymi bądź leksykalnymi) pozwalającymi na dokładne przekazanie treści zawartej w tekście oryginału. Niekiedy tłumacz musi odwołać się do zastosowania przypisu kontekstowego.

- zmiany w sferze denotatywności mogą pociągać za sobą skutki w postaci zacierania się relacji między przekładem i oryginałem, a także prowadzić do różnic dotyczących przekazywanej treści zawartej w anegdocie,
- zachowanie w tekście docelowym elementów, które jego odbiorca będzie odczytywał jako obce w stosunku do swojego języka ojczystego, umożliwia umiejscowienie treści anegdoty w określonym kontekście kulturowym. Dzięki temu przekład będzie silniej oddziaływał na swego czytelnika, co w znacznym stopniu pomoże zrozumieć treść oraz intencję autora tekstu oryginału.

Literatura

Hejwowski K., *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2004.

Lewicki R., *Obcość w odbiorze przekładu*, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2000.

Lewicki R., *Zagadnienia lingwistyki przekładu*, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2017.

Sobolewska W., Gudalewicz G., *Anegdoty rosyjskie*, cz. 1, Warszawa 2007.

Sobolewska W., Gudalewicz G., *Anegdoty rosyjskie*, cz. 2, Warszawa 2007.

Sobolewska W., Gudalewicz G., *Anegdoty rosyjskie*, cz. 3, Warszawa 2007.

Szczerbowski T., *Gry językowe w przekładach „Ulissesa” Jamesa Joyce’a*, Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, Kraków 1998.

Uniwersalny słownik języka polskiego, red. S. Dubisz, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2008.

Большой толковый словарь, ред. С.А. Кузнецов, Изд-во Норинт, Санкт-Петербург 2006.

Влахов С., Флорин С., *Непереводимое в переводе*, Изд-во Высшая школа, Москва 1986.

Комиссаров В.Н., *Теория перевода (лингвистические аспекты)*, Изд-во Альянс, Москва 1990.

[в:] *Русский язык сегодня. Активные языковые процессы конца XX века*, Изд-во „Азбуковник”, Москва 2003, с. 538–548.

Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д., *Русский анекдот. Текст и речевой жанр*, Изд-во Языки славянской культуры, Москва 2002.

Советская и российская реальность в переводе (на материале перевода российских анекдотов на польский язык)

Резюме

В настоящей статье рассматривается проблема перевода так называемых слов-реалий, которые называют элементы характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому. Автором исследуются способы передачи данного типа лексики в польских переводах текстов анекдотов,

в которых можно найти примеры как советских, так и современных российских реалий. Кроме того, в данной статье анализируются примеры перевода языковых игр (каламбуров), с точки зрения их структуры и способов передачи на переводящем языке.

Ключевые слова: анекдот, названия реалий, эквивалентность, перевод, советская и российская действительность

Soviet and Russian Reality in Translation – A Few Words About Russian Anecdotes Translation into Polish

Abstract

This paper is dedicated to a problem of translation of Soviet and Russian realities, appearing in anecdotes texts, into Polish. Author indicates nonequivalent character of soviet realities in relation to Polish culture, simultaneously showing the techniques, allowing the translator to reflect elements of Soviet and Russian reality on the ground of target language.

Key words: anecdotes, translation, equivalency, realities names, Russian culture, Soviet realities

Marcin Dziwisz, dr
Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie
Instytut Neofilologii

Marcin Dziwisz, dr
Pedagogical University of Cracow
Institute of Neofilology
e-mail: dziwismarcin1985@gmail.com
tel. +48 500876174

Густав Михал Акартель

К вопросу о русских подстандартных нарицательных, образованных от имен собственных и их польских соответствиях

Поскольку затруднения при переводе чаще всего возникают при передаче значений отдельных слов, проблема подобного рода обычно решается с учетом контекста. Под контекстом понимают, как правило, непосредственное лексическое окружение данного слова или выражения в устной или письменной речи. И именно в нем значение слова приобретает необходимые для понимания оттенки и определенный смысл. Что касается выбранного нами лексического материала, контекст можно было бы воспринимать также несколько шире, имея в виду толкование лексической единицы в словарях-источниках с ее отнесением к той или иной лексико-семантической (тематической) группе. К примеру, если в общем употреблении и понимании *Ботвинник* – это ‘фамилия известного шахматиста, чемпиона мира’, то в социолектах, с переходом к ним, *ботвинник* имеет значение ‘отличник, зубрила’, а также ‘тот, кто торгует в кооперативных ларьках мелкими товарами’ и ‘тот, кто ворует из этих ларьков’ (с предположительной мотивацией от слова *ботва*).

Пытаясь подобрать подходящий эквивалент, мы всегда имеем в виду слово в контексте или слово, обусловленное всем предыдущим и последующим изложением. Это и принято определять как контекст лингвистический, который делится на микроконтекст и макроконтекст¹.

Микроконтекст может быть либо *синтаксическим* – конструкция, в которой употребляется данное слово, словосочетание или (придаточное) предложение, либо *лексическим* – совокупность лексических единиц, слов и устойчивых словосочетаний, в окружении которых выступает данная единица. В свою очередь, макроконтекст понимается как языковое окружение, выходящее за пределы данного предложения, т.е. совокупность единиц, окружающих данную единицу в пределах абзаца, раздела и целого текста.

Помимо лингвистического, существенную роль играет и ситуативный (внелингвистический) контекст. При этом учитываются обстановка, время, место, одним словом, любые факторы реальной действительности,

¹ В.Н. Комиссаров, *Теория перевода (Лингвистические аспекты)*, Москва 1990, с. 142.

которые помогают правильно воспринимать значения языковых единиц в высказывании.

Тем самым, контекст подводит данную единицу языка к однозначности, что детерминирует для нее выбор необходимого эквивалента. Подобное обстоятельство в отношении подстандарта играет едва ли не самую существенную и определяющую роль в процессе восприятия сообщения.

Затрагивая данный вопрос, мы имеем в виду нарицательные имена, перешедшие из имен собственных. Это обусловлено тем, что имена собственные (в данном случае антропонимы) в своей исходной форме и таком же употреблении в контексте либо вне его не теряют своего значения, равно как и не приобретают нового, поскольку они однозначны. К таким именам следует относить как полные формы (*Геннадий, Иннокентий, Наталья*), так и так называемые обиходно-нейтральные образования от них (*Гена, Кеша, Наташа*)².

Особую группу среди антропонимов представляют собой псевдонимы и клички, или прозвища (жарг. *кликухи*), т.е. вымышленные говорящие имена (напр., кликухи криминальных авторитетов *Япончик, Кириллыч, Батя, Японец, Дед* и др.), обладающие своей мотивацией. Говорящие имена могут встречаться в художественном тексте как средство наделения данного персонажа определенной (говорящей) семантикой (напр., персонажи комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» – *Вральман, Кутейкин, Правдин, Простаков, Скотинин, Стародум, Цыфиркин*)³, а также имена, обусловленные в 20–30-е годы советской идеологией (*Диамара* – диалектический материализм, *Ревмира* – революция мира, *Рэм* – революция, электрификация, механизация и др.). Стоит также упомянуть об экспрессивных формах имен, передающих характер субъективного отношения к тому, кого так называют (*Наташка, Наташенька, Танька, Таточка* и пр.).

В центре нашего внимания, как уже говорилось, находится проблема перевода (подбора эквивалентов) для имен существительных нарицательных, происходящих от имен собственных. В силу различного рода ассоциаций в социолектах такие слова приобретают новые значения, что и влияет, в конечном итоге, на их переход в разряд нарицательных.

Лексический материал был почерпнут из словарей подстандартной лексики⁴.

Говоря о них как об источнике исследовательского лексического материала, необходимо учитывать неизбежные ограничения относительно достоверности представляемого ими состава ненормативной и не общеупотреб-

² См. об этом подробнее: П. Червинский, *Формы личных имен русского речевого употребления. Обиходно-нейтральные образования и некоторые их производные*, Katowice 2012, с. 7–28.

³ Д.И. Фонвизин, *Недоросль*, Санкт-Петербург 2015.

⁴ Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов, *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы)*, Москва 1992; В. Быков, *Русская феня*, Смоленск 1994; В.С. Елистратов, *Словарь русского арго*, Москва 2000; О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина, *Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона*, Москва 1999; В.М. Мокриенко, Т.Г. Никитина, *Большой словарь русского жаргона*, Санкт-Петербург 2001; С. Снегов, *Язык который ненавидит. Толковый словарь лагерно-воровского языка*, Москва 1991.

бительной лексики. Причины могут быть объективными (напр., опечатки⁵) и субъективными (составители таких словарей не в состоянии отобразить весь словарный запас того или иного социолекта за данный период. Немаловажную роль играет также и то, что они не являются, как это обычно бывает, носителями данного языка, и их толкования по этой причине могут быть в целом ряде случаев неточны и приблизительны).

Для целей анализа нами были отобраны единицы, служащие как общим обозначением человека, так и показателями пола (мужского либо женского), внешнего вида, умственных способностей, рода занятий, в том числе по профессии, признаку расы, цвета кожи и др.

Как можно было заметить, отобранный лексический материал (нарицательные существительные) в сопоставительном аспекте, в большей или меньшей степени, подразделяется на две группы. Проведение четкой границы между ними не всегда очевидно. Первую группу составляют имена, происходящие непосредственно от имен собственных (их можно воспринимать как неосемантизмы, точнее квазинеосемантизмы, поскольку они предполагают также и переход от общеупотребительного языка к языку подстандарта). Вторую же представляют имена, лишь формально совпадающие в фонетическом и графическом отношении с собственными. Их также можно характеризовать как квазинеосемантизмы. Такие слова возникают в результате различных словообразовательных процессов (регулярных либо нерегулярных, нормативных либо ненормативных). При этом следует обратить внимание на тот факт, что такие слова (как, впрочем, и любые слова, стихийно появляющиеся в языке) создаются автоматически по существующим словообразовательным моделям. Анонимные авторы таких новообразований не задумываются над способами пополнения лексического запаса для создаваемых ими слов. Они опираются, как правило, на чувство того языка, носителями которого они являются, исходя из вдруг появившихся в их сознании ассоциативных связей, не представляя себе, что само собой разумеется, что при этом используют, напр., словообразовательную основу, морфемы, прибегают к метафоре, метонимии, контаминации, телескопизму и пр. В их сознании, таким образом, имеется некая общая схема, срабатывающая по аналогии к уже существующим лексическим единицам.

В ходе отбора интересующего нас лексического материала появился вполне логичный вопрос о том, как значение данного слова или квазинеосемантизма передать на другом языке – польском? Учитывая то, что русский и польский языки являются близкородственными, можно было бы ожидать, что эта проблема, в основном, решаема. Однако, поскольку каждый из этих двух языков существует в свойственной только ему действительности эта проблема становится не такой очевидной. За теми и другими квазинеосемантизмами оказываются закрепленными знания собственных породивших их социальных сред, знания не только во многом не сходные, но и нередко мало что имеющие общего между собой.

⁵ См. об этом, напр.: В.В. Шаповал, *Теория и практика верификации словарных данных на основе источников*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва 2016, с. 80–270.

Собранный материал представляет собой довольно регулярное⁶ явление в области мотивирующих их источников. Это будут имена персонажей известных литературных произведений и кинофильмов (к этому можно добавить имена широко известных актеров): *Белоснежка, Буратино, Максимка* и др.; имена и фамилии исторических, а также ряда современных общественных и политических деятелей: *Демосфен, Пипин, Стаханов, Янаев* и др.; некоторые распространенные личные имена: *Абрам, Иван, Даша, Шурик* и др.; мифологические и библейские имена, имена богов: *Аллах, Андромеда, Гермес* и др.; общеизвестные клички животных: *Бобик, Жучка, Мурка* и др.; топонимы: *Цусима*.

Как можно заметить, восприятие окружающего мира носителями социолектов оказывается весьма продуктивным и своеобразным, что представляет далеко не простую проблему для переводчика.

Разбираемый материал относится в своем большинстве к весьма затруднительной с точки зрения перевода лексике, связываемой с отличающимися по языкам реалиями. Реалии русскоязычных социолектов отличаются от польскоязычных, также как и наоборот, польскоязычные не совпадают с русскоязычными.

Леонид С. Бархударов толкует реалии как «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке»⁷. Имена собственные, географические наименования, названия учреждений, организаций, газет и пр., не имеющие постоянного соответствия в лексике другого языка, Бархударов относит к безэквивалентной лексике⁸.

Вместе с тем можно также предположить, что так называемая безэквивалентная лексика далеко не всегда выступает как безоговорочно безэквивалентная. На основании собранного лексического материала появляется впечатление, что в области имен собственных и мотивированных ими нарицательных иногда оказывается возможным частично подобрать эквивалентные единицы. Проблема лишь в том, чтобы установить, где проходит граница между переводимой, труднопереводимой и непереводаемой лексикой? Четкую границу провести невозможно, так как она обусловлена реалиями, которые в обобщенном виде весьма субъективны. Субъективизм, в том числе, заключается в знаниях, как переводчика, так и получателя перевода. Если знания переводчика и получателя совпадают, перевод принципиально возможен, если же знания (чаще со стороны получателя) не совпадают, перевод (подбор эквивалента), по крайней мере, может быть затруднителен.

Следует также иметь в виду и тот факт, что слово кроме реального значения обладает также потенциальным значением, которое у разных адресатов может вызывать различные ассоциации. Как замечает К. Гейзовски, например

⁶ Регулярность мы понимаем как многократно повторяющиеся в сопоставляемых языках серии слов по данной формальной и семантической модели (например, образования, основанные на перечисленных именах).

⁷ Л.С. Бархударов, *Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода*, Москва 1975, с. 95.

⁸ Там же, с. 94; см., напр.: R. Lewicki, *Zagadnienia lingwistyki przekładu*, Lublin 2017, с. 265–293.

слово *gołqb* (голубь) вызовет у большинства людей ассоциацию – обычная городская птица. В то же время, у голубевода эти ассоциации будут варьировать вокруг таких определений, как необычная, прекрасная, умная и т.д. птица⁹.

Затрагивая проблематику перевода, стоит также обращать внимание на происхождение рассматриваемых лексических единиц. В русском языке такие слова могут оказаться исконными (*ваня, володя, шурик* и др.) или заимствованными (*пипин, чойболсан* и др.), уходящими своими корнями в иностранные имена собственные. Вместе с тем в разбираемом случае заимствованную лексику можно подразделить на более или менее известную и потому хорошо освоенную – русифицированную (*Жюль Верн, Моисей, Марко Поло, Микеланджело Буонарроти* и др.) и не такую известную, а потому в меньшей степени или совсем не освоенную (*Григорий Нисский, Пипин Горбатый* и др.).

Особых затруднений при переводе не вызывают интернационализмы – слова, встречающиеся в разных языках в аналогичных или близких значениях и совпадающие (с учётом фонетических и графических особенностей каждого языка) по форме звучания и написания. К интернационализмам, помимо терминологической лексики (научной, общественно-политической и т.д.), несомненно, можно отнести и ряд антропонимов, зоонимов, топонимов, идеонимов, хрематонимов, этнонимов и т.д. Подобного рода лексика не вызывает особых затруднений при переводе (подборе эквивалентов), при условии, что в языке адресата такой эквивалент существует. Если же нет, переводчик вынужден его создать, и тогда такая им созданная к случаю единица, т.е. окказионализм, потенциально способна получить распространение в заимствующем ее языке, став, в результате, узуальной.

К собранным нами именам нарицательным, мотивированным, предположительно, именами собственными, возможным видится наличие и подбор указанных эквивалентов в других языках при условии, если в данном этносе и его культуре имело место проявление источников, в которых данные имена зафиксированы.

При подходе чисто теоретическом для единиц, основанных на именах персонажей из кинофильмов либо литературных произведений, и наличии связанных с этим семантических признаков (поведение, внешний вид, черты характера и т.д.) достаточным было бы произвести транскрипцию либо транслитерацию, с тем чтобы передать соответствующую лексему языка-источника. Условием должно быть то, что данное произведение искусства известно среди носителей языка-адресата, в противном случае это будет лексическая единица без смысловой поддержки. Так, например, такие производные нарицательные от имен, как *белоснежка, бельмондо, борман, маргаритка, марго, матрёна, тарзан, фантомас, чебурашка* и т.д., несомненно, вызовут затруднения при переводе, если у адресата они не связаны с известным ему рядом объясняющих ассоциаций.

Стоит также иметь в виду и то обстоятельство, что даже если в данной этнокультуре имеют распространение данные произведения, подбор подходящего эквивалента либо образование переводчиком нового, в конечном итоге, может в целом ряде случаев быть не до конца понятен для адресата.

⁹ K. Hejwowski, *Iluzja przekładu*, Wydawnictwo Naukowe Śląsk, Katowice 2015, s. 45.

Мы имеем в виду, в частности, фактор, связанный с возрастом (извечная проблема «отцов и детей»), приобретающий актуальность и в связи с подбором или образованием эквивалентов, относящихся к именам собственным, при их переводе на другой язык. Преимущество и передача культурных ценностей и знаний от поколения к поколению¹⁰, а точнее ее отсутствие в современном мире, ведет к тому положению, что в тех или иных обстоятельствах имеется переводимое, которое может быть недоступным для адресата.

Не исключено, что, к примеру, такие слова, как *белоснежка*, *бельмондо*, *борман*, *марго*, *матрёна*, *тарзан*, *фантомас*, *чебурашка* и т.д., как мотивирующие стимулы в отношении своих производящих, далеко не всегда будут правильно декодированы. За всем этим может стоять не предвидимое в своих последствиях субъективное восприятие.

Логика подсказывает, что приводимый материал следует разделить на две основные группы: слова однозначные (вызывающие более или менее общепонятные и однозначные представления) и неоднозначные, в том числе и непонятные, вызывающие многосерийные, размывающиеся представления либо не вызывающие никаких ассоциаций. Такие, к примеру, слова как *белоснежка* (основная семантическая опора: *Белоснежка* → дочь короля, которую приютили в лесу гномы, спасая от гнева злой мачехи; вторичные ассоциации: молодая, красивая, невинная, добрая, чистосердечная, простодушная, наивная, инфантильная), *тарзан* (основная семантическая опора: *Тарзан* → человек воспитанный обезьянами; вторичные ассоциации: сильный, дикий, храбрый, заросший, небритый); *alibaba* (основная семантическая опора: *Али-Баба* → неожиданно сказочно разбогатевший бедняк; вторичные ассоциации: разбойник, главарь преступной группировки, богатство, сам Али-Баба не слишком сообразительный – существенные проблемы решала за него служанка), *garsija* (основная семантическая опора: сержант *Гарсия* → командир воинской части, задача которой поймать разбойника *Зорро*; вторичные ассоциации: солидные габариты, склонность к вину и застольям, добросовестный, но не очень понятливый), *holmes* (основная семантическая опора: *Шерлок Холмс* → частный сыщик; вторичные ассоциации: умный, интеллигентный, эффективный, доводит дело до конца) будут в большинстве своем расшифрованы, так как мотивирующие их имена персонажей имеют свое хождение в современной массовой культуре, что и вызывает большую либо меньшую их определенность и однозначность. В связи с этим можно предполагать, что подстандартные единицы, основанные на именах собственных подобного рода, не будут представлять затруднений при употреблении их в контексте, с точки зрения восприятия и понимания.

И тогда, например, *белоснежка*, в русскоязычных социолектах 'проститутка', при переводе на польский язык в том же значении (контексте) звучит как *śnieżka*; *тарзан* 'человек обросший волосами', в переводе на польский в том же значении, как *tarzan*; *garsija* 'толстый человек' → *garcsia*; *holmes*

¹⁰ И.А. Гусак, Т.И. Кузнецова, *Взаимоотношения поколений в информационном обществе*, [в:] *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сборник статей по материалам XXIV международной научно-практической конференции*, Новосибирск 2013.

‘следователь’ → *холмс* и т.д. Иными словами, такие подстандартные единицы (нарицательные от имен собственных) при переводе на другой язык сохраняют свое значение.

В свою очередь, такие неосемантизмы как, например *бельмондо* (основная семантическая опора: *Жан-Поль Бельмондо* → французский киноактер; вторичные ассоциации: сильный, смелый, но странно себя ведущий), *борман* (основная семантическая опора: *Мартин Борман* → исторический персонаж, изображенный в сериале *Семнадцать мгновений весны* и сыгранный Юрием Визбором¹¹; вторичные ассоциации: осторожный и хитрый, взвешивающий каждый свой шаг и каждое свое слово), *марго* (основная семантическая опора: *Королева Марго* → героиня исторического романа Александра Дюма¹²; вторичные ассоциации: самая красивая, самая образованная женщина Франции, олицетворение героизма и нравственного идеала), *матрёна* (основная семантическая опора: *Матрена* → героиня рассказа *Матренин двор* Александра Солженицына; вторичные ассоциации: простая деревенская женщина – простодушная, доброжелательная, в пожилом возрасте – старушка), *фантомас* (основная семантическая опора: *Фантомас* → персонаж, известный по комедийной тетралогии Андре Юнебеля: *Фантомас*, *Фантомас разбушевался*, *Фантомас против Скотланд-Ярда* и *Фантомас возвращается* с Луи де Фюнесом и Жаном Маре в главных ролях; вторичные ассоциации: гениальный преступник, скрывающий своё лицо, лысый), *чебурашка* (основная семантическая опора: *Чебурашка* → один из главных героев книги Эдуарда Успенского *Крокодил Гена и его друзья*, а также мультфильма, снятого на этой основе; вторичные ассоциации: маленькое существо с огромными ушами, большими добрыми глазами и коричневой шерстью, «ванька-встанька»).

Все перечисленные персонажи, равно как и многие другие, не перечисленные, по нашим предположениям, в настоящее время (второе десятилетие XXI века) не фиксируются в современной массовой культуре, что автоматически ограничивает круг адресатов и, тем самым, возможность правильного декодирования квазинеосемантизма, образованного от данного имени собственного¹³. Как и в случае единиц предыдущей группы, перевод их на другой язык осуществляется путем упрощенной транскрипции и транслитерации вслед за первоисточниками – именами собственными, которые должны быть известны начитанному и образованному носителю языка. Тем самым, такие нарицательные образования, как, например, *бельмондо* ‘психически ненормальный человек’ в переводе на польский *belmondo*; *борман* ‘хитрый, ловкий человек’ → *borman*; *матрёна* ‘пожилая женщина’ → *matriona*; *фантомас* ‘лысый человек’ → *fantomas*; *forsajt* ‘англичанин’ → *форсайт*, *чебурашка* ‘глупый,

¹¹ В процессе декодирования квазинеосемантизма, основанного на имени собственном, существенную роль может играть не только названный персонаж, но и внешний облик киноактера, исполняющего данную роль.

¹² Роман А. Дюма создал свой собственный, популярный в массовой культуре, хотя и далекий от исторических источников образ Маргариты де Валуа – *Марго*.

¹³ Наши предположения основаны на кратких беседах-опросах с современной молодежью, которая, в своем большинстве, в настоящее время не обладает необходимыми знаниями относительно перечисленных персонажей.

придурковатый человек' → *czeburaszek* и/или *kiwaczek*¹⁴, будут более или менее правильно поняты ограниченным кругом адресатов.

Затронутая проблема касается исторических и общественно-политических, библейских, мифологических персонажей, топонимов, образованных от их имен нарицательных, которые в условиях европейской культуры предположительно и теоретически, должны быть известны определенному кругу носителей рассматриваемых языков: *гермес*, *демосфен*, *каин*, *кимирсен*, *пипин*, *сара*, *сорбонна*, *стаханов*, *цусима* и др. Без знания известных реалий, которые ведут за собой и определенную семантику разбираемых единиц, невозможно правильно декодировать и их производные. В собранном материале, как ранее говорилось, встречаются единицы, которые представляют еще более существенную проблему, как для переводчика, так и для адресата. Помимо упомянутого в самом начале слова *ботвинник*, к ним следует относить и такие, как *андромеда*, *гаврила*, *маргаритка*, *мурка*, *юда* и т.д.

Все эти слова формально (в фонетическом и графическом отношениях) совпадают с именами собственными, но, как уже было замечено, предположительно, не являются результатом неосемантизации либо неосемантизация играет для них второстепенную роль.

К примеру, *андромеда*, 'бесплодная женщина', скорее всего, это слово появилось в языке подстандарта как образование с помощью элемента *андро...* (греч. мужчина) с добавлением к нему последующего от *Андромеда*, а не, как можно предполагать, неосемантизм от имени *Андромеда*, которая, согласно греческой мифологии, будучи царицей Микен, не была бесплодной, родив Персею детей. Поскольку данное слово греческого происхождения, независимо от способа его попадания в социолекты, можно предполагать, что при переводе на польский язык, как нарицательное, *andromeda* будет понято правильно. В силу фонетического сходства и русское *юда* (от имени *Иуда*) 'еврей' можно попытаться перевести на польский как нарицательное *juda / judasz*.

В свою очередь, такие нарицательные, как *гаврила*, *маргаритка*, *мурка*, могут представлять собой проблему при переводе на польский язык, так как и в языке-источнике (русском) основания потенциального семантического переноса неоднозначны. Например, *гаврила* 'неотесанный грубый человек' можно понимать как слово от простонародного имени *Гаврила*. Поскольку сфера ассоциаций своеобразна и часто непредсказуема, и слово *маргаритка* 'минетчик' вызывает затруднения семантического характера. Неоднозначность ведет либо к имени *Маргарита*, сокр. *Маргаритка*, нередко ассоциирующимся с официанткой, обслугой, горничной в отеле, раздатчицей в столовой, санитаркой, т.е. доступной, согласно общему представлению, юной, в первую очередь, женщиной, либо, что менее вероятно, к персонажу рассказов для детей (*Маргаритка*), либо, что еще менее вероятно, но все же не исключено,

¹⁴ Оба варианта, как имена собственные, проявились в польском языковом узусе. Отличие между ними лишь в способе перевода на польский: *Czeburaszek* (транслитерация + нулевая флексия) не передает адресату исходной семантики, в то время как *Kiwaczek* – дословный перевод (калька), семантику сохраняет (от *чебурашка*, *ванька-встанька*, *куколка*, которая, как ни кинь ее, сама встает на ноги, шатается, чебурахается – польск. *kiwa się*).

к названию цветка, в дословном переводе на польский *margerytka, stokrotka*. Так же как *мурка* 'наводчица, пособница воровской шайки' (*Мурка* – это и популярная кличка домашних кошек в России, и омонимическое образование от *МУР*, Московский уголовный розыск, но, в первую очередь, героиня известной песни блатного фольклора, выдавшая воров, за что и была ими убита).

Так же и в польскоязычных социолектах можно заметить слова, перевод которых на русский язык затруднителен в силу того, что уже в самом языке-источнике семантика не совпадает с потенциально мотивирующим словом. К таким единицам можно было бы отнести *dubczek* 'гомосексуалист' (от фамилии *Dubczek* или же образование от обценного *dupczyć* 'совокупляться' + *Dubczek*?); *ewka* 'женщина как таковая' (от фамильярной формы личного имени *Ewa* → *Ewka* или же фонетическое переосмысление *Ewka* → *mewka*?); *frania* 'женщина как таковая' (от уменьшительно-ласкательной формы *Franciszka* → *Frانيا* или же ассоциация со стиральной машиной *Frانيا*?); *jarema* 'человек из деревни' (от имени *Jeremi* / *Jarema* или же, скорее всего, от *zboża jare* – сельск.-хоз. яровые культуры или от *усм.* «*Stary, ale jary*» – «*Стар, но бодр*»?); *mańka* 'рука' (от увеличительной формы имени *Maria* → *Mańka* или от *mańkut* 'левша' → *mańka*?); *mietek* 'дворник; сторож' (от уменьш.-ласк. *Mieczysław* → *Mietek*, *Miecio* или же фонетическое искажение *miotła* 'метла' – «*Kto nie z Mieciami, tego zmiecie*»?); *szpilman* 'карманный вор' (от фамилии *Szpilman* или же от жарг. *szpila* 'нож' + *-man*?).

Как можно было заметить, мнимые неосемантизмы не только представляют затруднения для переводчика, но и, предположительно, представляют собой серьезную задачу и для исконных носителей языка, так как без более широкого лингвистического исследования многие слова, их семантика и этимология, представляются непонятны.

Собранный нами лексический материал отражает лишь небольшую часть, дающую возможность поставить вопрос о многоаспектности социолектной лексики, равно как и следующей из этого проблематики, связанной с попытками перевода непереводимого на другой язык.

Перечень отобранных единиц из словарей-источников: *абдула, абрам, ада, аза, аида, алёшка, аллах, андромеда, антон, батый, белоснежка, бобик, борман, ботвинник, буратино, ванёк, ванька, ваня, володя, гаврила, гермес, даша, дашка, демосфен, джон, дунька, егорка, жаботинский, жучка, иван, каин, ким ир сен, кирилл, клави, лаура, леля, люська, люся, максимка, манька, маня, маргаритка, марго, марго, марта, марта, маруся, марьяна, матрёна, маша, машка, мойша, мурка, мурка, нана, нана, наташка, петя, пипин, рамен, руслан, сара, стаханов, степа, степан, танька, тарзан, тимофей, троцкий, ульяна, фантомас, федя, феликс, фима, цусима, чебурашка, чингиз, чойболсан, шура, шурик, эзоп, эми, эстер, яков, янаев, яшка.*

Литература

Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М., *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы)*, Москва 1992.

Бархударов Л.С., *Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода*, Москва 1975.

Быков В., *Русская феня*, Смоленск 1994.

Гусак И.А., Кузнецова Т.И., *Взаимоотношения поколений в информационном обществе, [в:] Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сборник статей по материалам XXIV международной научно-практической конференции*, Новосибирск 2013.

Елистратов В.С., *Словарь русского арго*, Москва 2000.

Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И., *Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона*, Москва 1999.

Комиссаров В.Н., *Теория перевода: Лингвистические аспекты*, Москва 1990.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., *Большой словарь русского жаргона*, Санкт-Петербург 2001.

Снегов С., *Язык который ненавидит. Толковый словарь лагерно-воровского языка*, Москва 1991.

Фонвизин Д.И., *Недоросль*, Санкт-Петербург 2015.

Червинский П., *Формы личных имен русского речевого употребления. Обиходно-нейтральные образования и некоторые их производные*, Katowice 2012.

Шаповал В.В., *Теория и практика верификации словарных данных на основе источников. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук*, Москва 2016.

Hejwowski K., *Iluzja przekładu*, Wydawnictwo Naukowe Śląsk, Katowice 2015.

Lewicki R., *Zagadnienia lingwistyki przekładu*, Lublin 2017.

Перевод на польский язык русских подстандартных нарицательных образованных от имен собственных Резюме

В статье выделяются и характеризуются единицы русского языкового подстандарта – нарицательные имена существительные (*ботвинник, егорка, стаханов* и др.) мотивированные именами собственными (*Ботвинник, Егорка, Стаханов* и др.). Данные имена называют человека по разным признакам (внешний вид, национальность, интеллект, профессия и др.). Автор пытается ответить на вопрос, возможен ли перевод таких языковых единиц на другой язык (польский) с учетом первичной и вторичной семантики?

Ключевые слова: социолект, имя собственное, имя нарицательное, перевод, эквивалент, семантика

A Translation of Russian Sociolectal Common Names Created on the Basis of Proper Names to Polish Language Abstract

Presented article is dedicated to the translation issue of common nouns based on Russian sociolects (*ботвинник, егорка, стаханов* and other), which are derived from proper names (*Ботвинник, Егорка, Стаханов* and other.). Considered nouns name people in terms of

appearance, nationality, intellect, profession etc. The author tries to answer the question of whether it is possible to select proper equivalent of the target language, so that it is properly decoded by the recipient.

Key words: sociolect, proper names, common nouns, equivalent, translation, semantics

Gustaw Michał Akartel, dr
Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie
Instytut Neofilologii (filologia rosyjska)

Gustaw Michał Akartel, PhD
Pedagogical University of Cracow
Institute of Modern Languages (Russian Philology)
e-mail: akartel@mail.ru

Spis treści / Contents

<i>Halina Chodurska, Barbara Stawarz, Tadeusz Szczerbowski</i> Od redaktorów / From the Editors	3
--	---

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ГЛОТТОДИДАКТИКА / LINGUISTICS AND GLOTTODIDACTICS

<i>Halina Zajac-Knapik</i> Ćwiczenia zapobiegające interferencji w nauczaniu języka rosyjskiego na I roku filologii rosyjskiej	5
Упражнения, предупреждающие интерференцию в обучении русскому языку на первом курсе русской филологии Exercises Preventing Interference in Teaching Russian Language in the First Year of Russian Philology Studies	
<i>Izabela Kozera</i> Метод корпусного исследования – преимущества и недостатки (на примере использования Национального корпуса русского языка)	17
The Method of Corpus Study – Advantages and Disadvantages (On the Example of Russian National Corpus)	

<i>Наталья Арефьева</i> Фразеологизмы русских говоров Одесщины в свете лингвокультурных кодов	33
Phraseological Units of Russian Dialects of Odessa Region in the Light of Linguocultural Codes	

<i>Лариса Михеева</i> Роль грамматических знаний и умений в процессе усвоения пунктуации	43
The Role of Grammatical Competence in the Process of the Assimilation of the rules of Punctuation	

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / THE STUDY OF LITERATURE

<i>Paweł Ligęza</i> Ironia w twórczości poetyckiej Bułata Okudżawy	53
Ирония в поэтическом творчестве Булата Окуджавы Irony in the Poetry of Bulat Okudzhava	

Paweł Łaniewski

- Trauma pierwszej wojny światowej
w twórczości Zygmunta Krzyżanowskiego 66
- Травма первой мировой войны
в творчестве Сигизмунда Кржижановского
- Trauma of the World War I in the Works of Zygmunt Krzyżanowski

Agnieszka Potyrańska

- Koncept apokatastazy w wybranych wierszach
Siergieja Gorodieckiego z tomu *Ярь* 77
- Концепт апокатастасиса в избранных стихотворениях
Сергея Городецкого из сборника «Ярь»
- The Concept of Apocatastasis in Siergiej Gorodetsky's
Selected Works from Collection of Poems *Yar* (*Ярь*)

Agnieszka Ścibior

- «Прихоть истории»: к рецепции *Бурной жизни Лазика Ройтшванца*
Ильи Эренбурга в российской и польской критике 93
- „The Whim of History” – the Reception
of *The Stormy Life of Lasik Roitschwantz* by Russian and Polish Criticism

Нина Раковская

- Авторские миры в критическом дискурсе
конца XIX – начала XX веков 104
- The Author's Worlds in a Critical Discourse
of the End of XIX and the Beginnings of the XX Centuries

Светлана Фокина

- Флейта как знак дионисийского мироощущения
в авторском мифе Андрея Ширяева 113
- Flute as the Sign of Dionysian Attitude
in the Author's Myth by Andrey Shiryaev

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ / PRZEKŁADOZNAWSTWO**Marcin Dziwisz**

- Rzeczywistość radziecka i rosyjska w przekładzie
(na materiale tłumaczeń anegdot rosyjskich na język polski) 124
- Советская и российская реальность в переводе
(на материале перевода российских анекдотов на польский язык)
- Soviet and Russian Reality in Translation – A Few Words About Russian
Anecdotes Translation into Polish

Густав Михал Акартель

- К вопросу о русских подстандартных нарицательных,
образованных от имен собственных и их польских соответствиях 135
- A Translation of Russian Sociolectal Common Names Created
on the Basis of Proper Names to Polish Language